

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 10 (76).№4

**Симферополь
2024**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10(76), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издавался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 11 от 02.12.2024 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Крацова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 02.12.2024 . Формат 70x100 1/16 усл. п. л. 15,4. Заказ № НИ/726. Тираж 25 . Бесплатно.

Дата выхода в свет «07».февраля. 2025 г.

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 902.01

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-3-14

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ШЕЛЬФОВОЙ ЗОНЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО СКЛОНА ЧЕРНОГО МОРЯ¹

Вахонеев В. В.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: vvvkerch@mail.ru*

Петровский В. М.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: petrovskiyvm@yandex.ru*

Рассматривается история глубоководных исследований в акватории Черного моря на примере реализации нескольких научных проектов у побережья Турции, Болгарии и Крыма. В арсенале современных археологов появилось множество специальных технических средств, в первую очередь телеуправляемых необитаемых подводных аппаратов. Отдельно авторами выделены природные факторы, связанные с климатическими изменениями и влияющие на сохранность объектов подводного культурного наследия, такие как химические, биологические, геоэкологические. Авторы приходят к выводу о том, что участки континентального склона и котловина Черного моря останутся наиболее благоприятными для сохранения подводных археологических объектов.

Ключевые слова: Черное море, глубоководная археология, котловина, шельф, климатические изменения, кислотность, соленость, морской шашень, кораблекрушения, телеуправляемый необитаемый подводный аппарат

Еще в начале 1960-х гг. известный антиковед В. Д. Блаватский и его ученик С. Г. Кошеленко мечтали о времени, когда археологи смогут проникнуть на глубины более 200 м, «в недра Черного моря, где обилие сероводорода делает маловероятным активную органическую жизнь и, надо думать, создает благоприятные условия для сохранения дерева и других органических веществ». По их мнению, на затонувших кораблях могли быть обнаружены не только предметы перевозимого груза, но также рукописи древних авторов, которые не могли сохраниться на суше. Они приводят в пример Ксенофонта, который в начале IV в. до н.э. указывал, что его произведения были одним из товаров, перевозившихся на кораблях по Черному морю [1, с. 64; 2, с. 100]. Отчасти эти

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Комплексные морские междисциплинарные исследования на НИС "Пионер-М" в шельфовой зоне и континентальном склоне Черного моря в условиях антропогенного воздействия и климатических изменений» (FEFM-2024-0013).

предположения основоположников морской археологии оказались верными, так как уже в наше время на затонувших на больших глубинах судах удалось найти хорошо сохранившиеся льняные ткани, кости, веревки и канаты, не говоря уже о древесине затонувших кораблей.

История археологических исследований. В. Д. Блаватский стал одним из пионеров отечественной подводной археологии в период, когда весь мир был охвачен фантастическими перспективами изучения морских глубин, отрывшимися после изобретения акваланга Ж.-И. Кусто и Э. Ганьяном в 1943 г. Основным отличием данного аппарата от использовавшихся ранее было наличие устройства, позволяющего автоматически проводить для аквалангиста регулировку давления сжатого воздуха из баллона. Это изобретение стало действительно революционным и навсегда изменило характер натуральных морских исследований по всему миру [6, с. 78 и сл.]. Если раньше тяжелый водолаз, шагавший по дну и работавший практически на ощупь, не обеспечивал должной точности археологических работ, то теперь ситуация кардинально поменялась. Археологи, пройдя небольшой курс основ работы в легководолазном снаряжении, могли самостоятельно погружаться в воду. У аквалангиста появилась возможность визуально осматривать достаточно большие по площади участки дна, а методы исследований стали неуклонно приближаться к методам наземной археологии. За этим последовало изучение кораблекрушений у Махдии, Гран Конглуэ, Альбенги, Ясси-Ады, Гелидоньи и многие другие. Тем не менее, за небольшим исключением, акваланг физически ограничивал глубины, до которых могли проводиться безопасные для человека погружения, – обычно, до 60 м. В то время как значительная часть погибших судов находила свое последнее пристанище на больших глубинах в силу того, что открытое море по факту являлось менее опасным, чем каботажное плавание вдоль берега. Прибрежное мореходство, несмотря на кажущуюся иллюзию безопасности плавания вдоль берега, таило немало угроз: риск попасть на отмель или рифы, разбиться о скалистый берег, подвергнуться нападению грабителей – это заставляло суда держаться мористее.

Известный морской геолог У. Баском в 1970-х гг. проиллюстрировал историческое и археологическое значение остатков кораблекрушений в глубоководной части Средиземного и Черного морей. Результаты изучения лондонского регистра Ллойда середины XIX в. показали, что затонуло около половины всех судов, из которых три четверти погибло в прибрежной зоне и менее четверти – на глубине. Последние в основном или пропадали без вести, или тонули в непогоду [9, pp. 71–84]. Очевидно, что такая же статистика может быть применима и к предшествующим историческим эпохам, тем более что техника античного и средневекового мореплавания была менее развита, чем в XIX веке, следовательно, большие глубины скрывают на морском дне значительное число таких затонувших судов, которые недоступны аквалангисту.

Границей между мелководными и глубоководными исследованиями для нужд археологии можно считать возможности использования специального оборудования, т.е. то место, куда человек может погрузиться самостоятельно в

акваланге, можно назвать мелководьем. Обычно это касается глубин до 60–80 м (рис. 1). Существует также еще одно направление в погружениях человека под воду – технический дайвинг, однако он на данный момент не является массовым, да и пределы его ограничены погружениями на глубину в 100–120 м. При этом погружения на такие глубины сопряжены с огромным риском для человека. Но даже на глубинах 60–80 м работа аквалангиста связана с рядом технических сложностей, главной из которых является длительное время, которое необходимо затратить на декомпрессионные остановки при подъеме с такой глубины. Чем больше глубина, тем больше времени нужно аквалангисту на подъем, и зачастую работа на археологическом объекте может длиться меньше, чем путь на поверхность.

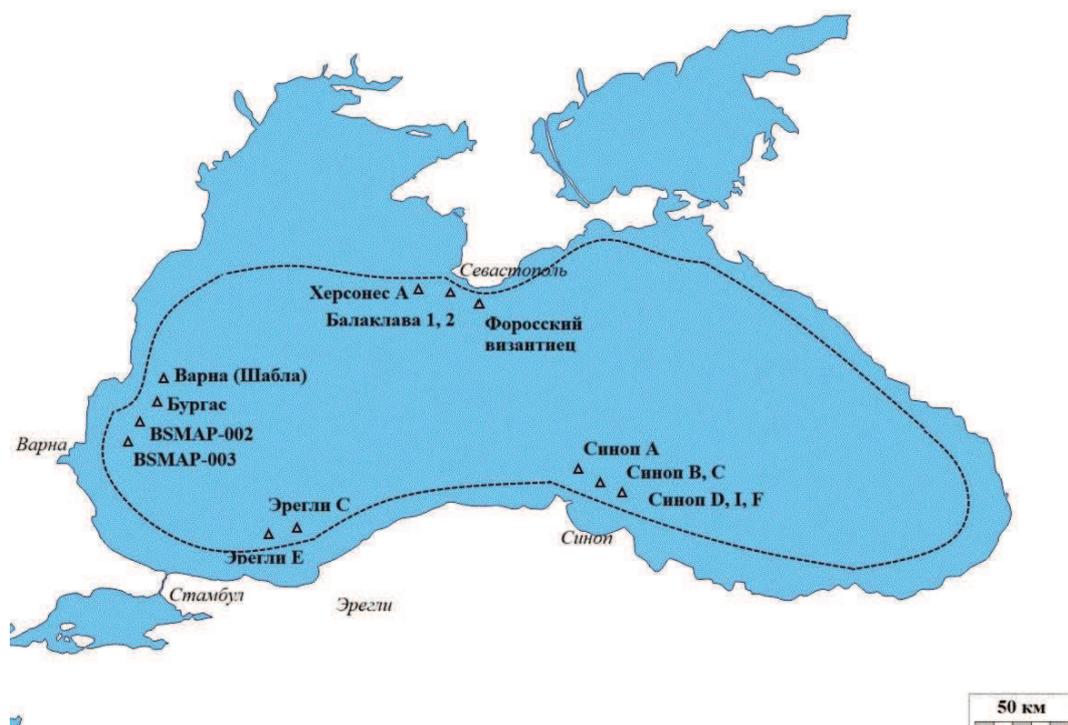

Рис. 1. Карта Черного моря с указанием 80-метровой изобаты и археологических объектов за ее пределами.

Специальное подводное оборудование. Для решения проблемы изучения больших глубин было разработано специальное оборудование. Несмотря на то, что основными его пользователями изначально были военный флот и добывающие компании, оно также может эффективно использоваться и для нужд археологии. Это, в первую очередь, телеуправляемые необитаемые подводные аппараты

(ТНПА). Эти дистанционные средства сегодня используются для идентификации, фиксации и даже для проведения ограниченных глубоководных раскопок. Такие аппараты исключают все риски работы водолаза под водой, а ограничение по глубине для них связано лишь со стоимостью самого устройства.

Потенциал ТНПА для нужд археологии был раскрыт в 1989 г., когда А. Макканн и Р. Баллард организовали археологические исследования на значительных глубинах у рифов Банка Скерки в 60 км к северу от Туниса и в 80 км к западу от Сицилии [15]. В 1989 г. тут было обнаружено кораблекрушение IV в. н.э., а в 1997 г. на глубинах от 750 до 800 м с помощью более сложного оборудования в ходе четырехнедельной экспедиции было зафиксировано 8 кораблекрушений: 4 римских торговых судна, одно раннесредневековое рыболовное судно и два парусных корабля конца XIX – начала XX вв. [8, pp. 1591–1620]. В исследованиях были задействованы атомная подводная лодка и ТНПА. Методика изучения включала довольно новые для того времени методы, такие как микробатиметрическое картирование и фотомозаику. Полученные с глубины 800 м результаты в целом по уровню фиксации не уступали планам, снятым при наземных раскопках. Более того, ТНПА был оснащен специальным инструментарием, позволявшем проводить расчистку и раскопки. Исследования были продолжены и в 2003 г. Широко используются в глубоководной археологии и ставшие уже традиционными средства акустического и магнитометрического поиска: гидролокаторы и магнитометры. Эти приборы, как и на мелководье, позволяют выявить на морском дне объекты археологии.

Глубоководная археология. Роберт Баллард отметил тесные междисциплинарные связи глубоководных исследований. Они требуют новейших технологий, таких как ТНПА, различных устройств для дистанционного зондирования, знаний в сфере океанографии, океанологии, морской геологии, гидроакустики. Все это привело к внедрению в США термина «археологическая океанография». В Род-Айлендском университете появилась соответствующая учебная программа [7, p. 7] – и в итоге археологическая океанография была выделена как отдельная субдисциплина.

Океанография по определению является изучением океана. В ее составе четыре основные дисциплины: биологическая, химическая, геологическая и физическая. Имеющая междисциплинарное происхождение археологическая океанография требует привлечения археологов, историков, морских геологов, био- и геохимиков – специалистов по осадочным образованиям, инженеров и множества других специалистов.

Однако этот термин фокусируется главным образом на научных и инженерных усилиях, прикладываемых к археологии. Фредерик Сорейде отметил, что не существует океанографических археологов и глубоководной археологии в качестве направления по получению научных знаний. Все это археология, памятники которой располагаются в глубоководной зоне. Глубина – всего лишь препятствие. Приходят новые технологии и методы, но не «новые археологи» [20, pp. 6–7].

Черное море. Глубины Черного моря также не осталось вне поля зрения специалистов, в первую очередь того же Р. Балларда. Если до 1990-х годов археологи сосредотачивали свое внимание в основном на прибрежной мелководной зоне, где были открыты такие памятники античной навигации, как затонувшее судно у озера Донузлав, судно с античной скульптурой у берегов Стамбула, то в 1999 г. экспедиция Института океанографических исследований (США) под руководством Р. Балларда провела первую в Черноморском регионе разведку и съемку континентального шельфа. Экспедиция была организована возле центральной части северного турецкого побережья, на траверзе морского порта Синоп. Одной из задач исследования было подтверждение теории о том, что Черное море 7,5 тыс. лет назад являлось пресноводным озером, а в период голоцена соленые воды Средиземного моря прорвались через Босфор и вызвали гибель пресноводной экосистемы, смешение слоев и образование анаэробного слоя на глубине более 200 м.

При помощи технических средств дистанционного сканирования была определена древняя береговая линия на глубине 155 м. По результатам этих исследований были сформированы планы экспедиции 2000 г., включавшие поиск на древнем береговом контуре признаков пребывания человека до образования Босфора и наводнения. Тут было обнаружено более 200 гидроакустических целей, из них 52 были визуально проверены при помощи ТНПА. Ряд целей впоследствии был идентифицирован как кораблекрушения, получившие наименования Синоп А, В и С [14, pp. 43–84]. В дальнейшем были открыты кораблекрушения Синоп D, F, G, H, I, а также Эрегли А–Н [10, pp. 95–97].

В 2007 г., экспедиция Р. Балларда вернулась на кораблекрушение Синоп D для проведения ограниченных раскопок и экспериментов по разложению различных материалов в анаэробной среде. Синоп D расположен на глубине 325 м и представляет собой хорошо сохранившееся судно размерами 17 на 6 м. На нем уцелели почти все элементы конструкции корпуса, сохранилась даже мачта, которая возвышается над дном на 12 м, вторая мачта – артемон – лежит возле борта судна [21, p. 2–13]. Здесь исключительно при помощи дистанционных методов на трех участках были произведены археологические раскопки, которые выявили сломанный форштевень и другие элементы конструкции судна. Образцы древесины были подняты со дна для определения возраста самого судна. Радиоуглеродный анализ показал, что дерево, использованное для строительства судна, было срублено примерно в 410–520 гг. н.э. Этот факт, а также груз амфор типа Demirci позволили установить, что судно затонуло в V–VI вв. н.э.

Помимо археологического изучения, на Синоп D были оставлены специальные экспериментальные материалы с целью установить их уровень распада в анаэробной среде за определенный промежуток времени [19, pp. 8–11].

В 2015–2017 гг. в рамках крупного международного британско-болгарского проекта «Морская археология Черного моря» (Black Sea MAP) в акватории Болгарии было обнаружено 65 кораблекрушений, датируемых периодом от IV в. до н.э. до XIX в. н.э. Используя современные дистанционно управляемые аппараты для

обследования морского дна, команда получила более 250 000 фотографий высокой четкости (HD), сотни часов видео сверхвысокой четкости (UHD) вместе с акустическими, батиметрическими, лазерными, гидролокационными и сейсмическими данными. Обломки кораблей были обнаружены на глубинах от 40 до 2200 м, и многие показали исключительную археологическую сохранность из-за бескислородного слоя в Черном море ниже глубины 220 м. Среди 65 обнаруженных кораблекрушений имеются великолепно сохранившиеся примеры военных и торговых кораблей различных эпох: греческие, римские, византийские, средневековые итальянские и османские. На 4 из 65 кораблекрушений проводились ограниченные раскопки с использованием ТНПА. Два кораблекрушения находились на глубинах между 92 и 94 м, еще два на глубинах между 1900 и 2112 м. Первым этапом было произведено общее обследование районов для получения высококачественной фотограмметрии с использованием ТНПА. После этого проводились раскопки с использованием индукционного водяного компрессора, питающегося от гидравлической системы ТНПА и управляемого кинестетическим роботизированным манипулятором. Когда донные отложения были удалены, археологические остатки были повторно обследованы и зафиксированы при помощи фотограмметрии. Несколько образцов древесины было взято с корпусов кораблей для дальнейшей датировки объектов [17, pp. 1–15].

Таким образом было исследовано судно, получившее наименование Бургас, лежащее на глубине 2112 м. Это одно из самых глубоко лежащих судов, которые были обнаружены до настоящего времени. Естественно, что на такой глубине древесина корпуса судна и деталей, мачта длиной 12 м, рулевое весло и прочие элементы конструкции судна полностью сохранились, все разрушения корпуса произошли только от удара о дно при крушении. Само судно являлось торговым, длиной до 20 м. В момент гибели оно упало на дно бортом, и в силу того, что на этих глубинах наблюдается значительный по толщине слой донных отложений, судно погрузилось в них почти полностью. Груз его идентифицировать не удалось, так же как не удалось определить и ширину судна из-за его положения под углом почти 90°. Здесь, как и на Синоп D, дистанционными методами были проведены археологические раскопки. Работа велась при помощи ТНПА, оснащенного вакуумным эжектором, который позволил удалить вязкий ил, покрывавший корпус судна, и расчистить лопасть рулевого весла. По форме своей рулевое весло напоминало хорошо известные изображения на древнегреческих сосудах. Подняты несколько фрагментов древесины, радиоуглеродный анализ которых показал, что древесина была получена около 410–380 гг. до н.э. [17, pp. 1–15]. Еще одно похожее по технике исследование было проведено на судне, которое затонуло у берегов Болгарии в конце IX или начале X вв. н.э. (данное крушение получило название BSMAP 2016-002, где аббревиатура означает The Black Sea Maritime Archaeology Project, далее следуют год и порядковый номер объекта). Расположено оно на глубине 96 м и представляет собой торговое судно длиной около 25 м и шириной до 8 м. Частичные раскопки, проведенные дистанционными методами, показали, что древесина и сам корпус имеют очень хорошую сохранность. Шпангоуты

возвышаются над дном. Обломок мачты возвышается на 2,1 м и имеет диаметр 55 см, оставшаяся часть мачты лежит на корпусе и имеет длину до 14 м. Рядом располагается рей длиной 17 м, конструкция которого дает основания предположить, что судно было оснащено латинским парусом. Частично сохранились канаты и блоки [10, р. 175–179].

Другое похожее кораблекрушение, но более древнее, относящееся к I или II вв. н.э. (оно получило название BSMAP 2017-003), удалось исследовать на глубине 2000 м. Затонувшее судно представляет собой хорошо сохранившийся корабль, который лежит на дне на ровном киле, погруженный в донные отложения примерно по ватерлинию. Мачта имеет свое исходное положение, равно как и оба рулевых весла, которые занимают свои штатные места на корме. Реи обрушились и лежат на палубе. Здесь исследователям удалось произвести серию фото- и видеосъемок с использованием масштабной лазерной линейки, что в свою очередь позволило создать трехмерную модель затонувшего судна. В силу отсутствия чертежей античных судов, такой метод позволяет получить точнейшее изображение древнего судна [10, pp. 175–179].

С судна Варна (Шабла), которое погибло примерно в III в. н.э. и лежит на глубине 81 м, с помощью манипулятора подводного аппарата удалось поднять целую амфору римского периода, внутри которой сохранились кости речного сома (рыбу использовали для соуса гарум, популярного в античное время) [5, с. 370–391].

Всего же в период 2016–2018 гг. найдено и обследовано четыре затонувших судна на глубине свыше 2000 м, три на глубинах свыше 1000 м и одно на глубине 96 м.

В целом, можно констатировать, что период начала XXI в. стал переломным в области археологического изучения Черного моря. Научно-технический прогресс позволил вести исследования на глубинах свыше 200 м, то есть там, где наличие сероводородной, бескислородной среды позволило затонувшим объектам сохраниться и даже законсервироваться в первозданном виде. В то же время число постоянно действующих региональных экспедиций возросло, появилось больше специалистов в области подводных исследований.

Наконец, современный этап развития подводной археологии Черного моря характеризуется ускоренным внедрением новых технологий. Все чаще в исследованиях используются ТНПА, позволяющие проникать на глубины свыше 2000 м и работать в сероводородном слое. Интенсивно развивается международное сотрудничество, что наряду с применением высоких технологий резко контрастирует с предыдущими этапами развития подводной археологии в данном регионе.

Особое достижение последнего времени – это начало широкого применения технологии фотограмметрии и трехмерного моделирования подводных объектов культурного наследия. ТНПА успешно использовались для исследования таких кораблекрушений в акватории Крыма, как «Херсонес А», «Форосский византиец», «Балаклава-1» и «Балаклава-2», где также были созданы как ортофотопланы, так и трехмерные модели кораблекрушений.

Факторы, влияющие на сохранность объектов культурного наследия под водой.

Вместе с этим, следует отметить, что морская среда в своей фундаментальной основе является крайне агрессивной по отношению к затонувшим объектам, будь то деревянные кораблекрушения античной либо средневековой эпохи или железные XIX–XX вв.

Современное научное сообщество пришло к выводу, что приоритетной формой сохранения подводного культурного наследия является его оставление *in situ*. Этот формат определен как приоритетный в том числе и в Конвенции ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия 2001 г. (Преамбула, статья 2.5 и Правило 1 Приложения). Исследователи согласны с тем, что археологические объекты лучше всего сохраняются под слоями донных отложений или в соленой воде. Обычно все выступающие над грунтом элементы наиболее активно разрушаются, в то время как погребенная в донных отложениях часть сохраняется гораздо лучше. Увеличившееся в последнее время антропогенное воздействие и даже прогнозируемые климатические изменения, очевидно, необходимо дополнительно учитывать в вопросах сохранения подводных археологическим памятников.

Климатические изменения приводят к изменению химического состава моря, в т.ч. их кислотности и солёности, изменению течений. Обзор и анализ литературы позволяют определить четыре основных типа воздействия изменения климата на моря и, следовательно, на культурное наследие: влияние на морские течения (связано с изменениями придонного слоя отложений, размывание или замывание археологических объектов под водой), химические изменения (влияют на уровень кислотности, солёности), подъем уровня моря (увеличение глубин и изменение изобат, изменение рельефа морского дна, подтопления, изменение гидрологии) и потепление воды (увеличение ареала распространения морского шашеня *teredo navalis*, известного в прошлом как «корабельный червь»). Последний фактор – увеличение ареала распространения «корабельного червя» – несет главную угрозу древесине затонувших кораблей в силу того, что данный моллюск питается целлюлозой (которая составляет до 50% массы древесины), в результате чего любое дерево, попавшее в ареал распространения морского шашеня, будет уничтожено им за короткое время. До сих пор данный моллюск обитает преимущественно в мелководных районах, а это предопределяет, что затонувшее на малой глубине деревянное судно не сохраняется. Но при этом с потеплением воды ареал распространения «корабельного червя» уходит в глубину, что грозит разрушением находящимся там затонувшим судам.

Традиционно в географическом и, соответственно, в археологическом плане Черное море разделено на три зоны: шельф, материковый склон и глубоководная котловина [4, с. 9]. Безусловно, наиболее подвержена внешнему влиянию мелководная шельфовая зона до изобаты 200 м.

Повышение температуры, которое уже коснулось верхнего слоя и, по некоторым данным, за последние 50 лет составило 3 °С, распространится на более глубокие слои моря. В зоне изменения окажутся и находящиеся тут

кораблекрушения. Повышение температуры воды активизирует химические изменения, соответственно, разрушение археологических памятников ускорится.

Но помимо малоизученных химических факторов, основную угрозу, как уже сказано выше, могут представлять биологические. Вода Черного моря в целом имеет достаточно стабильную структуру, состоящую из трех основных слоев в зависимости от концентрации растворенного кислорода: кислородного, с малым содержанием кислорода и бескислородного. Верхний теплый кислородный слой фиксируется до глубины 50 м, а на некоторых участках – до 150 м. Насыщенность кислородом уменьшается с увеличением глубины и снижением температуры. Практически все морские организмы, представляющие угрозу для затонувших кораблей, обитают именно в верхних слоях кислородной зоны. Ниже располагается слой с малым содержанием кислорода, мощностью от 20 до 60 м. Наконец, бескислородный слой начинается на глубине от 75 до 180 м в разных частях моря. Он содержит сероводород, насыщение которым увеличивается с глубиной [3, с. 16–17].

Морской шашень (*teredo navalis*), как известно, является основным вредителем для органики, в первую очередь дерева, на затонувших объектах, поселяясь на них. Повышение температуры воды поможет данному виду адаптироваться к менее соленым водам. К примеру, холодные и слабосоленые воды Балтийского моря сохраняют деревянные кораблекрушения гораздо лучше, чем более южные теплые моря, в т.ч. благодаря тому, что в балтийской среде не обитает морской шашень. Для Черного моря повышение температуры воды приведет к тому, что *teredo navalis* начнет активно осваивать более глубокие участки шельфа, на которых он раньше не обитал, что автоматически приведет к угрозе уничтожения затонувших деревянных судов.

При таком сценарии для Черного моря наиболее уязвимыми станут глубины 120–140 м. Фактически это та граница, ниже которой на данный момент не спускается морской шашень. Именно на этих глубинах было выявлено два достаточно показательных средневековых кораблекрушения.

Первое – «Херсонес-А» IX–XI вв. Оно располагается на глубине 139 м и находится к западу от Севастополя. Кораблекрушение представляет собой скопление кувшинов таманского типа, размерами 7×3 м. На поверхности практически не сохранились деревянные остатки судна. Они, очевидно, за некоторым исключением, были полностью уничтожены морским шашнем.

В Балаклавской бухте, на глубине 85 м обнаружены два затонувших судна X–XI вв. н.э., которые получили название «Балаклава-1» и «Балаклава-2». Оба они представляют собой торговые суда размерами 27×12 м и 22×6 м соответственно. Корпуса практически полностью скрыты под слоем донных наносов, над которым возвышаются лишь амфоры, являвшиеся частью перевозимого груза. «Балаклава-2» несет следы пожара, который, возможно, и погубил это судно.

Другой пример – кораблекрушение «Форосский византиец», которое представляет собой судно, погибшее в XIII в н.э. и сейчас находящееся на глубине 128 м к югу от Фороса. В отличие от предыдущих, тут достаточно хорошо

сохранились фрагменты судового набора, такие как шпангоуты, элементы палубной обшивки, часть форштевня и т.д. Детальное обследование позволило предположить, что перед нами гребная галера.

В обоих случаях представлены остатки деревянных кораблей. Но несмотря на большую глубину, на «Херсонесе А» засвидетельствован факт практически полного отсутствия деревянных частей судна. Очевидно, гидрологические условия данной части Черного моря позволили шашню обитать на данной глубине. На «Форосском византийце» более холодные течения из котловины Черного моря сделали участок кораблекрушения менее пригодным для обитания *teredo navalis*, благодаря чему тут сохранились деревянные элементы судна.

Указанные наблюдения позволяют прийти к выводу о том, что повышение температуры воды приведет к тому, что нижняя граница обитания морского шашеня опустится на несколько десятков метров, в результате чего будут утрачены сохранившиеся до современности остатки деревянных судов.

Однако следует отметить и еще один фактор, связанный с изменением температуры. Значительная часть объектов подводного культурного наследия сохранилась благодаря тому, что оказалась законсервирована донными отложениями. При изменении температуры воды возможно изменение устоявшихся течений, которые, в свою очередь, могут в будущем активизировать размыв донных отложений на памятниках подводной археологии. В дальнейшем это может спровоцировать их дополнительный размыв и привести к нарушению целостности объекта.

Е. Перез-Альваро приводит в качестве вероятных последствий изменения климата также химические изменения воды, в первую очередь кислотность и соленость. Она обращает внимание на то, что морская вода обычно имела рН воды в пределах 8, однако в течение XX в. он снизился до 7,9 [18, pp. 842–848]. В ближайшем будущем, в связи с повышением концентрации CO₂ в атмосфере, это значение уменьшится до 7,4. Соответственно, в случае понижения рН морской воды и увеличения содержания кислорода, вода станет более кислой. Как результат – ускорятся процессы коррозии, которые в первую очередь затронут и затонувшие в шельфовой зоне корабли. Такие процессы коррозии были отмечены на судне, затонувшем в X в. н.э. (BSMAP 2016-002), где железные гвозди, которые крепили доски обшивки к шпангоутам, полностью исчезли, в результате чего обшивка обрушилась вниз [10, p. 175–179].

Значительную угрозу затонувшим судам представляют донные тралы, которыми ведется рыбный промысел во многих районах Черного моря. Причем эта угроза распространяется и на те затонувшие суда, которые расположены на глубинах свыше 100 м. Так, следы разрушения сетями выявлены на затонувшем на глубине 105 м судне V века н.э. Синоп F, которое сильно разрушено траловыми сетями. На поверхности видны несколько деревянных элементов со следами железных гвоздей [16, p. 77–91]. На затонувшем в VI веке н.э. судне Эрегли С, которое лежит на глубине 112 м, также выявлены значительные разрушения сетями, в том числе несколько деревянных фрагментов корпуса перемещены на расстояние

200 м от места крушения [12, р. 89–101]. Лежащее на глубине 101 м судно IV века до н.э. Эрегли Е демонстрирует прекрасный образец сохранности: на нем, помимо древесины корпуса, уцелели льняные ткани и даже кости погибшего моряка – однако судно сильно разрушено донными сетями.

Подвержены места глубоководных крушений и другим негативным геоэкологическим факторам, таким как загрязнение воды, накопление мусора на дне и т.д. На Ерегли Е и «Балаклава-1» найдены пластиковые пакеты, на Синоп А – алюминиевая банка.

Таким образом, участки континентального склона и котловина Черного моря, несмотря на возможные климатические изменения, остаются в наше время наиболее благоприятными для сохранения подводных археологических объектов. Сюда практически не проникает солнечный свет, температура воды достаточно низкая и постоянная, течения отсутствуют. Для «корабельного червя» такие глубины практически недоступны. Внешнее влияние человека в данных условиях минимально. Все это создает особые условия для археологического изучения шельфовой зоны и континентального склона Черного моря, которые заключаются в том, что археолог на глубине чаще всего имеет дело с хорошо сохранившимся памятником, который мало подвержен разрушению под воздействием природных сил. Вместе с тем большие глубины затрудняют изучение объекта с технической точки зрения. Присутствие водолаза здесь практически исключено: хотя технически он может работать на глубинах свыше 100 м, на практике это представляет огромный риск для жизни и здоровья человека. Применение ТНПА, оборудованного видеокамерой, позволяет как осмотреть затонувший объект, так и контролировать ход работ по расчистке его от донных отложений; грунторазмывочная техника, прикрепленная к ТНПА, решает задачи по очистке объекта от наносов, которые скрывают его от человеческого глаза; специальные присоски и роботизированные руки позволяют поднять те или иные предметы. Таким образом, главной характерной особенностью археологического изучения шельфа является полная автоматизация этого процесса.

Список использованных источников и литературы

1. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.
Blavatskii V. D. Pantikapei. Ocherki istorii stolitsy Bospora. M.: Nauka, 1964. 232 s.
2. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. Подводная археология. М.: АН СССР, 1963. 108 с.
Blavatskii V. D., Koshelenko G. A. Otkrytie zatonuvshogo mira. Podvodnaya arkheologiya. M.: AN SSSR, 1963. 108 s.
3. Вахонеев В. В. «Херсонес «А» и «Форосский византиец» – глубоководные средневековые кораблекрушения в акватории Крыма // Вопросы подводной археологии. 2015. № 6. С. 15–35.
Vakhoneev V. V. «Khersones «A» i «Forosskii vizantiets» – glubokovodnye srednevekovye korablekrusheniya v akvatorii Kryma // Voprosy podvodnoi arkheologii. 2015. № 6. S. 15–35.
4. Иванов В. А., Белокопытов В. Н. Океанография Черного моря. Севастополь: НАН Украины, Морской гидрофизический институт, 2011. 212 с.
Ivanov V. A., Belokopytov V. N. Okeanografiya Chernogo morya. Sevastopol': NAN Ukrainy, Morskoi gidrofizicheskii institut, 2011. 212 s.

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ШЕЛЬФОВОЙ ЗОНЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО СКЛОНА ЧЕРНОГО МОРЯ

---

5. Пеев П. Издирване на потънали кораби в българската част на черноморския континентален шелф // Известия на народния музей – Варна, XLV–XLVI (LX–LXI) 2009–2010. Варна. 2018. С. 370–391.
6. Следков А. Ю. Создание акваланга. Историческое исследование. СПб.: Остров, 2010. 96 с.
Sledkov A. Yu. Sozdanie akvalanga. Istoricheskoe issledovanie. SPb.: Ostrov, 2010. 96 s.
7. Ballard R. D. Archaeological Oceanography // Remote Sensing in Archaeology. New York: Springer, 2007. P. 479–497.
8. Ballard R. D. Archaeological Oceanography. Princeton: Princeton University Press, 2008. 296 p.
9. Ballard R. D., McCann A. M., Yoerger D., Whitcomb L., Mindell D., Oleson J., Singh H., Foley B., Adams J., Piechota D., Giangrande C. The discovery of ancient history in the deep sea using advanced deep submergence technology // Deep-Sea Research. 2000. Part I. Vol 47. Pp. 1591–1620.
10. Bascom W. Deep Water, ancient ships: the treasure vault of the Mediterranean. Newton Abbot: David and Charles, 1976. Pp. 71–84.
11. Batchvarov K. A Byzantine Period Merchant Ship from the Black Sea // Archaeonautica. L'archéologie Maritime et Navale de la Préhistoire à l'époque Contemporaine. 2021. P. 175–179.
12. Brennan M., Davis D., Roman C., Buynevich I., Catsambis A., Kofahl M., Urkmez D., Vaughn J., Merrigan M., Duman M. Ocean Dynamics and Anthropogenic Impacts Along the Southern Black Sea Shelf Examined Through the Preservation of Pre-modern Shipwrecks // Continental Shelf Research 53. 2013. P. 89–101.
13. Davis D., Brennan M. L., Roman C., Buynevich I., Catsambis A., Kofahl M., Derya Urkmez D., Vaughn J.I, Merrigan M., Duman M. Ocean dynamics and anthropogenic impacts along the southern Black Sea shelf examined through the preservation of pre-modern shipwrecks. // Continental Shelf Research. February 2013. Pp. 89–101.
14. Hurlings R. L. Deep water survey, Archeological Investigation and Historical Context of Three Late Antique Black Sea Shipwrecks. Florida. 2005. 114 p.
15. McCann A. M., Oleson J. P. Deep-Water Shipwrecks off Skerki Bank: The 1997 Survey // Journal of Roman Archaeology. 2004. Suppl. 58. 224 p.
16. Opaıt A., Davis D., Brennan M., Kofahl M. The Sinop F Shipwreck in the Black Sea: An International Cargo from Late Antiquity // International Symposium on Sinope and Black Sea Archaeology «Ancient Sinope and the Black Sea», 13 – 15 October 2017 Sinop, Türkiye. Sinop. 2019. P. 77–91.
17. Pacheco-Ruiz R. Deep Sea Archaeology Survey in the Black Sea – Robotic Documentation of 2,500 Years of Human Seafaring // Deep Sea Research. Part I. Oceanographic Research Papers. 2019. Pp. 1–15.
18. Perez-Alvaro E. Climate Change and Underwater Cultural Heritage: Impacts and Challenges // Journal of Cultural Heritage. 2016. Vol. 21. Pp. 842–848.
19. Piechota D., Ballard R. D., In situ preservation of a deep-sea wreck site: Sinop D in the Black Sea // Studies in conservation. 2010. Vol. 55. IIC. Pp. 8–11.
20. Søreide F. Ships from the Depths. Deepwater Archaeology. College Station: Texas A&M University Press, 2011. 182 p.
21. Ward C., Ballard R. Deep-water Archaeological Survey in the Black Sea: 2000 Season // The International Journal of Nautical Archaeology 2004. 33.1. P. 2–13.

V. Vakhoneev, V. Petrovskiy Features of the Archaeological Study of the Shelf Zone and the Continental Slope of the Black Sea

The history of deep-sea research in the Black Sea is considered on the example of the implementation of several scientific projects off the coast of Turkey, Bulgaria and Crimea. Many special technical means have appeared in the arsenal of modern archaeologists, primarily remotely operated vehicles. Separately, the author highlights the natural factors associated with climate change and affecting the preservation of underwater cultural heritage sites, such as chemical, biological, and geocological. The author concludes that the sections of the continental slope and the basin of the Black Sea will remain the most favorable for the preservation of underwater archaeological sites.

Keywords: Black Sea, deep-sea archaeology, basin, shelf, climate change, acidity, salinity, marine debris, shipwrecks, remotely operated vehicle.

УДК 904/908

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-15-36

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕЩЕРЕ ТАВРИДА В КРЫМУ

Жилин М. Г.

*Институт археологии Российской Академии наук
Москва, Российская Федерация
E-mail: mizhilin@yandex.ru*

Кислый А. Е.

*Институт археологии Крыма Российской Академии наук
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kisly.a@mail.ru*

Лавров А. В.

*Палеонтологический институт имени А. А. Борисяка Российской Академии наук,
Москва, Российская Федерация
E-mail: lavrov_av@inbox.ru*

Рув В. Л.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vl.ruev@gmail.com*

Представлены история археологического изучения пещеры Таврида в Центральном Крыму и анализ сделанных находок – фрагментов человеческих костей, а также лепной и гончарной керамики. Сделан вывод, что перспектива обнаружения следов пребывания в пещере человека в каменном веке маловероятна. При этом весь обнаруженный материал найден в переотложенном состоянии. Несмотря на это, обнаруженные фрагменты керамики по типологии и радиоуглеродному анализу угольков в гумусном слое датируются в пределах I половины III тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. Однозначно пока нельзя сказать о причине появления человеческих останков и предметов материальной культуры в пещере. По всей вероятности, здесь был либо могильник, либо мусорная яма. Анализ сделанных находок в потревоженном естественном образе грунта (последствия его биотурбации) приводят авторов к выводу, что привходовую часть пещеры Таврида нельзя считать объектом археологического наследия, а лишь местонахождением.

Ключевые слова: Крым, пещера Таврида, гора Эчки-Даг, олдован, каменный век, эпоха бронзы, лепная керамика

Крупнейшая по протяженности в пределах Внутренней гряды Крымских гор пещера Тавриды была обнаружена в районе с. Зуя Белогорского района Республики

Крым при строительстве автомагистрали федерального значения А–291 «Таврида» в июне 2018 г. (рис. 1, 2, 3) В результате первичных исследований было выявлено крупнейшее скопление остатков различных представителей эоплейстоценовой фауны. Руководством Республики Крым, администрацией Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского было принято решение сохранить естественную полость протяженностью более 2 км и создать в ней научный спелеологический комплекс.

Новое научное открытие получило большой общественный резонанс и получило широкое освещение в средствах массовой информации. Тогда же на фоне первых попыток получить датировку скопления остеологического материала, которая на начальном этапе его изучения колебалась в пределах от раннего до среднего плейстоцена, возникло предположение либо о возможности посещения пещеры древнейшими людьми, либо их попадания в полость уже в качестве жертв хищников – гиен и саблезубых кошек. Впоследствии подобный тезис вошел и в публикации естественнонаучного профиля о начальных результатах исследования пещеры Таврида. В статье «Пещера Таврида – новое местонахождение раннеплейстоценовых позвоночных в Крыму» было выдвинуто предположение: «Фауна пещеры Таврида имеет ряд общих форм с фауной местонахождения Дманиси (1,88–1,77 млн л. н.) в Грузии, в котором найдены ископаемые остатки и свидетельства деятельности древних людей рода *Homo*... Характер крымской биоты, особенности ландшафта и наличие карстовых пещер соответствуют особенностям, выявленным на основных миграционных путях ранних *Homo* в Евразии. Дальнейшее изучение местонахождения пещеры Таврида представляет особый интерес в связи с широко дискутируемой проблемой первого вселения в Европу ранних представителей рода *Homo* на этапе первого интенсивного распространения древнейших людей в Евразии 1,8–1,2 млн л. н.» [6, с. 384].

Подобный тезис о перспективности пещеры в плане обнаружения останков древнейших *Homo* и следов материальной культуры выдвигался в других публикациях (к примеру, см. [5]). После обнаружения в 1970–1980-х гг. крымскими учеными А. А. Ключиным и А. А. Щепинским местонахождений с галечными орудиями на склонах горы Эчки-Даг в Юго-Восточном Крыму, гипотеза о возможности обнаружения следов пребывания в Крыму древнейших представителей человеческого рода стала выглядеть вполне перспективно и убедительно.

Уже в июле 2018 г. в пещере Таврида проводятся археологические разведки. Специально для исследований пещеры Таврида прибывают сотрудники отдела каменного века Института археологии РАН д.и.н. М. Г. Жилин и к.и.н. К. Н. Гаврилов, а также доцент Крымского федерального университета к.и.н В. Л. Руев (рис. 4). В пределах обследованной спелеологами и палеонтологами части пещеры был проведен визуальный осмотр обнажений, однако следов культурного слоя, материальной культуры и иных признаков посещения пещеры древними людьми выявлено не было.

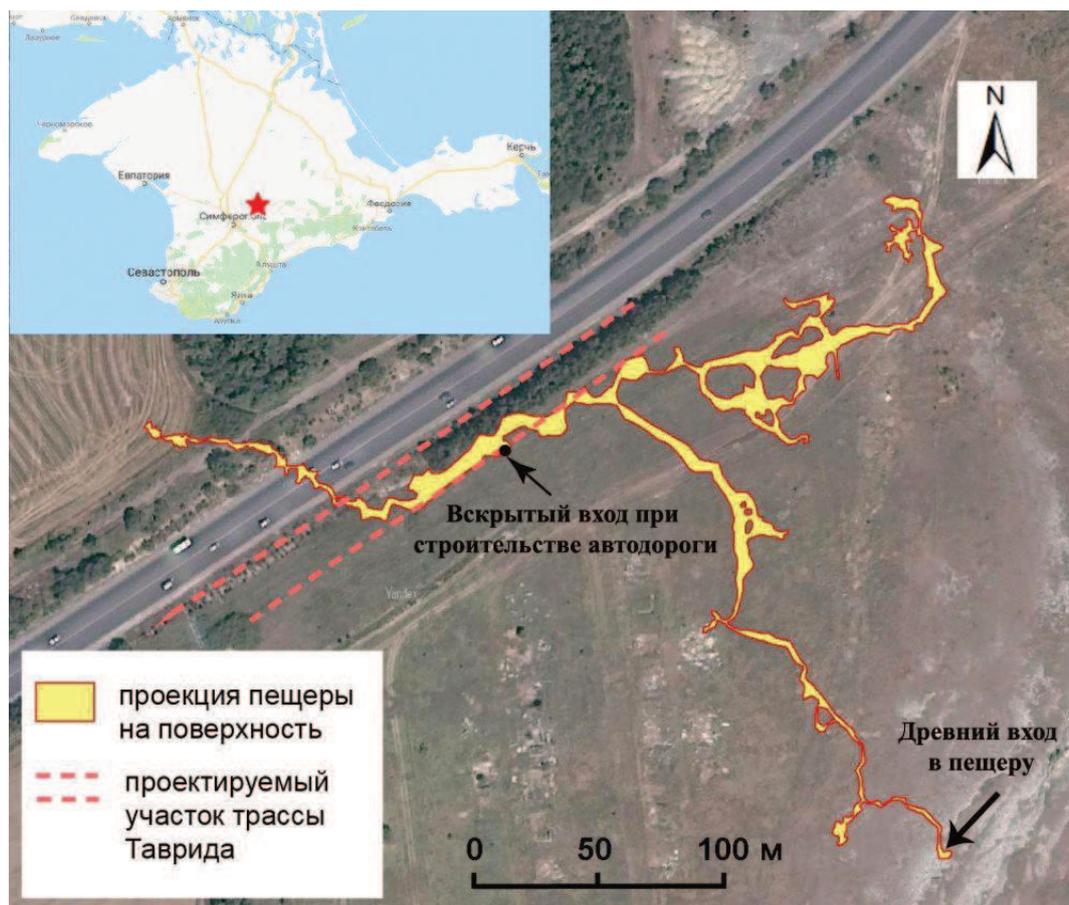

Рис. 1. План пещеры Таврида (по материалам Г. В. Самохина)

В зале¹, свод которого был пробит в ходе строительных работ под будущей трассой автомагистрали, был заложен разведочный шурф 1 x 1 м (рис. 5). Под закладку шурфа было выбрано место в зале под трассой в 4,5 м к западу от пробитого свода пещеры в ходе строительных работ. Стратиграфия шурфа была представлена рыхлым глинистым заполнителем с отдельными прослойками мощностью около 2,50 м² (рис. 6).

На глубине 1,00–1,20 м встречены кости летучих мышей. Каких-либо следов человеческой деятельности и археологических находок не обнаружено. Проведенное обследование показало отсутствие в пещере находок, связанных с пребыванием человека каменного века.

¹ Этот зал впоследствии был назван в честь Владимира Ивановича Вернадского.

² Детальное описание стратиграфических особенностей шурфа и трех основных литологических типа рыхлых отложений приводится в отдельной публикации – см.: [7, с. 229–230].

Рис. 2. Строительные работы на месте обнаружения пещеры

Разведка была проведена также и в ближайших окрестностях пещеры, а результате чего на поверхности был найден кремневый отщеп. Дать ему хронологическую атрибуцию, и уж тем более связать этот отщеп с пещерой не представляется возможным.

Полное отсутствие находок каменного века в пещере Таврида лишь подогрело интерес к проблеме заселения Крыма древнейшими людьми. В 2018–2019 гг. М. Г. Жилин совместно К. Н. Гавриловым, с В. Л. Руевым, доцентом Крымского федерального университета к.г.н. Н. Н. Благой, сотрудником этого же университета Д. Б. Старцевым проводит ряд исследований местонахождений галечной культуры на склонах горы Эчки-Даг. До проведения этих исследований ранее на основании датировок древних морских террас и использования сравнительно-типологического метода находки галечных орудий датировались в пределах олдувана – нижнего ашеля. При этом галечные орудия были обнаружены вне культурного слоя – лишь в качестве подъемного материала, что давало возможность делать любые предположения об их хронологической и культурной принадлежности [2, с. 106].

В результате проведенных комплексных археологических и геоморфологических исследований в 2018–2019 гг. на южных склонах горы

Эчкидаг было установлено, что верхняя часть толщи делювиальных шлейфов террас и их поверхность имеет более молодой возраст, вплоть до современного, а археологический материал, находящийся на поверхности, не может быть датирован исходя только из его положения на том или ином высотном уровне эчкидагских террас. Кроме того, были обнаружены культурные слои на стоянке Эчкидаг 6 с галечными и кремневыми орудиями, а также лепной керамикой. Было установлено, что галечные орудия использовались в пределах неолита – бронзового века [1, с. 5].

Рис. 3. Вскрытый вход при строительстве автодороги

Кроме того, стратифицированные памятники эпохи средней бронзы с галечными орудиями были выявлены и в других местах Юго-Восточного Крыма, проанализированы опубликованные материалы на памятнике с обитыми гальками эпохи энеолита на Южном берегу Крыма. В результате, стратифицированные находки галечных орудий в слоях энеолита – эпохи бронзы на Эчки-Даге и других памятниках Южного берега Крыма лишь подтверждают сделанные выводы об их позднем использовании. Комплексное геоморфолого-археологическое изучение

контекста галечных орудий Эчкидага позволило обоснованно не согласиться с раннепалеолитической версией их происхождения, что, в свою очередь, делает несостоятельной концепцию о заселении Крыма в олдоване – раннем ашеле. На сегодняшний день достоверные памятники столь раннего времени в Крыму не известны, но возможность их существования отрицать нельзя. Поиск и достоверное датирование памятников раннего палеолита остаются основной задачей исследования первоначального заселения Крыма [1, с. 17].

Рис. 4. Исследовательская группа специалистов Института археологии РАН и КФУ им. В. И. Вернадского

Проведенные в 2018–2019 гг. на Эчки-Даге и его окрестностях исследования сделали ранее выдвинутую гипотезу о возможности обнаружения в пещере Таврида следов древнейших *Ното* мало вероятной. Вместе с тем возможность обнаружения в пещере следов иных, более поздних археологических периодов, оставалась. Тем более что в ходе дальнейших исследований была выявлена древняя привходная часть пещеры.

Рис. 5. Место закладки шурфа в районе вскрытого входа. Вид с юго-запада

В ходе работ палеонтологов в 2023–2024 г. в древней привходовой части пещеры Таврида были обнаружены переотложенные в результате роющей деятельности млекопитающих (биотурбация) костные человеческие останки и несколько фрагментов разновременной керамики¹. В июне 2024 г. это место было осмотрено сотрудниками Института археологии Крыма РАН д.и.н. А. Е. Кислым, Палеонтологического института имени А. А. Борисяка РАН к.б.н. А. В. Лавровым, доцентом КФУ им. В. И. Вернадского В. Л. Руевым, заместителем директора Научного спелео-палеонтологического комплекса «Пещера «Таврида» Г. В. Самохиным.

Дневная поверхность, в пределах которой была расположена древняя привходовая часть пещеры Таврида, представляет собой каменистый склон средней крутизны – левый берег долины реки Фундуклы (левый приток реки Зуя) (рис. 1).

В процессе работ по обеспечению доступности пещеры Таврида был проделан искусственный выход из пещеры в виде глубокой трапециевидной выемки, от которого ответвлялась продолжение Южного коридора с древней привходовой частью пещеры. Разрозненные костные человеческие останки и фрагменты

¹ Работы на указанном участке были приостановлены, о сделанных находках было проинформировано Министерство культуры Республики Крым.

керамики из пещеры Таврида были найдены в верхнем (гумусовом) горизонте грунтового заполнения (глиняной пробки) Южного коридора в области древнего естественного входа в пещеру (рис. 7, 8, 9). Естественный вход в пещеру погребен под слоем делювиальных отложений. Раскопки проводились палеонтологами путем выработки грунтового заполнения Южного коридора со стороны пещеры в направлении ее естественного входа. Все находки располагались не далее 5 м вглубь от природного входа в пещеру. Положение природного входа маркируется краем скального потолка коридора.

Рис. 6. Разрез северной стенки шурфа в пещере Таврида. Вид с юга

Основные археологические находки обнаружены в двух местах: непосредственно под древним входом и в осыпи из него (рис. 10, 11). Это условное «скопление» костей, которые находились не в анатомическом порядке, без каких-

либо анатомических соединений. В 1,00–1,50 м ниже по осыпи (в направлении выхода из штольни) обнаружен описываемый ниже археологический материал. Здесь же – мелкие кости животных, древесные угольки.

Рис. 7. Территория в районе древнего входа в пещеру Таврида

Дадим описание найденных фрагментов керамики:

Небольшой фрагмент венчика лепного сосуда, имевшего бежево-черный костровой обжиг. Снаружи поверхность слегка заглажена, изнутри – более грубая. Примесь – мелкий и крупный кварцевый песок. Венчик сосуда утончен к краю, невысокий, слегка отклонен наружу. Тулово плавно продолжало нижний, слабо профилированный, т. е. без резко выраженного плеча, изгиб венчика, формируя далее неширокие, но характерные формы. Оформление низа посуды реконструировать проблематично, однако обнаружен второй аналогичный по толщине (с утолщением книзу, ко дну) фрагмент лепной керамики (технология его изготовления, вероятно, иная, но фрагмент слишком мал для точных определений), очевидно, продолжавший низ очень подобного небольшого сосуда. Внутренняя поверхность и частично наружная этого фрагмента немного отличается от поверхностей венчика. Она более закопчена, со следами черного нагара изнутри. Это могло произойти именно в нижней части сосуда в случае оперирования им в культовых или иных целях. Оба описываемых фрагментов без современных сломов по краям, не окатаны (рис. 12: 1, 2). В целом исходя из формы венчика, возможно

реконструировать небольшой сосуд-чашу или «кубок», открытый сверху. Этот сосуд мог иметь округлое или слабо профилированное дно. Весь орнамент расположен сверху, на плечиках сосуда. В верхней части чаши, непосредственно под венчиком проходит горизонтальная линия, нанесенная неглубоким веревочным оттиском-штампом. Ниже шел ряд заштрихованных треугольников, расположенных вершиной вверх, выполненных в такой же по толщине и технике скручивания верёвочкой, но не только. Очевидно, треугольники опоясывали сосуд по кругу, а под ними проходила также горизонтальная линия веревочного оттиска. Если бы треугольники располагались вершинами вниз, то можно было бы ожидать, что такой завершающей нижней линии не было. В данном положении, т.е. вершинами вверх, треугольники могли символизировать огонь, мужское начало (см. к примеру: [4]).

Рис. 8. Южный искусственный экскурсионный вход в пещеру Таврида со вскрытой полостью древней привходовой части (фото из сети Интернет)

Обратим внимание на следующие особенности нанесения орнамента (рис. 12, 1, 3). До нанесения орнамента веревочка-шнур была выполнена очень аккуратно, она тонкая, растянута, поэтому края отдельных элементов утончены, что видно на оттисках в керамике. Такое возможно, если шнур плели с очень мягкой тонкой

шерсти, перевивая две нити (не три!) не плотно, как бы немного в спешке, растягивая вдоль, т.е. по мере плетения вниз. Оттиском шнура также выполнен контур треугольника, но поле его, забранное косыми линиями, выполнялось немного по-иному. Нигде оттиски в пределах поля самого треугольника не выходят за пределы его «рамки», очерченной шнуром. При особой аккуратности оттискивания шнура такое возможно, но вероятнее всего, первоначальный очень неглубокий оттиск шнура в пределах поля дополнялся и поправлялся торцевыми оттисками треугольного стека. Такие оттиски видны четко в нижней части снимка (рис. 12: 3). Они достаточно глубокие, местами верхний угол заходит в керамическое тесто при давлении накосую снизу-вверх. Оттиск шнура, выполняемый просто сверху, так выполнить практически сложно, и он бы оставил иной след. Таким образом, прослеживаем, что оттиски шнура и оттиски стека отличаются (рис. 12: 3). Чаша выполнялась, если и в спешке (множественные не размотые крупные фракции песка и др.), но все равно ей уделялось особое внимание.

Рис. 9. Схема расположения южного искусственного экскурсионного входа в пещеру Таврида и проекции древней привходовой части

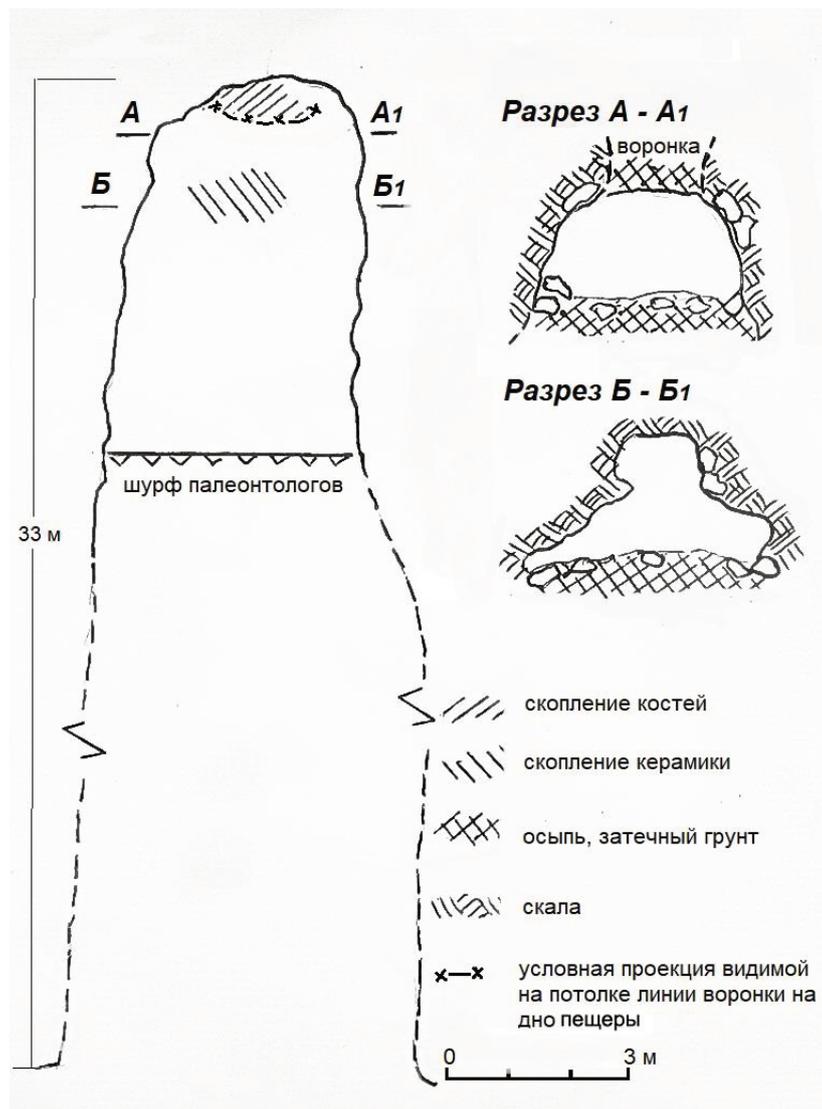

Рис. 10. Схематический план и разрезы участка древней привходовой части пещеры Таврида с местом находок

Небольшой сосуд-чаша с орнаментом имеют ранние признаки. Вероятно, изделие было выполнено во время бытования катакомбной культуры, одновременно с влиянием круга культур, имеющих в наборе употребляемой посуды кубки или близкие формы. Возможно, речь может идти о влиянии кеми-обинской культуры позднего периода, памятников типа Глеек II.

Нижняя, придонная часть лепного сосуда, сравнительно толстостенного, черно-бежевого обжига. Впоследствии склеена из двух частей. На поверхности снаружи и изнутри характерные широкие полосы гребенчатого заглаживания. Сосуд имел широкое тулово, дно без закраинки. Наибольший диаметр (по тулову) мог достигать до 20–22 см. У придонной части свежий современный излом; утрачена часть данного фрагмента. В верхней части фрагмента изломы старые, не окатанные. Можно смело предположить, что при попадании в воронку сосуд имел гораздо большую по объему сохранность, по крайней мере, тулова (рис. 12: 4). Вероятнее всего, по составу теста, обработке поверхности, обжигу сосуд с гребенчатым заглаживанием можно отнести к катакомбной культуре. К тому же, четкое отсутствие закраинки у плоского дна говорит о том, что если и возможны какие-то вариации, то по времени незначительные.

Рис. 11. Древняя привходовая часть пещеры Таврида: 1 – место находок человеческих останков; 2 – место обнаружения фрагментов керамики

Фрагмент стенки грубого лепного сосуда, склеен из двух частей. Поверхность снаружи бугристая, изнутри кроме того заметны небрежные широкие горизонтальные полосы, оставшиеся от формовки сосуда пальцами. Сосуд лепился в спешке, и дополнительно его поверхность не стали обрабатывать заглаживанием или гребенкой. Примесь – кварцевый крупный песок. Венчик невысокий, по краю немного отогнут. Внизу можно определить место перехода ко дну с закраинкой. Таким образом, по форме сосуд близок к профильным «банкам» с высоко поднятыми плечиками. По краям фрагмент практически без современных утрат, края не окатаны (рис. 13: 1). Обнаруженный фрагмент мог относиться сосуду периода бабинской культуры.

Фрагмент – верхняя часть лепного сосуда, подбиконического профиля, горизонтальных пропорций, склеен из двух частей. Венчик отогнут наружу, четко смоделирован, немного выше средней части по высоте сосуда проходит ребро профильного излома. Обжиг сравнительно равномерный, бежево-кирпичный, изнутри – полосы заглаживания мелкой структуры (ворсистая ткань?). По краям находка без современных утрат и очевидно часть фрагментов этого сосуда утрачена уже после попадания в воронку (рис. 13: 2). Широкий сосуд подбиконического профиля также с определенными сомнениями может быть датирован временем бабинской-срубной культуры. Отчасти возможен для таких сосудов и бежево-кирпичный обжиг.

Стенка – нижняя часть корпуса тонкостенного гончарного сосуда, очевидно кувшинчика. В нижней части чувствуется выступ – переход к поддону. Склеена из шести фрагментов, сколы ровные, фрагменты или мало окатаны, или вовсе не окатаны (рис. 13: 3). Впечатление таково, что эта находка была в иных условиях, нежели выше описанные. Вероятно, находки лепной керамики и стенка гончарного сосуда сделаны в разное время и немного в разных местах.

Таким образом, последняя из описанных находок относится к античному времени, иные можно датировать разными периодами эпохи бронзы. Находки лепной посуды относятся к разным периодам эпохи бронзы – от среднего до позднего этапа. Нельзя исключить, что здесь обитало одно население, но менялась мода на различные формы посуды. Можно было бы полагать, что находки происходят из какого-то кургана или курганов, разрушенных на поверхности. К такой мысли склоняется один из авторов статьи, и она логична, наиболее правдоподобна при принятом анализе находок ввиду их условно разновременного характера.

Принадлежность найденных костных останков к биологическому типу современного человека (человек разумный – *Homo sapiens*) устанавливается по выраженному подбородочному выступу нижней челюсти, отсутствию костных надбровных дуг на черепе, грацильным длинным костям конечностей и др.

Все костные находки принадлежащие человеку были найдены в дисартулированном (разъединенном) состоянии – не было обнаружено ни одной кости в скелетном сочленении. Это объясняется сильной биотурбацией пещерных отложений. Они были перемещены с поверхности через субвертикальные карстовые

подводящие каналы. В привходовой части пещеры сверху вниз переотложенный темный гумусовый горизонт сменяется горизонтом серых смектитовых глин. В этих 2 слоях были зафиксированы следы интенсивной роющей деятельности современных видов зайцев (*Lepus europaeus*), лис (*Vulpes vulpes*) и барсуков (*Meles meles*), которые обитали в этой части пещеры. Многочисленные костные остатки этих животных были обнаружены в ходе раскопок. Вместе с находками костей человека и современных животных в приповерхностных слоях грунтового заполнения т.н. «Южного коридора» в привходовой части пещеры были обнаружены кости ископаемых животных раннего плейстоцена (включая зубы носорогов). Это указывает на крайне высокую степень биотурбации и нарушения естественного положения слоев грунта.

При исследовании костей *Homo sapiens* было установлено отсутствие видимых костных патологий (артроза, полиомиелита, искривлений, сросшихся переломов, травм и др.). Все костные находки принадлежат скелетам 5 индивидов:

Молодой человек (мужчина) с прорезающимися верхними зубами мудрости (M3): найден неполный череп с зубами. Прорезание зуба мудрости указывает на индивидуальный возраст 20–22 года. Этому индивиду очевидно принадлежит часть костей скелета, включая длинные кости конечностей и фрагментированные тазовые кости. Возраст подтверждается необлитерированными (несросшимися) швами височной и окружающих его теменной и затылочной костей. Длинные кости конечностей без приросших эпифизов (дистальные эпифизы бедренных костей были найдены отдельно). Эти факты подтверждают высокую вероятность принадлежности костей конечности к тому же индивиду, что и верхнечелюстная кость с зубами. Размер тазовых костей небольшой, что указывает на принадлежность их мужчине.

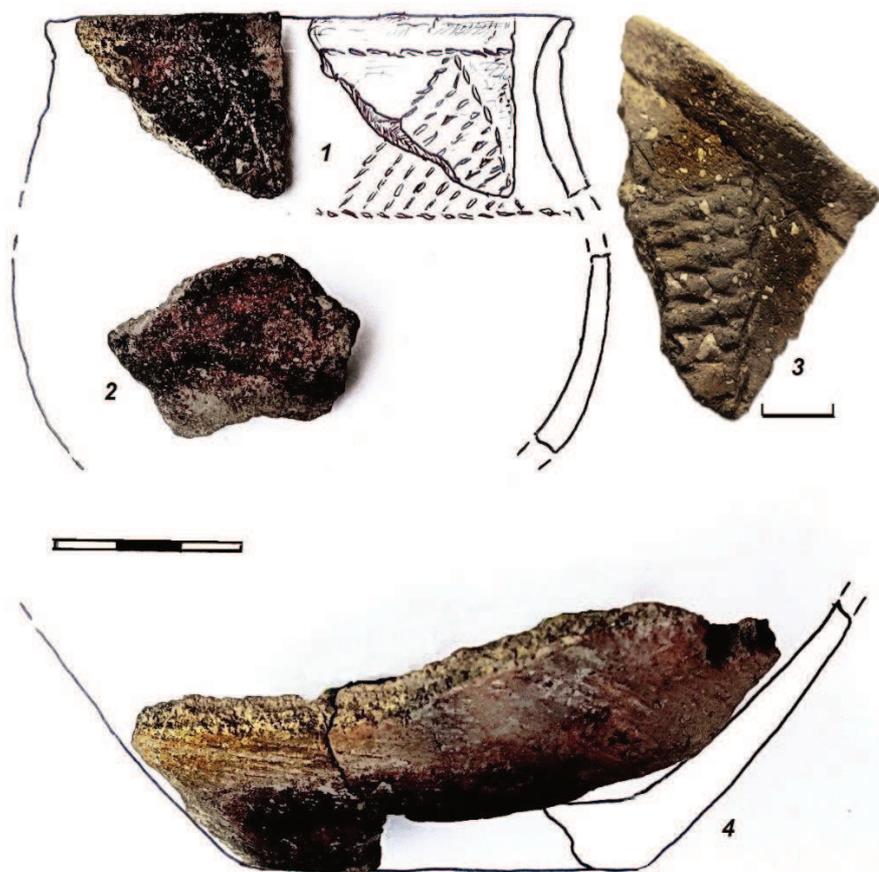
Молодой человек (мужчина) – представлен находками длинными костями конечностей и неполными тазовыми костями. Их размер немного меньше, чем у первого индивида. По размеру длинных костей конечностей можно предположить, что эти кости принадлежали индивиду немного младшего возраста (16–18 лет) или менее высокорослому человеку.

Пожилой человек (по стиранию зубов ориентировочно возраст можно оценить около 50 лет). Представлен почти полной нижней челюстью. Зубы стерты в средней степени без каких-либо признаков кариеса и других патологий. Посткраниальные элементы скелета, принадлежащие ему, определяются по полностью приросшим эпифизам длинных костей конечностей.

Ребенок 11–13 лет. Определен по неполной нижней челюсти с развитием зубов на стадии прорезания нижнего второго моляра (m2). Этому индивиду принадлежит несколько неполных костей скелета ювенильного облика, включая дистальную часть плечевой кости без эпифиза локтевого сустава.

Ребенок 8–9 лет. Определен по неполной нижней челюсти с развитием зубов на стадии прорезания нижнего первого моляра (m1). Этому индивиду также принадлежит несколько неполных костей скелета ювенильного облика.

По сохранности костей нет возможности определить и время их захоронения относительно друг друга. Это могли быть синхронные захоронения, или же они могли быть совершены в разное время с интервалом в сотни лет.

Рис. 12. Фрагменты лепной керамики из древней привходовой части пещеры Таврида

В 2023 г. в Лаборатории геоморфологических и палеогеографических исследований полярных регионов и Мирового океана Санкт-Петербургского государственного университета был проведен радиоуглеродный анализ угольков, отобранных в привходовой части пещеры Таврида в верхнем гумусном слое в районе места обнаружения человеческих костей и керамики (лабораторный номер

LU-10512)¹. В результате была получена дата 4390±90 BP (5040±140 cal BC), которая соответствует начальному этапу эпохи бронзы и времени попадания в пещеру предметов, связанных с человеческой деятельностью. Появление угольков и керамики, вероятно, начинается с первой половины III тыс. до н.э. и завершается в I тыс. до н.э. – уже в античную эпоху. Этой хронологии соответствует и немногочисленный керамический материал. Человеческие останки с высокой долей вероятности могли появиться в привходовой части пещеры Таврида также в указанный период.

Далее приведем предположения об условиях появления человеческих останков и фрагментов керамики в привходовой части пещеры Таврида. Дневная поверхность в районе привходовой части является склоном средней крутизны. Грунт здесь подвержен плоскостному смыву, почвенные пласты подвержены также гравитационному перемещению (криповые процессы). Поэтому накопление здесь культурного слоя практически невозможно (рис. 7). При этом вблизи предполагаемого места древнего входа в пещеру на поверхности были найдены несколько фрагментов средневековой керамики (фрагменты светлоглиняного сосуда закрытого типа и носика кумана-водолея) (рис. 14), а также водосборный колодец² (45°02'29.939"N 34°17'34.102"E). Это подокруглой формы (0,40x0,45 м) с окатанными краями углубление (очевидно, до дна около метра, глубину скрывают упавшие камни) в скале. В резервуаре стоит вода, а с высоты к резервуару ведут пробитые в поверхности скалы водосборные канавки (рис. 15). Вероятно, колодец-водосборник может быть датирован средневековым периодом.

Не вызывает сомнений, что состояние находок фрагментов керамики, обнаруженных на дневной поверхности над пещерой и внутри пещеры в гумусном грунте абсолютно разное. Если находки, собранные на поверхности, хотя бы немного окатаны, покрыты «загаром», то находки из пещеры без такого «загара», с острыми краями изломов. От курганов на водоразделе до входа в предполагаемую воронку до 0,8 – 1,0 км. В случае гипотетического разрушения нескольких погребений определенного кургана на водоразделе фрагменты керамики не смогли бы скатиться по балке или по наклонной поверхности сразу, не «загорев» и не обкатавшись. Однако находки в пещере не подверглись окатыванию, а шесть из них удалось склеить в три формы древних сосудов (рис. 12, 13).

Возможно, какие-то археологические подчистки в самой балке, в ее разных местах, расчистка древнего входа могли бы дополнительно прояснить картину. На сегодняшний день наиболее рациональны объяснения о появлении следов материальной культуры лишь в контексте использования привходовой части пещеры в качестве места захоронения либо в виде мусорной ямы. В последнюю могли сбрасываться извлеченные из первоначального захоронения человеческие

---

¹ Автор благодарит за предоставленные результаты радиоуглеродного анализа ведущего научного сотрудника Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН» к. б. н. Титова Вадима Владимировича

² На водосборный колодец любезно указал заместитель директора Научного спелеопалеонтологического комплекса «Пещера «Таврида» Геннадий Викторович Самохин

останки и битая керамика. Случаи использования расщелин в скалах в качестве мусорных ям на поселениях эпохи бронзы в Крыму известны. К примеру, такие расщелины-ямы расчищены на поселении Глейки II (Восточный Крым) экспедицией под руководством А. Е. Кислого. Дальнейшие исследования могут прояснить условия попадания костных останков и керамики.

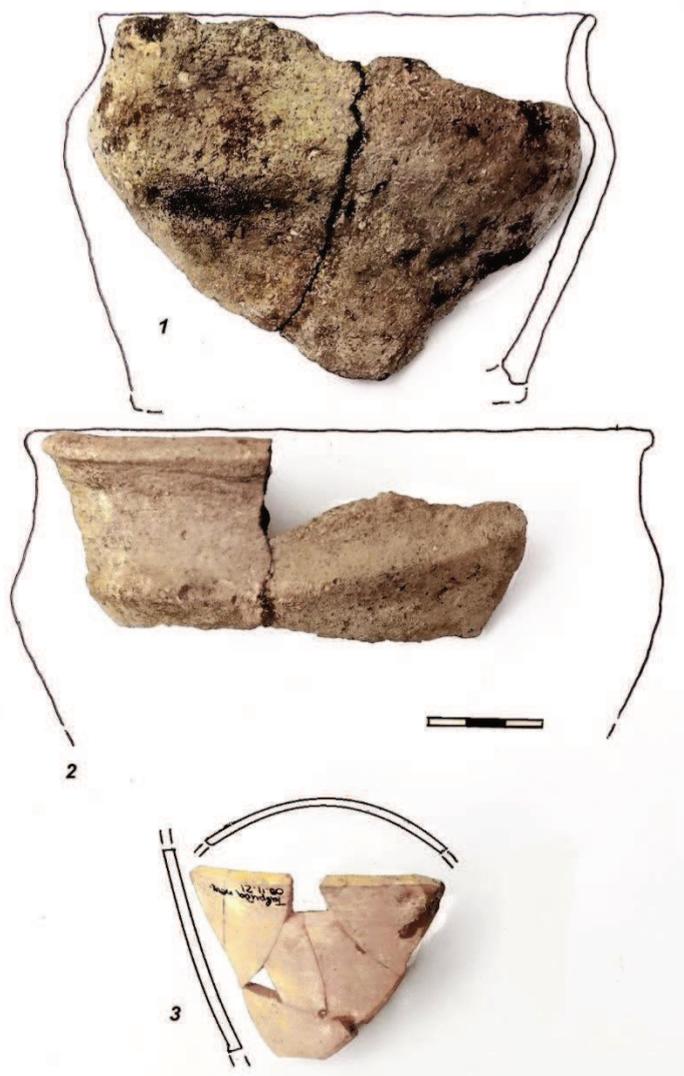
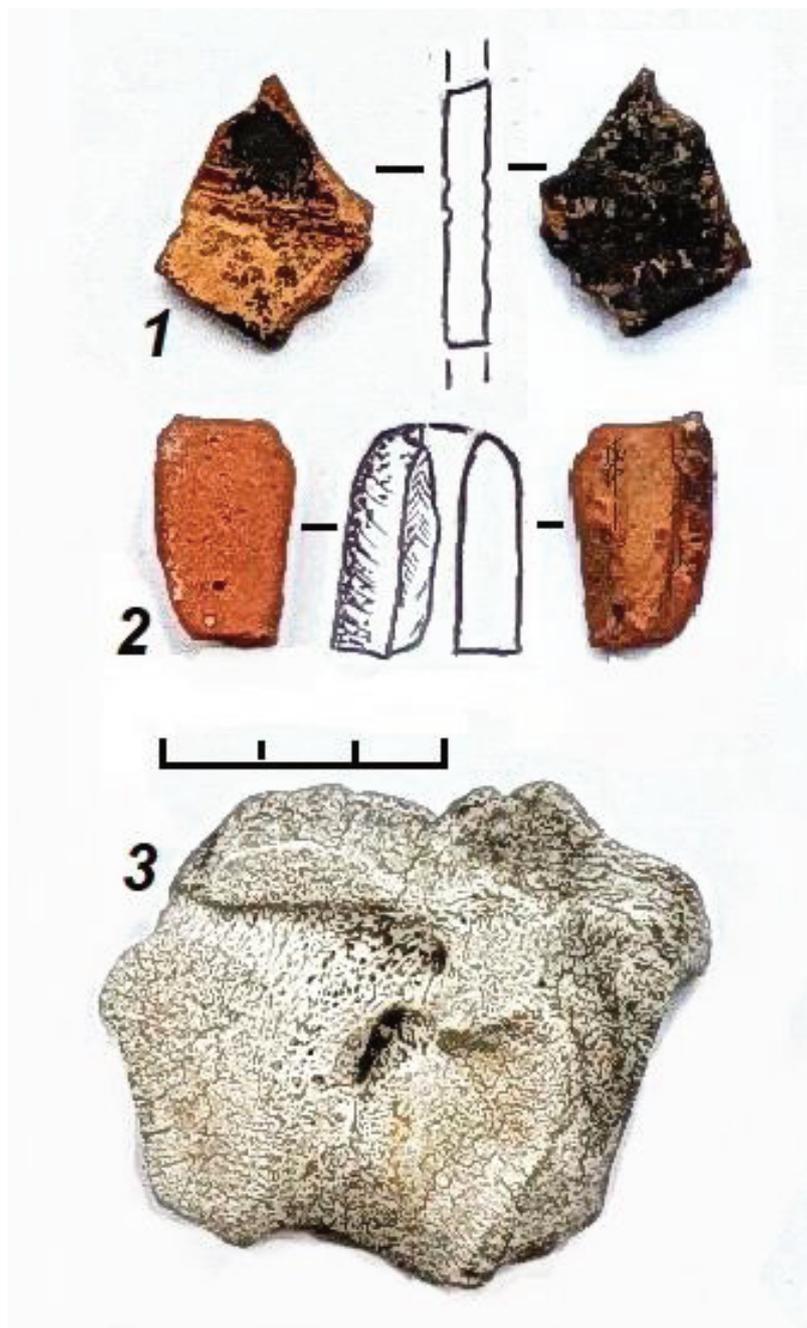

Рис. 13. Фрагменты лепной и гончарной керамики из древней привходовой части пещеры Таврида

Рис. 14. Находки, обнаруженные на поверхности в районе места древнего входа в пещеру Таврида

Рис. 15. Колодец-водосборник. Вид с востока

Нельзя исключить и расположение неподалеку от древнего входа в пещеру и поселения. Известны случаи для эпохи средней бронзы, когда поселение занимало склон или возвышенность, открытую ветрам, а внизу размещалась удобная для жизни, обводненная долина. Таковым выступает поселение каменной культуры Восточного Крыма (этап катакомбной культуры Крыма) Коктебель, расположенное ныне на высоком морском берегу к востоку от Коктебеля [3, с. 48]. Известное поселение Планерское I также в значительной мере занимает склон холма, было подвержено значительным, обширным размывам потоками воды из высоких холмов, расположенных выше. Такое явление в описанных случаях один из авторов этой статьи связывает с необходимостью дальнейшего исследования данной местности и древних путей, проходивших по долинам рек Фундуклы и Зуи [3, с. 46–48].

В заключение отметим памятникоохранную проблему, возникшую исходя из специфики переотложенного грунта в привходовой части пещеры Таврида. Статья 3 Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» определяет культурный слой как слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы. Однако высокая степень биотурбации и нарушение естественного положения слоев грунта естественным образом привели к

уничтожению культурного слоя, костные останки, угольки и предметы материальной культуры залегают не *in situ*, а в условиях пещеры воспринимаются как случайные переотложенные находки. Подобная ситуация на сегодняшний день не позволяет назвать привходовую часть пещеры Таврида выявленным объектом археологического наследия. Здесь наиболее подходящим становится термин «местонахождение в пещере Таврида», которое определяется как объект, лишенный культурного слоя в результате биотурбации и характеризующийся немногочисленным переотложенным подъемным материалом, попадавшим в пещеру на протяжении ограниченного времени в пределах I половины III тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.

Список использованных источников и литературы

1. Блага Н. Н., Жилин М. Г., Руев В. Л. Галечные орудия из террас горы Эчкидаг в Крыму: геоморфологический и археологический контекст // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2022. – № 27. – С. 5–25.
Blaga N. N., Zhilin M. G., Ruev V. L. Galechnye orudiya iz terras gory Echkidag v Krymu: geomorfologicheskij i arheologicheskij kontekst // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2022. – № 27. – S. 5–25.
2. Жилин М. Г. Исследование палеолитических местонахождений на Эчкидаге в 2018 г. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Евпатория, 30–31 мая 2019 года. – Евпатория, 2019. – С. 100–106.
Zhilin M. G. Issledovanie paleoliticheskikh mestonahozhdenij na Echkidage v 2018 g. // Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma : Materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Evpatoriya, 30–31 maya 2019 goda. – Evpatoriya, 2019. – S. 100–106.
3. Кислый А. Е. Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. – Ростов-на-Дону, 2022. – 192 с.
Kislyi A. E. Kamenskaya kul'tura Vostochnogo Kryma: drevnost' i sovremennost'. – Rostov-na-Donu, 2022. – 192 s.
4. Кислый А. Е. Сосуд с нерегулярным орнаментом из Поволжья – запись начальных представлений протоариев о сущности мира и человека // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – Кишинев, 2022. – № 2. – С. 265–277.
Kislyi A. E. Sosud s neregulyarnym ornamentom iz Povolzh'ya – zapis' nachal'nyh predstavlenij protoariev o sushchnosti mira i cheloveka // Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya. – Kishinev, 2022. – № 2. – S. 265–277.
5. Лопатин А. В. Затерянный мир Тавриды: древнейшая ископаемая пещерная фауна в Крыму // Природа. – 2019. – № 6(1246). – С. 53–61.
Lopatin A. V. Zatoryannyi mir Tavridy: drevnejshaya iskopaemaya peshchernaya fauna v Krymu // Priroda. – 2019. – № 6(1246). – S. 53–61.
6. Лопатин А. В., Вислобокова И. А., Лавров А. В. и др. Пещера Таврида – новое местонахождение раннеплейстоценовых позвоночных в Крыму // Доклады Академии наук. – 2019. – Т. 485, № 3. – С. 381–385.
Lopatin A. V., Vislobokova I. A., Lavrov A. V. i dr. Peshchera Tavrida – novoe mestonahozhdenie ranneplejstocenovyh pozvonochnyh v Krymu // Doklady Akademii nauk. – 2019. – T. 485, № 3. – S. 381–385.
7. Червяцова и др. Минеральные отложения пещеры Таврида (Предгорный Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. – 2019. – Т. 5(71). – № 3. – С. 226–255.

Chervyacova i dr. Mineral'nye otlozheniya peshchery Tavrida (Predgornyj Krym) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeniya V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. – 2019. – Т. 5(71). – № 3. – S. 226–255.

Zhilin M. G., Kislyi A. E., Lavrov A. V., Ruev V. L. Preliminary results of archaeological research in the Taurida cave in the Crimea

The article presents the history of the archaeological study of the Taurida cave in Central Crimea and the analysis of the findings – fragments of human bones, as well as stucco tableware and pottery. It is concluded that the prospect of detecting traces of human presence in the cave in the Stone Age is unlikely. At the same time, all the discovered material was found in a redeposited state due to the active digging activity of hares, foxes and badgers in the Holocene. Despite this, the discovered fragments of ceramics, according to the typology and radiocarbon analysis of embers in the humus layer, date back to the first half of the III thousand BC – I thousand BC. It is still impossible to say unequivocally about the reason for the appearance of human remains and objects of material culture in the cave. In all likelihood, there was either a burial ground or a garbage pit. The analysis of the findings made in the naturally disturbed soil (consequences of its bioturbation) leads the authors to the conclusion that the entrance part of the Taurida cave cannot be considered an object of archaeological heritage, but only a location.

Keywords: Crimea, Taurida cave, Mount Echki-Dag, Oldovan, Stone Age, Bronze Age, stucco ceramics.

УДК 94(47).072/073+279

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-37-47

СЕКТА МОЛОКАН В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ивлева Я. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Евпаторийский институт социальных наук
г. Евпатория, Российская Федерация
E-mail: bdktdf@inbox.ru*

На основе анализа архивных источников и литературы проведено комплексное исследование одной из старейших русских сект – секты молокан – в Таврической губернии. Изучено ее происхождение и этимология названия, приведены наиболее вероятные трактовки названия секты, раскрыто ее появление в Таврической губернии, описана деятельность лидеров и география распространения. Представлены основы вероучения в контексте разных течений и толков, раскрыто отношение к официальной власти Российской империи. Охарактеризован социально-правовой статус молокан на примере основных ограничительных мер, предпринимаемых в отношении молокан Таврической губернии, проанализирована политика правительства в отношении них, описаны основные занятия и быт. Рассмотрены миграционные процессы в сектантской среде, представлены статистические данные. Описаны причины и порядок переселения таврических молокан в Закавказье в середине XIX в.

Ключевые слова: секта, православие, молокане, Российская империя, Таврическая губерния.

В условиях сохранения традиционных духовных ценностей общества особую роль играет религия. Она в определенной мере позволяет преодолеть обесценивание общечеловеческих идеалов и культурных ориентиров, все чаще проявляющих себя в современном обществе. В свою очередь обращение к истории даст возможность учесть накопленный положительный опыт и сделать его применение более эффективным в современных условиях, поскольку религиозный фактор всегда имел сильное влияние на все сферы жизни общества.

Одной из примечательных страниц религиозной истории России является история православного сектантства. Существование сект православной направленности можно считать интересным явлением российской реальности. И сегодня потомки многих православных сектантов проживают на территории России. Особое место среди них занимают молокане.

Представители молоканской секты внесли весомый вклад в развитие Российской империи и, в частности, Таврической губернии. В XIX в. здесь была сформирована достаточно многочисленная община молокан, которая в значительной мере повлияла на общественно-политическое и экономическое развитие края. Однако, несмотря на это, многие вопросы истории секты остаются малоизученными, что актуализирует научный интерес к ней.

Кроме того, необходимо отметить и субъективное отношение исследователей к истории молокан, чему способствовала официальная идеология времен Российской империи и СССР, направленная на неприятие религиозного сектантства. Имперская власть нетерпимо относилась к любым проявлениям инакомыслия, считая его губительным для государства, а советское руководство негативно оценивало религию в целом. Только в современной исторической науке появилась возможность объективно изучить историю православных сект, в частности молокан, однако относительно Таврической губернии такого исследования пока не было проведено. Данный факт еще более актуализирует изучение опыта таврических молокан, что позволит раскрыть еще один важный этап конфессиональной истории Таврической губернии.

Молокане, наряду с духоборцами, представляют собой рационалистическое направление православного сектантства Российской империи. В истории данной секты существует много пробелов. Например, неясно, когда точно она возникла. Так, В. Д. Бонч-Бруевич считал, что секта вела свое начало от кальвиниста Тверитинова, жившего в Москве в 1713 г. [24, с. 293]. Ф. И. Федоренко отмечал, что молоканство выделилось из духоборчества в 1760–1770-х гг. [26, с. 64].

Позднее молокане расселились на значительные территории. Уже в первой половине XIX в. они жили в Таврической, Ставропольской, Тамбовской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Астраханской губерниях; а также в Сибири, Закавказье, Средней Азии и др. [24, с. 295].

Нет единства мнений и по поводу названия секты. Некоторые исследователи связывают название «молокане» с рекой Молочной в Мелитопольском уезде, куда их ссылали [19, с. 852], другие – с непризнанием православных постов и употреблением молока в пост [20, с. 79]. Существует мнение, что название возникло в связи с предпочтением молокан есть молочную пищу, поскольку она не могла быть приготовлена с использованием свинины, которую они не ели. И даже есть предположение, что название «молокане» происходит от слова «мало»: «мало кануло», «мало каяться», т.е. мало по сравнению с православными. По-видимому, прозвище «молокане» дали им православные. Сами же молокане примирились и приняли это прозвище, связав его с текстом Св. Писания в смысле трактовки их учения как «молока духовного» [25, с. 298].

Трудно сказать, какая из этих версий является верной, так как ни одна из них не подтверждена источниками. В частности, первая из рассмотренных версий не может быть принята, поскольку название «молокане», видимо, появилось раньше, чем представители этой секты поселились на Молочных водах. «Молоком духовным» свое учение называли не только молокане, но и представители других религиозных течений. Наиболее заслуживающей доверия представляется вторая теория, согласно которой молокане были названы так за употребление молока в пост, причем следует учесть тот факт, что по роду своей деятельности молокане всегда имели в хозяйстве молочные продукты.

Основателем молоканской секты считают бродячего портного из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Семена Матвеевича Уклеина. Уклеин

разъезжал по тамбовским селам, где встретил духоборческого лидера Побирохина и примкнул к нему. Через время Уклеин поссорился с Побирохиным и ушел, решив создать свою секту. Собрав новых адептов, Уклеин в окружении 70 «апостолов» торжественно, с пением псалмов вошел в Тамбов, где был арестован [26, с. 64]. «Апостолы» обратились в православие, а Уклеин был отдан на увещание духовенству и, притворившись обращенным в православие, получил свободу. Выйдя из тюрьмы, он продолжил свою деятельность, но с большей осторожностью. Уклеин посетил Саратовскую, Астраханскую, Рязанскую, Самарскую, Тамбовскую, Воронежскую, Екатеринославскую губернии, земли Войска Донского и Кавказ [1, с. 148]. Знание Священного писания помогло ему привлечь многих людей. Проповедь его имела большой успех и увлекла за собою как духоборцев, так и православных крестьян. Пророка, проповедовавшего новую веру, ходили слушать толпами [25, с. 299]. Вскоре Уклеин организовал первую молоканскую общину.

Время появления молокан в Таврической губернии точно определить трудно. По свидетельству М. Родионова, они еще в 1805 г. начали селиться на Молочных водах вместе с духоборцами, а когда духоборцы были переселены за Кавказ, молокане остались в основанных ими селениях Мелитопольского уезда. Получив от правительства разрешение приобретать земли в собственность, молокане расселились в разные места, где жили среди православных [21, с. 259].

Видимо, в виду сходства этих сект молокане могли быть приняты за духоборцев и переселены вместе с ними на Молочные воды и, следовательно, оказались там раньше, чем им было официально позволено селиться на этих территориях.

Кроме того, правительство в целях изоляции сектантов иногда ссылало особо упорствующих молокан к духоборцам на Молочные воды. Так, в 1817 г. в Орловской губернии 32 человека приняло молоканскую веру, за что было подвергнуто увещанию. Из них 14 мужчин и 7 женщин остались непреклонными и были переселены на Молочные воды [15, л. 2–3, 5].

История организованной молоканской общины Таврической губернии началась позже. По свидетельству А. Высотского, в 1821 г. власть отвела для поселения молокан в Таврической губернии в Мелитопольском уезде 29721 дес. земли [2, с. 23].

Тогда же было образовано первое молоканское селение в Таврической губернии. Первоначально оно состояло из 150 мужчин, прибывших добровольно из разных сел Тамбовской губернии, и около 20 местных жителей было поселено в молоканских селениях по судебным решениям [25, с. 302].

Переселение молокан в Таврическую губернию зачастую использовалось как мера борьбы с распространением ереси. Так, в 1820 г. император Александр I, реализуя стремление локализовать секту в одном месте, своим указом велел екатеринославским молоканам переселиться на Молочные воды [22, л. 1].

С той же целью удовлетворялись прошения сектантов, в частности молокан, о добровольном переселении в Таврическую губернию. Например, в 1822 г. молокане

Тамбовской губернии изъявили желание переселиться на Молочные воды, что им было разрешено [23, л. 219–220].

Переселение молокан разрешено было на льготных условиях, вследствие чего оно началось и продолжалось очень успешно. По свидетельству современников, при поселении каждая семья молокан получила под усадьбу 2 дес. земли, в надел по 5–6, 8–9 дес. [19, с. 739, 852].

Сектанты приезжали в основном из Тамбовской губернии, но также были выходцы из Екатеринославской, Орловской, Астраханской, Владимирской, земель войска Донского и др. Переселившиеся молокане на отведенных им участках земли основали три селения: Нововасильевку, Астраханку и Новоспасское. Земли для селения Нововасильевки были отведены в апреле 1822 г., для Новоспасского – в 1823 г. Хутор Шавкай был назван Новоспасским [4, л. 45 об.]. Учреждение Новоспасского относится к 1832 г. [8, л. 1].

Численно секта постоянно пополнялась за счет вновь прибывших. Так, например, известно, что летом 1821 г. из Тамбовской губернии в селение Верхние Сирогозы Днепропольского уезда прибыло на жительство 78 молокан [16, л. 1]. В 1824 г. в Мелитопольский уезд из той же Тамбовской губернии прибыло 9 мужчин-молокан, которые были поселены в Новоспасском [9, л. 4]. Летом 1827 г. из той же губернии были выселены оставшиеся непреклонными в своей ереси четыре молоканских семейства в числе 42 человек [17, л. 1–4]. Таким образом, переселение имело систематический характер.

На новом месте молокане быстро обустроились. По примеру мелитопольских духоборцев, они занимались отхожими промыслами, содержали небольшие шорные мастерские, мелкие заводы, обрабатывавшие местное сырье. Среди них были также крупные землевладельцы, скотоводы (наибольших успехов они достигли в овцеводстве), птицеводы и пчеловоды [24, с. 286].

Многое молокане, как и духоборцы, заимствовали у немецких поселенцев. Так, по свидетельству современников, первые сектанты строили свои дома по образцу колонистов-немцев: двор обносили стеной, на расстоянии 2–3 саженой от дома разбивали сад [19, с. 739].

Исследователи отмечают, что вскоре в молоканских общинах произошла имущественная дифференциация, выделились крупные собственники, владельцы стад тонкорунных овец и табунов лошадей, сотен десятин земли [20, с. 82]. Этот процесс, вместе с особенностями вероучения, сыграл важную роль в дроблении молоканства на разные толки.

Долгое время молокане из-за страха перед властями скрывали основы своего учения. Однако по мере публичных заявлений их о своей вере их вероучение стало известно. Так, молокане верили, что «Сын Божий и Дух Святой единосущны Отцу, но неравны Ему по Божеству. Сын Божий имел плоть не человеческую, но такую, какую имел архангел Рафаил... Эту плоть он принес с неба и вселился с нею в утробу Божией матери, и потому он, не имея плоти человеческой, не умирал. Основанная им церковь существовала только до IV в.: с IV в. вселенские соборы и учителя церкви произвольным толкованием Библии исказили учение Христово. И

потому истинную церковь составляют только истинно духовные христиане, неприемлющие ни преданий, ни постановлений соборных, ни писаний учителей церковных, а только то, чему учит Библия. Все, не принадлежащие общине истинно духовных христиан, осуждены будут на вечное мучение. Воскресение будет духовное, а не плотское...» [3, с. 418].

Молокане в своих воззрениях исходили из равенства людей, придерживались идеи построения Царства Божия на земле. Молоканство не так далеко, как духоборчество, зашло в отрицании самого института церкви, придав большое значение наставникам (пресвитерам). Для молокан эталоном религиозного строя служила христианская церковь и ее учение до эпохи вселенских соборов [18, с. 123].

Молокане отвергали православное учение о таинствах и обрядах, о поклонении иконам и др. Они считали, что таинства должны быть понимаемы духовно. По свидетельству Гермогена, у молокан Таврической губернии «крещение состоит в научении от слова Божия, в покаянии и отпущении грехов, а Слово Божие не видимо преподает человеку и духовное помазание; покаяние есть только сокрушение сердца и исповедь грехов перед единым Богом, причащение состоит в принятии учения Христова и в исполнении его заповедей; священство – не таинство; священники и не нужны: мы имеем одного только первосвященника...; могут быть лишь только пресвитеры – руководители в вере; брак – тоже не таинство, он должен зависеть только от благословения родительского; елеосвящение – молитвы за больного. Все обряды: крестное знамение, поклонение иконам и мощам, даже храмы – вымыслы человеческие, неустановленные Священным Писанием... Пост необходим для человека и заповедан Священным Писанием, но он должен состоять не в воздержании только от извращенного вида пищи, а в совершенном воздержании от всякой пищи, и быть не в определенные дни, а должен зависеть от свободной воли человека, который может поститься, когда ему угодно и когда он найдет нужным» [3, с. 418].

Таким образом, у молокан не было жесткой регламентации, что проявлялось и в правилах приема в секту. Так, по словам современников, «переход в молоканство не сопровождается никаким чиноприемом: от переходящего требуется только: не носить креста, не совершать крестного знамения, не почитать икон, не есть свиного мяса, раков, бесчешуйчатой рыбы, не стричь усов» [3, с. 418]. Кроме того, уход к ним из православного населения был всегда заметен благодаря их упрощенному учению, которое не требовало расходов. Присоединяясь к молоканам, православные не платили сборов за исполнение обрядов и треб. Они не должны были ходить к священнику для исповеди, крещения младенцев, свадеб или похорон [24, с. 295].

Общее моление (собрание) молокан проводилось в воскресные и праздничные дни, в домах наставников или рядовых сектантов, и состояло в чтении и пении определенных мест из Св. Писания. Старейший пресвитер садился в переднем углу и читал стих из Библии; слушавшие подхватывали и пели его [1, с. 264]. Любой из присутствующих мог толковать прочитанный текст [24, с. 295]. Также использовались молитвы, во время молений стоя кланялись до земли, а также в

землю [19, с. 854]. Эти собрания продолжались несколько часов, и обычно в то время, когда шли богослужения в православных храмах [1, с. 264].

Среди молокан имелось три толка: донской, тамбовский и владимирский. Молокане, жившие на Молочных водах, сами себя называли «последователями тамбовского и владимирского толков духовными христианами, последователями донского согласия...» [19, с. 852]. Поселенные в 1822 г. сектанты получили свои названия: тамбовского согласия, потому что главные поселенцы вышли из Тамбовской губернии, владимирского – из Владимирской, донского толка – с Дона. Последователи двух первых толков главным образом были крестьянами, а последователи донского были представлены казаками.

По свидетельству В. Корсакова, по исповеданию веры тамбовский и владимирский толк близко соприкасались и резко отличались от донского, ближе прочих подходившего к православию. Главное отличие донского толка от православия заключалось в несоблюдении постов, непочитании икон и святых, неупотреблении крестного знамения. Наставников (пресвитеров) избирали обществом из числа единомышленников, следуя указанию апостолов. Пресвитеры были обязаны все требы исполнять безвозмездно. Таинство крещения совершали через троекратное погружение в воду. Причащение совершалось в собрании под видом хлеба и вина, причем предварительно устанавливался двухнедельный пост. Елеосвящение, или «помазание маслом», употребляли в случае болезни. К больному собирались пресвитеры и родные, и при чтении Евангелия и пении совершалось помазание. Брак совершался также пресвитером при чтении Евангелия и при наставлениях касательно обязанностей супружеской жизни.

Главное отличие учения тамбовского и владимирского толков заключалось в полном отрицании видимого совершения таинств. Они говорили, что достаточно одной веры, чтобы быть христианином и спастись, и поэтому не совершали никаких обрядов и таинств [19, с. 853–854].

Вероучение молокан во многом определило отношение к ним власти. Социально-правовой статус сектантов в первой половине XIX в. был очень динамичен и напрямую зависел от личности монарха. Так, первые годы царствования Александра I отличались снисходительным отношением к сектантам, особенно к молоканам. Они направляли царю много прошений о даровании им свободы веры, о защите их от притеснений властей и православного духовенства и др. Следует отметить, что многие их просьбы были удовлетворены, в частности несколькими указами сектантам была разрешена полная свобода веры, приняты были меры к «ограждению их от всего, что могло иметь вид насилия над их религиозными убеждениями» [2, с. 19–20]. Местному начальству было рекомендовано применять к сектантам только увещание, проявлять доброту и терпимость. В пользу этого утверждения можно привести случай, зафиксированный в архивных документах. Так, в 1820 г. местным властям было подано прошение молокан Гавриила Вахляева и Тараса Азарадина. По их словам, местный священник принуждал их к исполнению церковных обрядов, несмотря на то, что они хотели «молоканскую веру по гроб содержать». Вице-губернатор предписал Днепровскому

нижнему земскому суду объявить священнику, что «всеобщая терпимость многими Высочайшими повелениями подтверждена и лишает его права употреблять противу их иные меры, кроме убеждений, которые одни только сильны против заблуждения» [6, л. 1, 26].

В ответ на отношение царя молокане выражали свои верноподданнические чувства. В их обрядниках даже появились особые молитвы за царя и за весь царствующий дом [19, с. 854].

Современники отмечают, что молокане, несмотря на лояльное отношение Александра I, были ограничены в правах по сравнению с меннонитами, им не предоставлялись их привилегии [25, с. 296]. Отмечались трудности при получении разрешения отлучиться по каким-нибудь делам из места своего жительства в другую губернию, на получение позволения иногда уходило несколько месяцев ожидания [27, с. 295].

Таким образом, лояльная политика Александра в отношении молокан с течением времени менялась, что выразилось в постепенном ограничении прав сектантов. При Николае I этот процесс еще более усугубился.

В 1842 г. молокане, наряду с духоборцами, были причислены к «вреднейшим сектам», отвергавшим богоучрежденность верховной власти и повиновение «поставляемым ею начальствам» [3, с. 419]. Было обращено внимание на попытки молокан привлечь в свою секту православных, а также на некоторые их противоправные действия. Например, молокан Таврической губернии обвиняли в чеканке фальшивых монет [25, с. 309], уклонении от воинской повинности, укрывании военных дезертиров, беглых крестьян и преступников [3, с. 419]. За эти действия наказывали кнутом, отправляли в Сибирь или в сумасшедшие дома [25, с. 309].

Тем не менее, государство осознавало экономическую выгоду, которую приносили молокане своей деятельностью, в частности, в Таврической губернии. Местным властям предписывалось не притеснять молокан в хозяйственных занятиях, а внимательно следить за тем, что последние не имели сообщения с православными, а главное – не привлекали к себе православных [16, л. 1].

В целом, молокане при Николае I все же существенно ограничивались в правах, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, с 1836 г. молоканам не разрешалось иметь у себя в работниках и в своих домах людей православного исповедания; самим им не разрешалось жить в домах у православных; а также запрещалось выдавать молоканам паспорта для отлучки в другие места. Вскоре также молоканам было запрещено иметь православных на фабриках и других заведениях, ими содержимых [14, л. 5].

В 1837 г. вышло царское повеление о необходимости принятия некоторых новых мер в отношении молокан, «кои уменьшали бы значительность членов сей секты в обществе и влияние их на других и таким образом отнимали способы прельщения и привлечения в секту» [14, л. 2]. Этими мерами молоканам запрещалось собираться где-либо для богослужений; за публичную проповедь своего учения, а также за совращение православных молокан предписывалось

судить как распространителей секты. К таковым предписывалось применять увещание к обращению, обратившихся к церкви молокан требовалось прощать за их незаконные действия, а необратившихся – изолировать от общества, в котором они оказались вредными. Местной власти также предписывалось покровительствовать православному члену молоканского семейства или обратившемуся в православие из молоканства и защищать от притеснений со стороны неправославных членов семейства [14, л. 2, 5].

Вместе с запретом на публичные проповеди и молитвы, молоканам не выдавали письменные виды на отлучки в другие места для заработков [5, л. 2–3 об.].

Также молоканам запрещалось нанимать желающих для поступления за их семейства в рекруты из магометан, как это было на некоторое время разрешено духоборцам. Поставка рекрутов была самой тягостной повинностью, поэтому молокане ее всячески избегали. В 1838 г. было разрешено только один раз принять от молокан Мелитопольского уезда 5 рекрутов из татар, далее эти условия ужесточились [7, л. 29, 38, 62, 86].

Кроме того, интерес представляет циркуляр министра внутренних дел от 21 ноября 1835 г., сообщавший о возможности в некоторых случаях крестить оставшихся без призрения малолетних детей молокан, наставляя таким образом «их к познанию веры и наблюдать за ними, чтобы они исполняли христианские обязанности» [11, л. 1].

В 1838 г. в отношении молокан Таврической губернии была проведена «ревизия», результатом которой стали следующие меры: необходимо было выявить тех из них, кто готов принять православие, и принять их под особое попечение с целью сближения с православной церковью; тех же, кто был упорен в своем заблуждении, нужно было переселить в другие молоканские селения [4, л. 33–38].

Таким образом, в правовом положении молокан четко прослеживается тенденция на постепенное ограничение их положения. Результатом этих действий стало стремление молокан переселиться на новые территории, где они получили бы больше прав и привилегий. Так, 1830-1840-е гг. характеризуются частыми случаями массового выселения молокан из Таврической губернии.

В целом, в губернии к этому времени проживало достаточно много молокан. В 1833 г. в Нововасильевке, Астраханке и Новоспасском проживало 3000 сектантов [3, с. 419]. К концу 1830-х гг. среди молокан Таврической губернии наиболее многочисленными были тамбовские, они составляли более 2 тыс. человек. Владимирских молокан насчитывалось чуть меньше 500, а донских было всего 30 человек. Кроме того, имелись еще духоборствующие молоканы, выходцы из Орловской губернии, их было 7 семейств [4, л. 41–42].

Начиная с 1830-х гг. многие молокане выселялись из Таврической губернии, преимущественно в Закавказье. Эти события, как и последующие массовые переселения молокан в начале 1840-х гг., подтверждаются архивными документами.

Наиболее ранние попытки массового переселения молокан относятся к 1833 г. Для переселенцев планировалось выделить свободные участки земель, для чего им было разрешено отправить поверенных для осмотра назначенных для переселенцев

земель, которые впоследствии подтвердили желание переселиться. Так, в Астраханке и Новоалексеевке выразили желание переселиться 1082 человека. Но позднее некоторые молокане отказались от переселения, решив, что земли, отведенные для их поселения, неудобны, а когда им было предложено выбрать другие земли, они решительно отказались, заявив, что по образу их жизни не могут жить с коренными жителями. Многих общество отказалось уволить ввиду их рекрутской очереди. Однако вскоре ряды переселенцев пополнились, и желание переселиться выразило 533 человека, из них в Нововасильевке – 230 и в Астраханке – 303. Однако разрешено было отправиться только до 250 человек в одной партии. Многие из переселенцев выразили намерение отправиться в Закавказье весной. Но кавказские власти рекомендовали к концу марта уже закончить переселение. В итоге переселение первых 250 человек было решено начать весной 1833 г. Местному начальству предписывалось выдать им соответствующие билеты. Требовалось проследить, чтобы переселенцы заплатили за 1833 г. все налоги, продали свое имущество, и, «снабдив себя по возможности всеми нужными в пути потребностями в достаточном количестве и отправились необходимыми партиями от 50 до 60 и 70 обоого пола и возраста наличных душ через две недели одна после другой» [10, л. 1–19, 24].

Согласно правилам 1831 г., переселенцам необходимо было оказывать содействие. Окончательно из жителей Нововасильевки и Астраханки такое желание изъявили всего 232 человека. Однако переселение было приостановлено до 1834 г., причиной чему был неурожай хлеба в Кавказских областях, что отразилось бы на положении переселенцев. Но еще до объявления приостановления переселения, в апреле-мае за Кавказ отправилось около 150 человек. Многие молокане, несмотря на неблагоприятные условия, просили разрешить им переселиться, так как они уже продали все имущество и «терпели крайнее разорение». Но разрешения на это они так и не получили [10, л. 30–33, 35, 45–54, 59–64, 71–73].

Переселение молокан возобновилось в первой половине 1840-х гг. Так, в мае 1844 г. из Таврической губернии в Закавказский край тремя партиями отправилось 370 человек [12, л. 16–18, 22–23, 30–31]. Первая партия выступила 21 мая 1844 г., вторая – 1 июня, третья – 6 июня [12, л. 27].

В 1848 г. еще шести молоканским семействам села Астраханки Бердянского уезда Таврической губернии в числе 24 мужчин и 22 женщин было разрешено переселиться в Закавказский край. Но в итоге молокане не переселились, так как одни передумали и просили оставить их на месте, а другим по состоянию их на рекрутской очереди в переселении было отказано [13, л. 1–16].

Таким образом, можно сделать вывод, что молокане сыграли значительную роль в истории Таврической губернии. Во времена правления Александра I для молокан, как и других православных сект, наступило время лояльного отношения и терпимости. В первой четверти XIX в. на территории северной части Таврической губернии были основаны компактные поселения молокан, насчитывавшие в период своего расцвета несколько тысяч человек. Они внесли заметный вклад в социально-экономическое развитие региона. Однако уже во времена Николая I политика в

отношении сектантов значительно ужесточилась, что отразилось на правовом статусе молокан, в том числе и проживавших на территории Таврической губернии. Результатом этого стало выселение части молоканской общины, не согласившейся принять православие, за Кавказ и прекращение их активной деятельности в Таврической губернии.

Список использованных источников и литературы

1. Булгаков С. В. Православие: ереси, секты, западные вероисповедания: Соборы. – М.: б.и., 1912. – 373 с.
Bulgakov S. V. Pravoslavie: eresi, sekty, zapadnye veroispovedaniya: Sobory. – М.: б.и., 1912. – 373 с.
2. Высотский А. К вопросу о положении молокан в царствование императора Александра I // ИТУАК. – № 32-33. – С. 18-46.
Vysotskii A. K voprosu o polozhenii molokan v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I // ИТУАК. – № 32-33. – С. 18-46.
3. Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия. – Псков: Типография губернского правления, 1887. – 520 с.
Germogen, episkop Pskovskii i Porkhovskii, byvshii Tavricheskii i Simferopol'skii. Tavricheskaya eparkhiya. – Pskov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1887. – 520 s.
4. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф. 1. – Оп. 200. – Д. 52. – 128 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti (GAOO). – F. 1. – Op. 200. – D. 52. – 128 l.
5. ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 200. – Д. 91. – 3 л.
GAOO. – F. 1. – Op. 200. – D. 91. – 3 l.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 4908. – 33 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK). – F. 26. – Op. 1. – D. 4908. – 33 l.
7. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 6789. – 96 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 6789. – 96 l.
8. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 7856. – 3 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 7856. – 3 l.
9. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 9711. – 4 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 9711. – 4 l.
10. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 9830. – 82 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 9830. – 82 l.
11. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 605. – 1 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 605. – 1 l.
12. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 975. – 32 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 975. – 32 l.
13. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 1117. – 18 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 1117. – 18 l.
14. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 5. – Д. 8. – 6 л.
GARK. – F. 26. – Op. 5. – D. 8. – 6 l.
15. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 1707. – 9 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 1707. – 9 l.
16. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 2169. – 9 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 2169. – 9 l.
17. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 3046. – 4 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 3046. – 4 l.
18. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. – 348 с.
Klibanov A. I. Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii. – М.: Nauka, 1965. – 348 s.
19. Корсаков В. Молокане: из заметок земского врача // Русский вестник. – 1880. – № 2. – С. 739–885.
Korsakov V. Molokane: iz zametok zemskogo vracha // Russkii vestnik. – 1880. – № 2. – S. 739–885.

20. Малахова И. А. Духовные христиане. – М.: Политиздат, 1970. – 128 с.
Malakhova I. A. Dukhovnye khristiane. – М.: Politizdat, 1970. – 128 s.
21. Родионов М. Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии...: Общий и частный обзор. – Симферополь: б.и., 1872. – 269 с.
Rodionov M. Statistiko-khronologicheskoe opisaniye Tavricheskoi eparkhii...: Obshchii i chastnyi obzor. – Simferopol': b.i., 1872. – 269 s.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 797. – Оп. 2. – Д. 8911. – 1 л.
Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). – F. 797. – Op. 2. – D. 8911. – 1 l.
23. РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 289. – Л. 219-220.
RGIA. – F. 1263. – Op. 1. – D. 289. – L. 219-220.
24. Сектантство и старообрядничество в первой половине XIX века / Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. Т. 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – С. 265–307.
Sektantstvo i staroobryadnichestvo v pervoi polovine XIX veka / Bonch-Bruevich V. D. Izbrannyye sochineniya. T. 1. O religii, religioznom sektantstve i tserkvi. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. – S. 265–307.
25. Стоялов А. И. Несколько слов о молоканах в Таврических степях // Отечественные записки. – 1870. – № 6. – С. 295–314.
Stoyalov A.I. Neskol'ko slov o molokanakh v Tavricheskikh stepyakh // Otechestvennyye zapiski. – 1870. – № 6. – S. 295–314.
26. Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. – М.: Издательство политической литературы, 1965. – 359 с.
Fedorenko F. Sekty, ikh vera i dela. – М.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965. – 359 s.
27. Филиберт А. Предисловие к статье «Несколько слов о молоканах в Таврической губернии» // Отечественные записки. – 1870. – № 6. – С. 292–295.
Filibert A. Predislovie k stat'e «Neskol'ko slov o molokanakh v Tavricheskoi gubernii» // Otechestvennyye zapiski. – 1870. – № 6. – S. 292–295.

Ivleva Ya. A. The Molokan sect in the taurian province in the first half of the six century

Based on the analysis of archival sources and literature, a comprehensive study of one of the oldest Russian sects – the Molokan sect – in Taurian province is carried out. Its origin and etymology of the name are studied, the most probable interpretations of the sect's name are given, its emergence in Taurian province is revealed, the activity of its leaders and the geography of its spread are described. The basics of doctrine in the context of different currents and interpretations are presented, the attitude to the official authorities of the Russian Empire is revealed. The social and legal status of Molokans is described on the example of the main restrictive measures taken against the Molokans of the Taurian province, the government policy towards them is analyzed, the main occupations and everyday life are described. Migration processes in the sectarian environment are considered, statistical data are presented. The reasons and order of resettlement of Taurian Molokans to Transcaucasia in the middle of XIX century are described.

Keywords: sect, Orthodoxy, the Molokans, Russian Empire, Taurian province.

УДК 902/904

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-48-58

БОСПОРСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ПОЛЯНКА» В ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ¹

Кецко Р. С.

*Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ros-arch@mail.ru*

Масленников А. А.

*Институт археологии РАН
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: iscander48@mail.ru*

Рассмотрена методика графической реконструкции боспорского сельского поселения «Полянка» I в. до н.э. Приведена систематизация источников информации для работы над проектной трёхмерной (3D) моделью античного памятника. Также кратко рассмотрены основные проблемы при её разработке. Внесены предложения о перспективных направлениях развития в виде информационного слоя достоверности и перехода к информационной модели. Даны рекомендации по дальнейшему улучшению визуальной составляющей.

Ключевые слова: Боспор, сельское поселение «Полянка», графическая реконструкция.

Введение

Целью данной статьи является описание методики и результатов графической реконструкции боспорского сельского поселения «Полянка» в Крымском Приазовье, датируемого второй половиной I в. до н.э. Памятник был раскопан почти полностью Восточно-Крымской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством одного из авторов [12]. Полученные материалы, а, главным образом, относительно неплохая сохранность и степень изученности объекта, позволяют помимо традиционных архитектурных и некоторых иных способов фиксации попытаться перейти и к объёмным графическим исторически выдержанным реконструкциям. Авторами рассмотрены основные источники соответствующей информации, а также история становления, проблемы разработки и перспективы использования полученной цифровой модели поселения и его отдельных частей. Результаты работ предназначены для иллюстрирования исследовательских данных.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00088, <https://rscf.ru/project/23-18-00088/>

The investigation was carried out with help of Russian Science Foundation, project No. 23-18-00088, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00088/>.

Реконструкция облика утраченных построек разного назначения и хронологии в контексте окружающей их среды (антуража), включая и человека – закономерный этап научного поиска, и имеет свою историю. Классическая архитектурная реконструкция всегда подразумевала первый из перечисленных компонентов. Причем, со времён Возрождения сосредотачивалась на ордерных постройках. Примеры такого рода, базирующиеся на соответствующих традиционных представлениях о параметрах, пропорциях и законах как основных архитектурно-строительных приёмах, так и отдельных деталей стандартных конструкций, составляют основу иллюстративного материала всех научных и популярных публикаций на тему античной архитектуры. Это всегда строго выверенные, точные обмеры, чертежи и графические изображения, чаще (что проще) плоскостные, реже трёхмерные. До относительно недавнего времени, а точнее – последней четверти ушедшего века, в отечественных изданиях по истории и археологии античности мы не найдём иллюстраций, представлявших бы «вольно» интерпретированные в том числе ординарные постройки, да ещё в некоем воображаемом «ландшафте». (Исключения, естественно, составляют художественные литературные, живописные и кинематографические произведения.)

Но как-то совершенно незаметно это неакадемическое направление, которое принято называть графическими (архитектурно-археологическими) реконструкциями, вошло в «обиход» изданий, причём не только касающихся античной тематики. Пожалуй, первым таким примером можно считать несколько иллюстраций (реконструкций), помещённых в известной специалистам монографии И. Т. Кругликовой [3, рис. 5, 41, 63, 73], выполненных А. Макаровым. На них в трёхмерной проекции представлены варианты восстановления отдельных построек и даже кварталов застройки, выявленных раскопками сельских поселений Восточного Крыма (поселение на восточном склоне г. Опук, усадьба Андреевка Южная, усадьба у с. Ново-Отрадное, квартал домов на городище Семёновское). Эти рисунки были сделаны на основании полевых чертежей, фотографий, отчасти личных впечатлений упомянутого архитектора и, естественно, рекомендаций самой Ирины Тимофеевны. Должно отметить, что упомянутые иллюстрации заметно «оживили» текст монографии и впоследствии неоднократно «кочевали» по разным изданиям.

Вряд ли под влиянием этого примера, а, скорее, вследствие самой логики исследования и популяризации его результатов, а также специального образования автора графические архитектурно-археологические реконструкции ордерных (сакральных и административных) и гражданских (жилых) построек вскоре украсили многочисленные публикации известного архитектора-историка и археолога С. Д. Крыжицкого [упомянем лишь основные: 4–7].

Несколько позднее к ним добавились аналогичные, но касавшиеся вначале, главным образом, фортификационных сооружений изображения, выполненные В. П. Толстиковым. Впоследствии они дополнились большим числом графических реконструкций, главным образом, ордерных сакральных, общественных и оборонительных сооружений Пантикапея – столицы Боспора, раскопками которого

Владимир Петрович руководит уже много лет [15–18]. Все их, вследствие высокого профессионализма и опыта автора, с полным основанием можно считать на сегодняшний день наиболее точными и обоснованными. Некоторые из них периодически корректируются автором и неоднократно тиражировались в разных изданиях. Это, несомненно, говорит об их востребованности в плане популяризации археологических памятников и наших знаний об античном периоде истории Северного Причерноморья.

Относительно сельской территории Херсонесского государства, упомянем попытку реконструкции монументального здания III в. до н.э. на городище Чайка. При этом были учтены особенности планировки этого строительного комплекса, включавшего мощную башню, 12 крытых помещений и внутренний двор. Были сделаны графические «предположения» относительно этажности строений, наличия подвалов, материала стен и перекрытий [19, с. 82–128]. Особое внимание было уделено реконструкции башни, впрочем, несколько спорной. Более обоснованной представляется недавняя реконструкция башни ещё на одной усадьбе дальней Херсонесской хоры – Ортли (вторая половина IV – первая треть III в. до н.э.). Согласно её авторам, башня имела каменные стены только на уровне первого, возможно, второго этажей, далее же следовала сырцовая кладка [14, с. 393–394].

В какой-то степени был причастен к такого рода «пояснениям» своего научного текста и один из авторов настоящей статьи. Его монография, посвящённая сельским поселениям Восточного Крыма, содержит восемь такого рода рисунков-реконструкций, основанных на результатах многолетних раскопок [11, илл. Д 1–2; С 1,38]. При этом автор стремился оживить свои «фантазии», в том числе некоторым антуражем, стараясь всё же следовать нормам и примерам античного сельского домостроительства.

Первые опыты применения 3D технологий в данной области, пожалуй, относятся в России к рубежу десятилетий текущего века. Трудно сказать, кто явился первопроходцем в этой области. Так или иначе, но это был, безусловно, новый и, как представляется, весьма перспективный этап архитектурно-археологического моделирования с помощью всё более совершенствующейся методики, основанной на возможностях современной электроники. Однако при этом важно постоянно считаться с тем, что максимальное или же просто наиболее адекватное приближение к историческим реалиям возможно только при руководстве (или кураторстве) руководителя раскопок. Никакой искусственный интеллект пока не заменит знаний, практического опыта и научного «чутья» специалиста, в данном случае археолога-антиковеда.

Из относительно недавних соответствующих работ приведём примеры более или менее удачных реконструкций античных построек и укреплений на п-ове Абрау (руководитель раскопок и куратор А. А. Малышев (ИА РАН), непосредственный исполнитель В. В. Моор) [8–10; 13]. Важные в искусствоведческо-архитектурном плане реконструкции зданий и погребальных сооружений Боспора были сделаны коллегами из Санкт-Петербурга [1].

Наконец, попыткой некого обобщения соответствующего опыта развития графических реконструкций археологических памятников на материалах Западного Крыма явилась статья В. В. Живица и А. А. Эрайзера [2].

Успехи и перспективы методики трёхмерных компьютерных реконструкций побудили и авторов настоящей статьи обратиться к графической реконструкции полностью раскопанного поселения «Полянка» второй половины I в. до н.э. в Крымском Приазовье, стараясь при этом использовать опыт предшественников и вполне осознавая сложность такой работы и неоднозначность её итогов.

Методика работы

Исходную информацию для разработки объёмной модели памятника археологии можно разделить на следующие типы:

полевая информация (материальная);

описания памятника и графические материалы из статей, архивных данных и научных отчётов;

ближайшие аналоги, как в сохранившемся материальном, так и в описательном, графическом видах.

Кроме того, в связи с видом реконструируемого объекта (античное сельское поселение) необходимо обратить особое внимание на такие аспекты памятника, как рельеф территории, планировочную организацию поселения и его функциональное зонирование. С учётом этих особенностей и существующих материалов была выделена следующая структура источников информации для графической реконструкции данного памятника археологии:

Методика работы

<i>Источник информации</i>	<i>Виды, описание</i>	<i>Затрагиваемые элементы объёмной цифровой модели</i>
1. Полевая информация	Остатки строительных конструкций и вымосток	<ul style="list-style-type: none"> • толщина и расположение стен, их материал и тип кладки; • наличие дверных проёмов и их ширина; • наличие ступеней, вымосток, их характеристики.
	Существующий рельеф местности	<ul style="list-style-type: none"> • вертикальная планировка памятника; • рельеф окружающей местности.
	Растительность	<ul style="list-style-type: none"> • растительность на территории памятника.

**БОСПОРСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ПОЛЯНКА»
В ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

2. Описания памятника и графические материалы	Чертежи и планы раскопок поселения, описания стратиграфии и структуры культурного слоя. Детали планировки поселения, описание строительных приемов, использованных материалов и т.п. [12]	<ul style="list-style-type: none"> • планировочная организация и функциональное зонирование поселения; • конструктивные особенности построек; • наличие/отсутствие дверных, оконных проёмов и их параметры; • наличие ступеней, вымосток, их характеристики; • уровни и материал полов; • устройство и материалы кровли; • обустройство обогрева и водоотведения. • вертикальная планировка; • толщина и расположение стен.
3. Ближайшие аналоги	Реконструкции поселений I в. до н.э. – II в. н.э. в Северо-Западном Крыму; поселения у д. Семеновка в Крымском Приазовье	<ul style="list-style-type: none"> • конструктивные особенности построек; • материалы и характеристики кровли, дверных заполнений.

На основе источников из полученной структуры была спроектирована объёмная цифровая модель античного поселения (рис. 1). Данная модель не является в полной мере информационной и предназначена, в первую очередь, для получения графических иллюстраций. Однако в перспективе может быть использована для составления таковой, путем накопления и систематизации данных.

Работы по моделированию можно разделить на следующие этапы:
подготовка материалов и выбор инструментария;
проектирование цифровой модели;
оформление сцен и получение готовых материалов.

На этапе подготовки, при помощи аэрофотосъёмки, методом фотограмметрии была получена объёмная цифровая модель местности поселения (рис. 2). Также были сделаны видовые фотографии для итоговых ракурсов. В качестве инструментария для дальнейшей работы использовалось следующее программное обеспечение: GRAPHISOFT Archicad – для проектирования цифровой модели поселения, Lumion – для оформления и рендеринга сцен. Проектирование намеренно выполнялось в программе для информационного моделирования, т.к. полученный результат проще поддаётся массовому изменению строительных

параметров, в противовес программам объёмного моделирования. Тем не менее, целесообразно и их совместное использование. Например, для применения к геометрии модели сложных искажений, чтобы придать некоторую естественную небрежность материалам там, где карт смещения недостаточно.

Рис. 1. Объёмная цифровая модель античного поселения «Полянка» в Крымском Приазовье. Вид с северо-запада

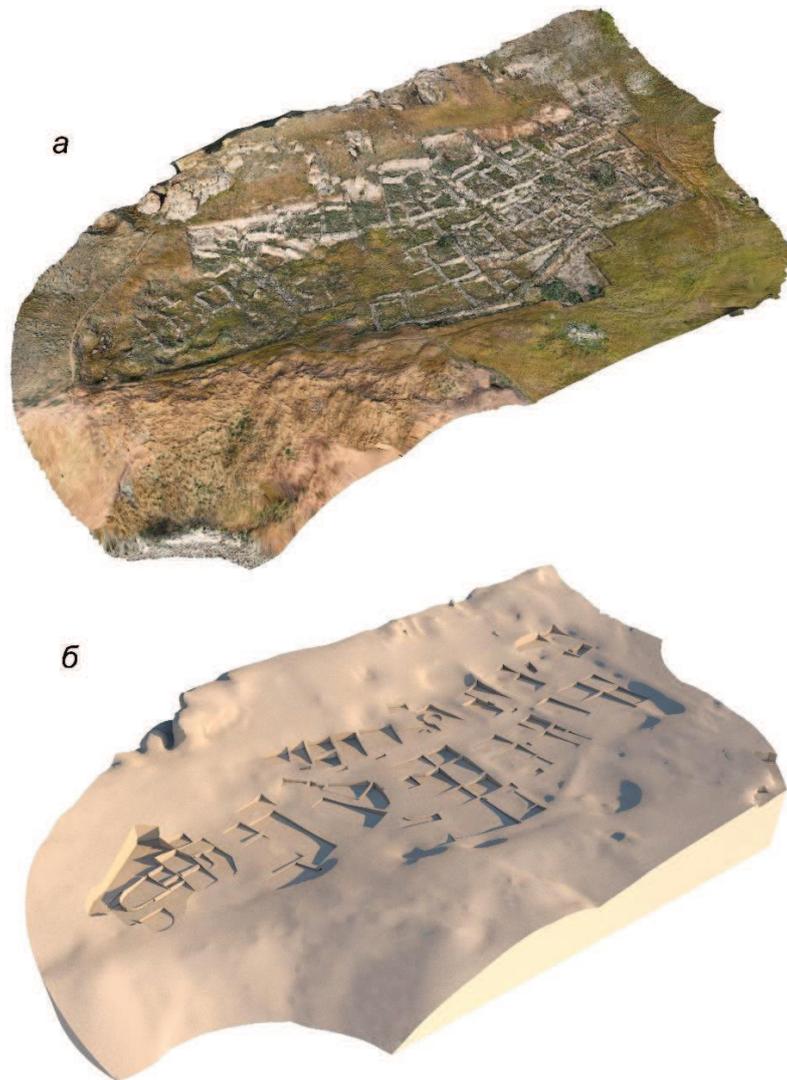
Основными проблемами, с которыми пришлось столкнуться на этапе проектирования, были выбор наиболее подходящего для реконструкции строительного периода, организация вертикальной планировки территории поселения и устройство крыш. Остальные задачи выполнялись относительно легко, ввиду накопленной информационной структуры.

Для реконструкции был выбран II строительный период как самый массовый по количеству возведенных конструкций. Далее следует отметить, что часть стен и помещений 2-й строительной фазы предполагают перестройку или уничтожение некоторых помещений 1-й строительной фазы и в то же время, приносят неоднозначные планировочные решения, сложные для интерпретации и графической реконструкции. Однако, часть помещений 2-й фазы являются органичным продолжением застройки и завершением композиции жилых блоков. Таким образом, исходя из возможной достоверности реконструируемой планировки

**БОСПОРСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ПОЛЯНКА»
В ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

поселения, был выбран следующий временной промежуток: II строительный период, конец 1-й – начало 2-й строительной фазы. Следует отметить, что восточные кварталы, открытые частично, не вошли в реконструкцию ввиду недостаточной планировочной структуры.

Рис. 2. а – Объёмная цифровая модель современной местности памятника. Вид с северо-запада

б – Вертикальная планировка местности под пятном застройки. Вид с северо-запада

Рис. 3. Итоговая сцена. Крупный план I-II Строительных комплексов застройки. Вид с севера

Рис. 4. Итоговая сцена. Общий план поселения. Вид с северо-востока

Вертикальная планировка территории поселения осуществлялась на основе полученной модели современной местности. Конечно, современный рельеф отличается от древнего, но его можно использовать как хорошую отправную точку в проектировании окружения. В процессе моделирования и вертикальной планировки отснятая модель местности под пятном застройки была переделана практически полностью.

При воссоздании элементов поселения определённые сложности вызвали конструкции крыш. Учитывая отсутствие каких-либо материальных свидетельств устройства кровли, её реконструкция основывается на ближайших аналогиях, форме рельефа и конструктивных особенностях жилых блоков.

В итоговом оформлении сцен были добавлены текстуры, антураж и мелкие детали на крупных планах (рис. 3; 4). Рельеф использовался как смоделированный, так и способом фотоналожения.

Результаты, выводы и перспективы

Полученные результаты обладают определённой степенью достоверности как по геометрическим, так и по функциональным, планировочным показателям. Чем больше перекрестной информации накапливается по каждой составной части модели, тем выше аутентичность общей модели. Таким образом, в качестве перспективы развития полученной реконструкции предлагается ввести информационный слой с показателем достоверности элементов модели. В качестве инструмента такого показателя можно использовать коэффициенты достоверности элемента, вводимые на основе систематизированных источников информации о конкретном элементе модели.

Вторым вектором развития является переход к информационной модели, что уже обусловлено введением слоя достоверности. Информационная модель поселения позволит наглядно каталогизировать и интерпретировать имеющиеся и новые данные.

В качестве улучшения визуальной составляющей предлагается использовать упомянутую ранее деформацию модели, а также уделить больше внимания подбору текстур и детализации окружения. Кроме того, для создания более цельного представления о поселении необходимо отобразить нереконструированные восточные участки памятника.

Список использованных источников и литературы

1. Горончаровский В. А., Виноградов Ю. А., Мартиров В. Б., Швембергер С. В. Опыт виртуальной реконструкции архитектурных памятников античного Боспора // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. – С. 31–48, 109–134.

Goroncharovskii V. A., Vinogradov Yu. A., Martirov V. B., Shvemberger S. V. Opyt virtual'noi rekonstruktsii arkhitekturnykh pamyatnikov antichnogo Bospora // Virtual'naya rekonstruktsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v formatakh nauchnogo issledovaniya i obrazovatel'nogo protsessa. – Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi un-t, 2012. – S. 31–48, 109–134.

2. Живица В. В., Эрайзер А. А. Принципы 3D реконструкций объектов культурного наследия античного периода на примере греко-скифского городища Калос-Лимен в Республике Крым // *Строительство и техногенная безопасность*. – 2022. – № 24(76). – С. 7–18.
Zhivitsa V. V., Eraizer A. A. Printsipy 3D rekonstruktsii ob"ektov kul'turnogo naslediya antichnogo perioda na primere greko-skifskogo gorodishcha Kalos-Limen v Respublike Krym // *Stroitel'stvo i tekhnogennaya bezopasnost'*. – 2022. – № 24(76). – S. 7–18.
3. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. – М.: Наука, 1975. – 300 с.
Kruglikova I. T. Sel'skoe khozyaistvo Bospora. – M.: Nauka, 1975. – 300 s.
4. Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV – II вв. до н.э. – Киев: Наукова думка, 1971. – 144 с.
Kryzhitskii S. D. Zhilye ansambli drevnei Ol'vii IV – II vv. do n.e. – Kiev: Naukova dumka, 1971. – 144 s.
5. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1982. – 166 с.
Kryzhitskii S. D. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. – Kiev: Naukova dumka, 1982. – 166 s.
6. Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. – Киев: Наукова думка, 1985. – 192 с.
Kryzhitskii S. D. Ol'viya. Istoriograficheskoe issledovanie arkhitekturno-stroitel'nykh kompleksov. – Kiev: Naukova dumka, 1985. – 192 s.
7. Крыжицкий С. Д. Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях. – Симферополь, Керчь, 2012. – 382 с.
Kryzhitskii S. D. Arkhitektura Ol'viiskogo polisa v graficheskikh rekonstruktsiyakh. – Simferopol', Kerch', 2012. – 382 s.
8. Малышев А. А., Жеребятъев Д. И., Королева С. В., Моор В. В. Антропогенные ландшафты п-ова Абрау в античную эпоху. – М., 2016. – 56 с.
Malyshev A. A., Zherebyat'ev D. I., Koroleva S. V., Moor V. V. Antropogennye landshafty p-ova Abrau v antichnyuyu epokhu. – M., 2016. – 56 s.
9. Малышев А. А., Новичихин А. М., Жеребятъев Д. И., Королева С. В., Моор В. В. Античная Горгиппия / отв. ред. А.А. Малышев. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 84 с.
Malyshev A. A., Novichikhin A. M., Zherebyat'ev D. I., Koroleva S. V., Moor V. V. Antichnaya Gorgippiya / otv. red. A.A. Malyshev. – M.: MAKS Press, 2018. – 84 s.
10. Малышев А. А., Новичихин А. М., Дрыга Д. О., Жеребятъев Д. И., Моор В. В., Мочалов А. В. Синдика. – М.: МАКС Пресс, 2022. – 68 с.
Malyshev A. A., Novechikhin A. M., Dryga D. O., Zherebyat'ev D. I., Moor V. V., Mochalov A. V. Sindika. – M.: MAKS Press, 2022. – 68 s.
11. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены (Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху). – М.: Индрик, 1998. – 302 с.
Maslennikov A. A. Ellinskaya khora na krauyu Oikumeny (Sel'skaya territoriya Evropeiskogo Bospora v antichnyuyu epokhu). – M.: Indrik, 1998. – 302 s.
12. Масленников А. А. Палеогеография, топография, абсолютная хронология, планировка и строительная периодизация поселения Полянка // *Древности Боспора*. – 2024. – Вып. 29. – С. 309–337.
Maslennikov A. A. Paleogeografiya, topografiya, absolyutnaya khronologiya, planirovka i stroitel'naya periodizatsiya poseleniya Polyanka // *Drevnosti Bospora*. – 2024. – Vyp. 29. – S. 309–337.
13. Моор В. В. Архитектурное компьютерное моделирование в исследовании памятников архитектуры // *Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса*. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. – С. 65–67, 174–194.
Moor V. V. Arkhitekturnoe komp'yuternoe modelirovanie v issledovanii pamyatnikov arkhitektury // *Virtual'naya rekonstruktsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v formatakh nauchnogo issledovaniya i obrazovatel'nogo protsessa*. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi un-t, 2012. – S. 65–67, 174–194.

14. Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. – СПб.: Алетейя, 2017. – 448 с.– (Серия: «Археологические атласы Северного Причерноморья». Вып. 2).

Smekalova T. N., Kutaisov V. A. Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnii bronzovyi vek. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'. – SPb.: Aleteiya, 2017. – 448 s. (Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ya. Vyp. 2).

15. Толстиков В. П. О системе обороны Пантикапея // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. – 1984. – Вып. 7. – С. 28–56.

Tolstikov V. P. O sisteme oborony Pantikapeya // Soobshcheniya GMIИ im. A.S. Pushkina. – 1984. – Vyp. 7. – S. 28–56.

16. Толстиков В. П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 45–99.

Tolstikov V. P. Pantikapei – stolitsa Bospora // Ocherki arkheologii i istorii Bospora. – M.: Nauka, 1992. – S. 45–99.

17. Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. – 1992. – Вып. 10. – С. 41–65.

Tolstikov V. P. Neizvestnye stranitsy istorii Bosporskogo tsarstva // Soobshcheniya GMIИ im. A. S. Pushkina. – 1992. – Vyp. 10. – S. 41–65.

18. Толстиков В. П. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. – М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 69–84.

Tolstikov V. P. Ocherk gradostroitel'noi istorii tsentral'nogo raiona Pantikapeya // Pantikapei i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva. – M.: GMIИ im. A.S. Pushkina, 2017. – S. 69–84.

19. Яценко И. В., Турина Т. Н. Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 82–154.

Yatsenko I. V., Turina T. N. Zdanie III v. do n.e. na gorodishche Chaika v Evpatorii (variant rekonstruktsii) // Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii. – M.: Izd-vo MGU, 1991. – S. 82–154.

Ketsko R. S., Maslennikov A. A. Bosporan rural settlement «Polyanka» in graphic reconstruction.

The article considers the methodology of graphic reconstruction of the Bosporus rural settlement «Polyanka» of the 1st century BC. The systematization of information sources for work on the project three-dimensional (3D) model of the ancient monument is given. The main problems in its development are also briefly considered. Proposals are made on promising areas of development in the form of an information layer of reliability and the transition to an information model. Recommendations are given for further improvement of the visual component.

Keywords: Bosporus, rural settlement «Polyanka», graphic reconstruction.

УДК 94(470-321.9)

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-59-68

ВТОРОЙ ЗАЙМ 1928 ГОДА НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ В КРЫМСКОЙ АССР ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Королёва Л. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: koroleva.klarisa@list.ru*

На основании сравнительного анализа источников – архивных документов и материалов периодической печати – впервые в историографии проанализированы обстоятельства, ход, особенности и итоги Второго займа на индустриализацию в Крымской АССР в 1928 г. Важные факторы, повлиявший на общие итоги займа: опыт Первого займа индустриализации 1927 г., обоснованность расчета контрольных цифр для Крымской республики, исходя из наличия здесь реальных трудовых ресурсов и региональных особенностей. Общие итоги Второго займа индустриализации в Крымской АССР составили более 100% от запланированных для республики цифр. Около 90% от общей цифры займа составила коллективная подписка. Особенностью Второго займа индустриализации стала несколько возросшая удельная доля размещения облигаций среди городского населения неорганизованного в профсоюзы, что было связано с государственной политикой ограничения сферы частного капитала. Неудовлетворительными остались итоги размещения займа на селе, среди крестьянства.

Ключевые слова: индустриализация; Второй внутренний государственный заём индустриализации 1928 год; Крымская АССР; наркомат финансов; облигации; сберегательное дело.

Проблема индустриализации занимает одно из центральных мест в советской довоенной истории. Однако финансовой стороне вопроса в отечественной историографии уделено недостаточно внимания. Данное обстоятельство также связано с тем, что документы фонда Наркомата финансов (далее по тексту – НКФ) длительное время были засекречены. В введении этого учреждения находились вопросы, связанные с размещением внутренних государственных займов в советском государстве. Теоретическое освещение темы представлено в трудах видных экономистов советского периода Ю. П. Бокарева, Г. Я. Сокольникова, В. Н. Твердохлебова [1; 26; 27]. На современном этапе получили известность публикации В. Ю. Катасонова С. М. Пинаева, посвященные общим вопросам финансирования индустриализации в СССР [4; 24]. В трудах О. Е. Феофанова, В. В. Страхова данные вопросы рассматриваются на уровне отдельных регионов Советской России [28; 25]. Особенности проведения финансовых акций советского власти в Крымской АССР, и, в частности, Первого займа индустриализации в 1927 г. рассмотрены в статьях автора данной работы [5; 6].

В настоящем исследовании задействованы две группы источников: архивные материалы и периодическая печать. Газеты раскрывают нам общий ход кампании, хронологию, интересные детали, характеризуют агитационную работу, отображают

общий фон событий на полуострове. Основные материалы о ходе кампании займа индустриализации в 1928 г. были размещены на страницах газеты «Красный Крым» – центрального печатного органа Крымской республики. Архивные источники, в частности документы из фонда НКФ Крымской АССР, отображают информацию о внутренней, скрытой стороне процесса, это инструкции, особые указания центра, отчеты о проведении кампании, итоговые цифры. Материалы статьи будут полезными для составления общей картины проведения Второго займа индустриализации в 1928 г., в регионах Советской России.

Государственные внутренние займы были одним из важнейших источников финансирования масштабных преобразований советской экономики в межвоенный период. Среди них наиболее известный: «Заём индустриализации». Всего советским правительством во второй половине 1920-х гг. были выпущены три специальных займа на индустриализацию. В 1927 г. – Первый заём, в 1928 и 1929 гг. соответственно Второй и Третий займы [24].

Заём 1928 г. был внесен в Книгу государственных займов Союза СССР под названием «II Государственный внутренний выигрышный заём индустриализации народного хозяйства Союза ССР». Сумма, вырученная от реализации займа, обращалась на индустриализацию народного хозяйства Союза ССР. 10% от всей реализованной по заёму суммы планировалось отчислять в местные бюджеты регионов на хозяйственные и культурные нужды. Заём выпускался на сумму в 500 млн. руб. – двумя выпусками по 250 млн. руб. каждый. Один выпуск займа – процентно-выигрышный, доход по облигациям этого выпуска выплачивался частью в виде 6% годовых, частью в виде выигрышей. Вторая часть займа, беспроцентно-выигрышная, где весь доход выплачивался в виде выигрышей [2, л. 62, 63]. Заём выпускался в облигациях достоинством в 25 руб. каждая, часть облигаций займа выпускалась с подразделением каждой облигации на 5 равных частей, нарицательной стоимостью в 5 руб. каждая. Отдельные части этой облигации нумеровались одним номером, обращались самостоятельно и давали право на 1/5 часть выпавшего на данную облигацию выигрыша, а по процентно-выигрышному выпуску и на 1/5 часть процентного дохода. Заём выпускался сроком на 10 лет: с 1 сентября 1928 г., по 1 сентября 1938 г. Выпуск займа производился по нарицательной цене в пределах официальных сроков кампании [2, л. 62, 63].

Отличие Второго займа было не только в размере эмиссионной суммы, но и в том, что он был рассчитан на все секторы рынка сбережений. Облигации займа, доходы от них, в том числе выигрыши, а также сделки с облигациями освобождались от общегосударственных и местных налогов и сборов, так же могли быть свободно продаваемы и закладываемы, могли приниматься в залог по государственным подрядам и поставкам, а также в обеспечение уплаты рассрочиваемых акцизов и таможенных пошлин по курсу, установленному Наркомфин СССР [2, л. 64, 65]. Реализацию облигаций среди рабочих и служащих предполагалось производить в порядке коллективной подписки с 6-8 месячной рассрочкой платежей. Среди неорганизованной части населения реализацию облигаций предполагалось произвести за наличный расчет с рассрочкой платежей

на 4 месяца – в порядке коллективной подписки через жилтоварищества и жилищно-кооперативы. Что касается деревни, то здесь планировалось размещать заём за наличный расчёт и с 4-месячной рассрочкой [2, л. 60].

Второй заём был рассчитан на три основные группы населения: на рабочих и служащих, организованных в профсоюзы; на неорганизованное в профсоюзы трудовое население (сезонники, кустари, ремесленники, лица свободных профессий, домашние хозяйки; нетрудовые элементы); на сельское население. Контрольные цифры займа рассчитывались по этим социальным группам. Для РСФСР, расчёт учитывал следующие обстоятельства: коллективная подписка по Первому займу индустриализации 1927/1928 гг. по РСФСР составила 81 млн. руб., при охвате до 60% организованного в профсоюзы трудового населения, и при среднем размере подписки на одного человека до 30% месячной зарплаты. В предстоящем году государство рассчитывало на охват коллективной подпиской не менее 80% членов профсоюзов при повышении среднего размера подписки до 50% месячной зарплаты. С учётом этих данных, планировалось реализовать в РСФСР новый заём по коллективной подписке – на 170 млн. руб., среди неорганизованного в профсоюзы городского населения – до 75 млн. руб., среди крестьянства – до 35–55 млн. руб. [2, л. 58, 59].

Наркомфин РСФСР запрашивал регионы до первого августа предоставить сведения обо всех предприятиях, производственных кустарно-промышленных объединениях, цифры наличного состава рабочих, служащих и кустарей и данные о зарплате на июль, так же, просил определить сумму, возможную разместить в регионе по категориям: рабочие, служащие, крестьяне и кустари [2, л. 56].

Наркомфин Крыма для центра определил возможности республики в 1 млн. 850 тыс. руб. Эта сумма распределялась по группам. На коллективную подписку среди рабочих и служащих приходилась сумма в 1 млн. 400 тыс. руб., среди индивидуальных подписчиков, жителей города – не более 250 тыс. руб., а среди крестьян – максимум 200 тыс. руб. При определении контрольной цифры, НКФ Крыма исходил из нижеследующих цифр. Общий фонд зарплаты в республике по данным органов Соцстраха на 1.05.1928 г. был равен 4 714 000 руб. По плановым предположениям на 1.10.1928 г. общий фонд зарплаты должен был составить 5 156 000 руб. Таким образом, планировалось, что в заём может быть вовлечено, при самых больших усилиях не более 60% служащих и рабочих с общим фондом зарплаты в 2 800 000 руб. [2, л. 56].

Наркомфин РСФСР утвердил для республики другие цифры. Общая сумма была увеличена на 78%. НКФ республики распределил общие цифры по районам полуострова. В связи с корректировкой центра, они выросли пропорционально. Итоговая таблица из отчетных документов НКФ Крыма, приведенная ниже, показывает эти пропорции [3, л. 64].

**ВТОРОЙ ЗАЙМ 1928 ГОДА НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ
В КРЫМСКОЙ АССР ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ**

Районы Крымской АССР	По коллективной подписке	По сельской местности	Среди неорганизованного населения	Всего
Бахчисарайский	42 000	27 000	20 000	89 000
Джанкойский	75 000	60 000	35 000	170 000
Керченский	290 000	35 000	145 000	470 000
Евпаторийский	110 000	65 000	95 000	270 000
Карасубазарский	35 000	25 000	18 000	78 000
Симферопольский	500 000	65 000	435 000	1 000 000
Севастопольский	430 000	20 000	205 000	655 000
Судакский	18 000	13 000	3 000	34 000
Феодосийский	100 000	60 000	50 000	210 000
Ялтинский	200 000	30 000	94 000	324 000
Всего	1 800 000	400 000	1 100 000	3 300 000

Наркомфин РСФСР в своих директивах для регионов подчеркивал, что «деление контрольных цифр на категории подписчиков – не является чем-то неизбежным. Реализация на местах должна протекать в соответствии с местными условиями. Невыполнение контрольной цифры по одной категории подписчиков, может и должно покрываться за счет перевыполнения по другой категории» [2, л. 67]. Такой принцип практиковался при размещении Первого займа на индустриализацию в 1927 году не только в Крымской АССР, но и в других регионах СССР, когда недостачу перекрывала коллективная подписка, которая проходила дважды [5, с. 62]. Центр информировал, что контрольные цифры Второго займа индустриализации регионам даны из расчета реализации 400 млн. руб. по Союзу, 100 млн. руб. в качестве резерва. Наркомфин РСФСР, рекомендовал использовать благоприятное положение, чтобы контрольная цифра, не только была выполнена, но и значительно перекрыта [2, л. 67].

Для дела организации предстоящего займа в Крыму была создана Центральная комиссия при КрымЦИКе в составе представителей организаций: ОК ВКП/б, КрымЦИК, НКФ, КСПС, газеты «Красный Крым». Аналогичные комиссии были созданы при районных исполкомах и на предприятиях и учреждениях. Центральными органами на места были высланы директивы, где указывалось, что кампанию по реализации займа среди рабочих и служащих, объединенных в профсоюзы, необходимо провести под лозунгом: «Подписка на месячный оклад», а среди крестьянства и неорганизованного населения – под лозунгом: «Каждый должен иметь облигацию займа» [3, л. 264].

Коллективная подписка на Второй заём индустриализации по стране в целом и в Крыму началась в августе 1928 г., задолго до объявления официальных сроков, которые охватывали период с 1 сентября по 1 ноября 1928 г. [2, л. 54, 67]. Кампания развернулась стихийно, шла самотеком, оживленно, охватив всех организованных в

профсоюзы трудящихся городов. Финансовые органы порой не поспевали за быстрым ходом подписки [20].

В подтверждение высоких темпов подписки, приведем цифры по Советскому Союзу на 1 сентября. В Ростовском крае к 1 сентября было собрано 7 млн. руб., Ленинградская область дала 17 млн. 763 тыс. руб., что составило 78% задания, Ярославская область дала 2 млн. 650 тыс. руб. [7]. На 1 сентября по РСФСР было собрано свыше 125 млн. руб., по Украине свыше 30 млн. руб. [9]. 15 сентября Центральная комиссия содействия реализации Второго займа индустриализации в президиуме ЦИК СССР докладывала, что «на 1 сентября в целом по стране реализовано займа на 230 миллионов рублей. Подавляющую часть дала коллективная подписка среди рабочих и служащих. Охват рабочих и служащих пока – 60%. Слабо идут неорганизованное население и крестьяне» [13]. Рекорды по стране била Ленинградская область, где уже в первой половине сентября задание было превышено. Коллективная подписка здесь составила 23 млн. 227 тыс. руб., или – 100,9% от задания. Отмечалось, что в виду исключительного успеха займа в Ленинграде, Комиссия содействия реализации займа внесла в президиум областного исполкома предложение об увеличении контрольной цифры задания для области до 30 млн. руб., т.е. на 7 млн. руб. больше плана [12].

В Крымской АССР предварительная подписка дала на 1 сентября 1 122 195 руб. И это была подписка только среди рабочих, служащих и кустарей в городе. Лидировал по Крыму Феодосийский р-н, здесь подписка среди рабочих и служащих в городе и сельской местности составила 124 200 руб., при контрольной цифре в 100 000 руб. На втором месте находился Симферопольский р-н, где предварительная подписка дала 419 200 руб., при контрольной цифре в 500 000 руб. Ялтинский р-н сдал 120 000 руб. – что составило большую половину от плана. Остальные районы собрали суммы, соответствующие около 50% контрольной цифры. На начальном этапе отставал Севастопольский р-н, здесь было собрано 175 000 руб., при контрольной цифре 430 000 руб., что составило 41% контрольной цифры. Предварительный расчет цифр показал, что по Крыму на начало сентября предприятия Симферополя заняли первое место среди профсоюзных коллективов, сдавших наибольший процент от месячного заработка. Наибольшую цифру показало в Симферополе предприятие «Совторгслужащие», здесь подписка превысила 69% месячного заработка [8].

Отметим, что в сентябрьских и октябрьских номерах за 1928 г. центральной и региональной прессы советского государства все чаще попадаются заголовки газетных статей типа: «На что идут сбережения трудящихся». В этих материалах даются подробные разъяснения по планам государства о главных стройках индустриализации в регионах [10].

В крымской прессе, среди первых, появляется статья: «Единственный в Европейской части Советского Союза Чокур-Кояшский серный рудник», где отмечалось, что «1 200 000 рублей будет стоить оборудование, находящегося в Керченском р-не рудника с обогатительной фабрикой и серопергонным заводом. 75 000 тонн серной руды будет добываться в год на руднике, 5 000 тонн будет

выпускать фабрика. На рудник уже затрачено 400 000 рублей, и уже сейчас здесь работает 150 человек. Добьёмся еще пуска десятка шахт и рудников, все подпишемся на заём» [10]. К этому же ряду относится статья под названием: «Новая Керченская консервная фабрика. Знаете ли вы, сколько стоит эта фабрика – 150 миллионов рублей», где указывалось, что «Крым обогатился предприятием, оборудованным по последнему слову техники. Производительность ее составила 6 миллионов консервов в год, при работе в одну смену, занято 350 рабочих. Механизация позволит и дальше улучшать производительность. К октябрю на фабрику прибдет долгожданное американское оборудование: 6 стальных бадей для варки томатов, скольдер – аппарат для варки томатов, «финишер» – машины для томатного отделения. Индустриализация требует колоссальных средств. Все подпишемся на заём!» [12].

Помимо этого, газеты так же напоминали о 10% от собранной суммы, которые уйдут в регионы. Статья «Второй заём индустриализации и местные нужды» разъясняла, что «10% отчислений по займу должны идти на коммунальное строительство, капитальные вложения в местную промышленность и с/х, на школьное и больничное строительство, в местный транспорт и дороги. Эти отчисления поступают в бюджет местных советов в соответствии с реализованной в данном регионе суммой» [16]. Таким образом, стимулировался рост инициативы на местах в отношении культурного и экономического строительства.

Кампания набирала обороты. Страна собрала основные суммы займа в сентябре. На 10 сентября подписка на Второй заём индустриализации дала по СССР – 255 млн. руб., по РСФСР – 151 млн. руб., что составило большую половину плана [14].

Среди республик, помимо РСФСР, советская пресса отмечала большой успех в Белоруссии – 125%. Подписка на Украине составила 50 млн. руб. – всего 63% [15]. По сведениям Наркомфин СССР заём реализован в Москве на сумму 68 млн. руб., в губернии не более чем на 20 млн. руб. Общая сумма по всему Закавказью превысила контрольные показатели: вместо 10 млн. руб. – 16.. Сильно отстает подписка среди крестьян во всех регионах [22].

Крымская республика от страны не отставала. Газета «Красный Крым» отмечала: «1 октября истек месяц со дня начала официальной подписки. На это число подписка составила 2 824 000 рублей, что составило 85,6% контрольной цифры. Единоличная подписка дала на 1 октября 59 000 рублей. Подписка в сельской местности составила 47 000 рублей. – 17% от плановой цифры для крестьян (большая часть подписавшихся, в сельской местности – это учителя, служащие и работники колхозов, отнюдь не крестьяне)» [17].

20–21 октября советская центральная и региональная пресса докладывала об успехах займа в целом по Советскому Союзу: «на заседании Центральной комиссии содействия реализации Второго займа индустриализации при президиуме ЦИК СССР было сообщено, что задание о размещении Второго займа индустриализации на 400 000 000 рублей выполнено с превышением и составило 401 852 000 рублей В виду поздних сроков уборки урожая, комиссия считает правильным постановление

Наркомфин СССР продлить срок реализации займа в деревне до 1 декабря 1928 года и призывает усилить работу среди крестьян» [19].

В октябре 1928 г. темп кампании в Крыму не сбавлялся. Промежуточная цифра на 8 октября составила 3 164 000 руб. Из этой суммы коллективная подписка составила 3 095 000 руб., единоличная – 69 000 руб. Подписка в сельской местности дала 57 500 руб., – менее 15% от контрольной цифры для крестьян [18]. А уже из доклада Крымского правительства в Совнарком РСФСР в первой половине ноября, становится ясным, что план республика выполнила. Подписка на заём в Крыму на 1 ноября дала 3 588 000 руб., включая подписку в войсках, на флоте и среди транспортников. Контрольная цифра была выполнена в срок и на 108%. Четыре р-на – с превышением контрольной цифры: Севастопольский – 923 000 руб. (140%), Ялтинский – 377 000 руб. (116%), Феодосийский – 240 000 руб. (114%), Симферопольский – 1 023 000 руб. (102%). Из общей суммы, коллективная подписка составила 434 000 руб., единоличная – 154 000 руб., подписка в сельской местности на 1 ноября – 201 000 руб. (половина от контрольной цифры среди крестьян). Правительство Крыма подчеркивало в отношении деревни, что хоть сбор здесь и продлен до 1 декабря, но не внесёт больших изменений в общие цифры [23]. Неудачи займа в сельской местности были характерны, не только для Крымской республики, но и для всей страны в целом, за редким исключением. Для решения данной проблемы, среди прочих мер, советское правительство распространило в 20-ых числах октября, в центральной и региональной прессе Открытое письмо Председателя ЦИК СССР тов. Калинина, и Председателя Совнаркома СССР тов. Рыкова, которое адресовалось непосредственно к председателям сельсоветов страны. В письме указывалось, что «заём является единым рабоче-крестьянским займом, т.е. рассчитан на размещение не только в городе, но и в деревне. Меж тем, заём в деревне не получил широкого размаха. Объясняется это тем, что крестьянство до последнего момента было занято на полевых работах. Организации в деревне не смогли, поэтому, приступить к сбору. Но в настоящее время полевые работы закончены. Крестьянство должно принять широкое участие в едином рабоче-крестьянском займе. В ходе кампании добиться, что бы не было ни одного крестьянского двора, где бы не знали о выгодах и значении займа» [20].

Республиканская пресса вторила центральной: «в Крымской деревне заём не получил широкого распространения. Крестьяне в текущем году были заняты позднее обычного полевыми работами и уборкой урожая. Кроме этого, размах кампании в городе потребовал большого напряжения сил, которое невозможно было уделить одновременно и городу, и деревне, неправильные методы размещения займа крестьянского хозяйства. Сейчас полевые работы окончены. Ноябрь – решающий месяц для деревни» [21]. Ситуация повторилась, как и в случае с Первым займом, когда крестьянство достаточно инертно отнеслось к финансовым проектам Советского государства [5, с. 64].

Таким образом, кампания по Второму займу индустриализации началась в Крымской АССР в августе 1928 г., как и в целом по стране, задолго до официальных

чисел, которые охватывали период с 1 сентября, по 1 ноября 1928 г. Сумма планового сбора для страны составила 500 млн. руб. и делилась на основную, в 400 млн. руб. и резервную, в 100 млн. руб. Для Крыма, плановая цифра составила 3 300 000 руб. (без учета транспортников, армии и флота). По итогам кампании, общая сумма подписки на заём в республике на 1 ноября составила 3 588 000 руб. (с учетом транспортников, армии и флота) – 108% от задания. План был сделан в срок с перевыполнением. Из всей суммы подписки в республике, коллективная составила 3 434 000 руб., единоличная – 154 000 руб., в сельской местности на 1 ноября было собрано 201 000 руб., что составило половину от плана среди крестьян. Из-за низких результатов, заём в сельской местности был продлен до декабря 1928 г., но не внес существенных изменений в общие цифры сбора, как по стране в целом, так и в республике. В целом в стране и в республике заём на 90% был покрыт коллективной подпиской. Особенностью Второго займа индустриализации стала возросшая удельная доля размещения облигаций среди городского населения неорганизованного в профсоюзы, что было связано с политикой сворачивания НЭПа. Советская страна двигалась по направлению укрепления своей экономической независимости и обороноспособности. Крымская республика принимала в этом живейшее участие.

Список использованных источников и литературы

1. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в 20-е годы. – М.: Наука, 1990. – 427 с.
Bokarev Ju.P. Socialisticheskaja promyshlennost' i melkoe krest'janskoe hozjajstvo v 20-e gody. – М.: Nauka, 1990. – 427 s.
2. ГАРК. (Государственный архив Республики Крым). – Ф. Р-149. – Оп. 3. – Д. 137.
GARK. (Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym). – F. R-149. – Op. 3. – D. 137.
3. ГАРК. – Ф. Р-149. – Оп. 3. – Д. 129.
GARK. – F. R-149. – Op. 3. – D. 129.
4. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / Ин-т русской цивилизации; отв. ред. О. А. Платонов. – М., 2014. – 416 с.
Katasonov V. Ju. Jekonomika Stalina / otv. red. O. A. Platonov. – Moskva: Institut russkoj civilizacii, 2014. – 416 s.
5. Королёва Л. И. Заём индустриализации в Крымской АССР в 1927 году по документальным материалам // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2022. – № 2. – С. 55–64.
Koroleva L. I. Zajom industrializacii v Krymskoj ASSR v 1927 godu po dokumental'nym materialam // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2022. – № 2. – S. 55–64
6. Королёва Л. И. Экспонат из фондов Центрального музея Тавриды, характеризующий внутреннюю финансовую политику Советской России в 1920-е гг. // XIX Таврические научные чтения: сб. матер. Всероссийской научно-практической конференции (27–30 мая 2019 г., Симферополь – Алушта) / гл. ред. Е.Б. Вишневецкая. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – С. 133–141.
Koroleva L. I. Jeksponat iz fondov Central'nogo muzeja Tavridy, harakterizujushhij vnutrennjuju finansovuju politiku Sovetskoj Rossii v 1920-e gg. // XIX Tavricheskie nauchnye chtenija: sb. mater. Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (27–30 maja 2019 g., Simferopol' – Alushta) / gl. red. E. B. Vishnevskaja. – Simferopol': IT «Ariial», 2019. – S. 133–141.
7. По СССР. Заём индустриализации // Красный Крым. – 1928. – 5 сентября. – С. 4.
Po SSSR. Zajom industrializacii // Krasnyj Krym. – 1928. – 5 sentjabrja. – S. 4.

8. Свыше миллиона дала подписка по Крыму // Красный Крым. – 1928. – 5 сентября. – С. 4.
Svyshe milliona dala podpiska po Krymu // Krasnyj Krym. – 1928. – 5 sentjabrja. – S. 4.
9. По Советскому Союзу // Красный Крым. – 1928. – 7 сентября. – С. 1.
Po Sovetskому Sojuzu // Krasnyj Krym. – 1928. – 7 sentjabrja. – S. 1.
10. На что идут сбережения трудящихся. Единственный в европейской части Советского Союза Чокур-Кояшский серный рудник // Красный Крым. – 1928. – 9 сентября. – С. 2.
Na chto idut sberezhenija trudjashhihsja. Edinstvennyj v evropejskoj chasti Sovetskogo Sojuza Chokur-Kojashskij sernyj rudnik // Krasnyj Krym. – 1928. – 9 sentjabrja. – S. 2.
11. Ленинград превысил задание по подписке // Красный Крым. – 1928. – 13 сентября. – С. 2.
Leningrad prevysil zadanie po podpiske // Krasnyj Krym. – 1928. – 13 sentjabrja. – S. 2.
12. Новая Керченская консервная фабрика // Красный Крым. – 1928. – 13 сентября. – С. 1.
Novaja Kerchenskaja konservnaja fabrika // Krasnyj Krym. – 1928. – 13 sentjabrja. – S. 1.
13. Успех Второго займа индустриализации // Красный Крым. – 1928. – 15 сентября. – С. 2.
Uspeh Vtorogo zajma industrializacii // Krasnyj Krym. – 1928. – 15 sentjabrja. – S. 2.
14. Больше половины Второго займа уже покрыты // Красный Крым. – 1928. – 16 сентября. – С. 2.
Bol'she poloviny Vtorogo zajma uzhe pokryty // Krasnyj Krym. – 1928. – 16 sentjabrja. – S. 2.
15. Второй заём индустриализации. Подписка по СССР // Красный Крым. – 1928. – 25 сентября. – С. 3.
Vtoroj zajom industrializacii. Podpiska po SSSR // Krasnyj Krym. – 1928. – 25 sentjabrja. – S. 3.
16. Второй заём индустриализации и местные нужды // Красный Крым. – 1928. – 6 октября. – С. 2.
Vtoroj zajom industrializacii i mestnye nuzhdy // Krasnyj Krym. – 1928. – 6 oktjabrja. – S. 2.
17. 2.824 тысяч рублей дал Крым на индустриализацию страны // Красный Крым. – 1928. – 11 октября. – С. 3.
2.824 tysjach rubej dal Krym na industrializaciju strany // Krasnyj Krym. – 1928. – 11 oktjabrja. – S. 3.
18. На 8 октября подписка дала по Крыму 3.164 тысяч рублей // Красный Крым. – 1928. – 16 октября. – С. 2.
Na 8 oktjabrja podpiska dala po Krymu 3.164 tysjach rubej // Krasnyj Krym. – 1928. – 16 oktjabrja. – S. 2.
19. Второй заём индустриализации уже реализован на 401 852 000 рублей // Красный Крым. – 1928. – 21 октября. – С. 3.
Vtoroj zajom industrializacii uzhe realizovan na 401 852 000 rubej // Krasnyj Krym. – 1928. – 21 oktjabrja. – S. 3.
20. Открытое письмо т.т. Калинина и Рыкова: Усилить размещение 2 займа индустриализации в деревне // Красный Крым. – 1928. – 23 октября. – С. 1.
Otkrytoe pis'mo t.t. Kalinina i Rykova: Usilit' razmeshhenie 2 zajma industrializacii v derevne // Krasnyj Krym. – 1928. – 23 oktjabrja. – S. 1.
21. На 20 октября реализовано 402 700 000 рублей, что составило 101,2% плана. Продлить срок займа в деревне до 1 декабря. // Красный Крым. – 1928. – 25 октября. – С. 2.
Na 20 oktjabrja realizovano 402 700 000 rubej, chto sostavilo 101,2% plana. Prodlit' srok zajma v derevne do 1 dekabrja. // Krasnyj Krym. – 1928. – 25 oktjabrja. – S. 2.
22. Подписка на заём индустриализации // Красный Крым. – 1928. – 6 ноября. – С. 4.
Podpiska na zajom industrializacii // Krasnyj Krym. – 1928. – 6 nojabrja. – S. 4.
23. Подписка на заём дала в Крыму 3.588 тысяч рублей. Контрольная цифра выполнена на 100% // Красный Крым. – 1928. – 13 ноября. – С. 2.
Podpiska na zajom dala v Krymu 3.588 tysjach rubej. Kontrol'naja cifra vpolnena na 100 % // Krasnyj Krym. – 1928. – 13 nojabrja. – S. 2.
24. Пинаев С. М. «Займы индустриализации» конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: «Гуманитарные науки. история и политология». – 2011. – № 8(100). – С. 290–295.
Pinaev S. M. «Zajmy industrializacii» konca 1920-h gg. i osobennosti ih realizacii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 8 (100). – S. 290–295.

**ВТОРОЙ ЗАЙМ 1928 ГОДА НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ
В КРЫМСКОЙ АССР ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ**

---

25. Страхов В. В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х — 1930-е гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2008. – № 2(19). – С. 59–79.

Strahov V. V. Vnutrennie gosudarstvennye zajmy v SSSR konca 1920-h – 1930-e gg. // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. – 2008. – № 2(19). – S. 59–79.

26. Сокольников Г. Я. Государственный кредит в Советской России. – М.: Фин.-экон. бюро; Ред.-изд. отд. НКФ, 1923. – 18 с.

Sokol'nikov G. Ja. Gosudarstvennyj kredit v Sovetskoj Rossii. – Moskva: Fin.-jekon. bjuro; Red.-izd. otd. NKF, 1923. – 18 s.

27. Твердохлебов В.Н. Местные финансы: избр. ст. / Ин-т российской истории РАН, Российский госархив социально-политической истории. – М., 2012. – 542 с.

Tverdohlebov V. N. Mestnye finansy: izbr. st. / In-t rossijskoj istorii RAN, Rossijskij gosarhiv social'no-politicheskoj istorii. – M., 2012. – 542 s.

28. Феофанов О. Е. Первые займы индустриализации как источник накопления капитала (по материалам Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2. – С. 249–251.

Feofanov O. E. Pervye zajmy industrializacii kak istochnik nakoplenija kapitala (po materialam Jaroslavskoj gubernii) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2009. – № 2. – S. 249–251.

Koroleva L. I. The second loan of industrialization in the Crimean ASSR in 1928 based on documentary materials

Based on a comparative analysis of sources: archival documents and press materials, the circumstances, course, features and results of the Second Loan of industrialization in the Crimean ASSR in 1928 were analyzed for the first time. Important factors that influenced the overall results of the loan: the experience of the First loan of industrialization in 1927, the validity of calculating the control figures for the Crimean SSR, based on the presence of real labor resources and regional characteristics here. The total results of the Second Industrialization Loan in the Crimean ASSR amounted to more than 100% of the figures planned for the republic. About 90% of the total loan figure was a collective subscription. A feature of the Second Industrialization Loan was a slightly increased share of bond placement among the urban population unorganized in trade unions, which was due to the state policy of limiting the sphere of private capital. The results of the loan placement in the countryside, among the peasantry, became unsatisfactory.

Keywords: industrialization; The Second internal state loan of industrialization in 1928; Crimean ASSR; People's Commissariat of Finance; bonds; savings business.

УДК 94/87

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-69-80

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ХОСЕ АНТОНИО ПАЭСА: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ ПАЭСА С СИМОНОМ БОЛИВАРОМ

Лосев К. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (ГУАП)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: secretariat@hf-guap.ru.*

Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (ГУАП)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru.*

В статье исследуются события 1828–1830 гг. в Латинской Америке. В 1828 году генерал Хосе Антонио Паэс участвовал в подавлении восстания против Боливара адмирала Падильи и Сантандера, которые вели борьбу за отделение Новой Гранады от Венесуэлы, но в Венесуэле также усилились сепаратистские тенденции в рядах экономической элиты большинства департаментов, заставившие Боливара принять на себя чрезвычайные, по сути, диктаторские полномочия ради сохранения политического единства освобожденных территорий Латинской Америки. Идеи Боливара создать общую конфедерацию всех бывших испанских колоний в Южной Америке не получили поддержки традиционалистов, в числе которых оказался и Паэс. После разгрома восстания Падильи и отстранения Сантандера от власти, Боливар подвергся нападкам прессы и политическим обвинениям в установлении диктатуры, как в Новой Гранаде, так и в Венесуэле. Представители венесуэльской элиты обратились к Паэсу с просьбой возглавить движение за отделение Венесуэлы и создание независимого государства. В 1830 году Национальное собрание, воспользовавшись, в том числе, либеральным законодательством федерации и личными указами, изданными Боливаром, объявили независимость Венесуэлы с президентом Паэсом во главе.

Ключевые слова: история Венесуэлы, борьба за независимость Латинской Америки, республика Великая Колумбия, Симон Боливар, Хосе Антонио Паэс, Франциско де Паула Сантандер.

С именем Хосе Антонио Паэса связана вся история становления Венесуэлы как независимого государства. Противоречивость социальной реальности в ходе антииспанского движения и последующего развития Латинской Америки проявилась в биографии Паэса в полной мере. Выходец из беднейших слоев, он принял самое активное участие в борьбе за независимость Латинской Америки от испанской короны. Проявив военные таланты в условиях, сперва партизанской войны – герильи, затем – в республиканской армии Боливара, Паэс выдвинулся в ряду самых успешных генералов в армии Боливара. Он сумел сплотить отряды льянеро в боеспособные воинские формирования, он умело выдвигал на командные

посты достойных солдат, невзирая на их происхождение и цвет кожи, он сумел завоевать любовь народа в условиях кровавых и разрушительных событий, поскольку, совершая необходимые для существования армии насильственные действия, редко проявлял жестокость, как лично, так и не давая насилию стать привычкой в войске.

В политической элите Венесуэлы в период ее вхождения в государство Великая Колумбия так и не возникло единства мнений относительно формы государственного устройства: часть традиционалистов – испанские аристократы, духовенство, значительная часть военных – склонялись к наследственной власти одного человека. Республиканцы и реформаторы, близкие к Боливару, принимали положения новой боливарианской конституции Андской республики. Законники и местные интеллектуалы, федералисты, желали независимого федеративного устройства государства. Отдельно следует отметить массовые низовые движения, также выдвигавшие свои политические требования: продолжения революционных социальных преобразований, доступ к власти для цветных, и даже требующие «изгнать белых».

После организации С. Боливаром административного управления Великой Колумбии, среди региональных лидеров федерации, за которыми стояли местные землевладельческие и торговые элиты, начались разногласия, в основном, из-за противоречий между личными интересами и попытками государственной централизации власти. Основная борьба развернулась между назначенным вице-президентом Великой Колумбии Ф. Сантандером и военным лидером Венесуэлы Х.А. Паэсом. Это привело Паэса к просьбе, направленной Боливару, принять на себя, как лидера нации и всего освободительного движения, всю полноту власти в Великой Колумбии.

Боливар, прибывший в Великую Колумбию в разгар войны в андских республиках для прекращения вражды Сантандера и Паэса, отказался от предложенного ему Паэсом диктаторства, однако, он не стал применять силу по отношению к Паэсу, на чем настаивал Сантандер, обвиняя Паэса в неподчинении центральной власти. Сохранение за Паэсом власти в Венесуэле, основанной на военном авторитете и военной силе, привело к открытому противостоянию Сантандера и Боливара и организации сепаратистского движения в Новой Гранаде.

Боливар понимал, что в такой ситуации только сильная центральная власть спасет единство освобожденной Латинской Америки, для создания которой он прибыл в июле в Боготу, чтобы поддержать своих приверженцев и противодействовать сепаратизму сантандеристских конституционалистов. Генерал Урданетта, имевший контроль над армией, поддержал Освободителя, а военный лидер Великой Колумбии генерал Франциско де Паула Сантандер описал прибытие Боливара в столицу Великой Колумбии как марш армии, готовой покарать правительство и конституционалистов и принести их в жертву амбициям одного человека [8, p. 229].

10 сентября на заседании конгресса Боливар был призван возглавить национальную ассамблею и торжественно вступил в должность. Встретившись в

Доме правительства с Сантандером, Боливар демонстративно не подал ему руку. Сантандер, намекая на прощение Боливаром Паэса, попросил Боливара относиться к нему «с таким же великодушием, с каким он относился к своим врагам и врагам родины» [2].

При всех личных разногласиях лидеров, конгресс постановил, что 2 марта 1828 года в Оканье будет созван Великий Национальный конвент, который должен решить вопросы будущего Великой Колумбии и ее новой конституции [9, с. 394–395]. В период выборов делегатов Боливар намеренно отстранился от всяких шагов по превращению своей популярности в политический капитал, в то время как Сантандер с помощью лояльной либеральной прессы развернул пропагандистскую кампанию, хотя и не решаясь открыто обвинять в чем-либо Боливара. Пропаганда велась против «военной диктатуры», под которой подразумевался союз Боливар и Паэса [8, р. 233].

В начале 1828 года в Венесуэле началось новое восстание. Адмирал Хосе Пруденсио Падилья, участник Трафальгарской битвы, ветеран войны с Испанией и комендант Картахены [8, р. 334], поднял на борьбу против «тирании Боливара» низы города и побережья. Организовав некоторые сухопутные и морские силы, 2 марта он объявил о начале всеобщей войны за утраченную свободу и направил часть своих офицеров в Оканью, рассчитывая на поддержку Сантандера. Сохранивший верность Боливару генерал Мариано Монтилья, главнокомандующий департамента Магдалена, приказал вывести все вооруженные силы из Картахены и мобилизовать их на борьбу с Падильей.

Восстановив порядок в Картахене, Монтилья прибыл в Оканью и арестовал адмирала, отправив его в Боготу дожидаться суда [15, р. 714]. При этом, некоторые сторонники Боливара предлагали ограничиться менее суровыми мерами, чтобы, во-первых, не делать из популярного в народе Падильи жертву, и, во-вторых, не дать возможности сантандеристам сравнивать судьбу Падильи и Паэса в невыгодном для Боливара свете [11, с. 191].

9 апреля 1828 года Конвент начал свою работу. «Боливар сосредоточил вооруженные силы поблизости от этого места, в селении Букараманге, куда сам перебрался со своим штабом. Освободитель надеялся, что его присутствие в Букараманге воздействует на депутатов и заставит их пойти на уступки. Созная, что учредительное собрание, в котором преобладали сторонники Сантандера, даже под угрозой применения силы не одобрит боливарианской конституции, Освободитель в своем послании депутатам не настаивал на пожизненном президентстве, но советовал наделить президента всеми атрибутами исполнительной власти и установить централистскую форму правления» [2]. Однако эти предложения делегаты отвергли, проголосовав под давлением сантандеристов за сохранение старой конституции, из которой к тому же исключалась 128 статья, дающая президенту право на неограниченную власть в период кризисов, также выдвигались требования превращения департаментов Колумбии в автономии, а также амнистии Падильи. В этих условиях сторонники

Боливара покинули собрание, чтобы оно лишилось необходимого кворума. Национальный конвент, таким образом, был по сути, саботирован.

Перед лицом двух основных угроз боливарианским идеалам: хаосом народной «пардократии» и хаосом сепаратизма, сторонники Освободителя в Боготе создали 13 июня 1828 года собрание, на котором обратились к Боливару с призывом принять на себя высшее руководство с абсолютной властью. Главную роль в «перевороте» играл генерал Урданетта и большинство местных интендантов, как в Колумбии так и в Венесуэле, которые собрали более 300 подписей под письмом, под которым в том числе подписался и Паэс [6, р. 343]. Боливар согласился, и вскоре появился в столице, встреченный ликованием масс, а в тридцати одном городе по всей стране плебесцит признал его «высшим вождем нации». 27 августа высшая власть Боливара «Естественным Декретом» была дополнена абсолютной властью [10, р. 368–369]. Боливар принял и это, заявив, что это вытекает из «права народа сохранять свою свободу от разгула анархии» [8, р. 238]. Этим актом Сантандер был освобожден от должности вице-президента.

Изменилась и риторика Боливара, который от слов о свободе, равенстве и народоправии стал высказывать довольно смелые для своего времени выводы об историческом пути Нового Света, как полном несправедливости, геноцида и попрания главных христианских нравственных ценностей завоевательном походе жестоких личностей. В одной из своих речей он выразил это видение так: «...я убежден до мозга костей, говорил он, что Америкой можно управлять только с помощью умелого деспотизма... Мы, гнусные потомки хищников испанцев, пришли в Америку, чтобы обобрать ее до нитки и плодить потомство в браках со своими жертвами. Позже незаконные отпрыски этих брачных союзов смешались с отпрысками рабов, привезенных из Африки. При таком смешении рас и таком уровне морали можем ли мы позволить себе поставить законы выше руководителей и принципы выше людей?» [2]

Окружение Боливара вполне разделяло этот пессимистический взгляд своего лидера на политические реалии места и времени. Сестра Освободителя, Мария Антония, которой он доверил управление венесуэльскими медными рудниками, требовала ареста Сантандера и его сторонников, развязавших в прессе кампанию дискредитации Боливара, однако, Боливар не желал, чтобы в дополнение к диктаторству, он стал бы обвинен в сведении личных счетов. В свою очередь, политические противники Боливара готовили не просто свержение диктатора, но и его убийство, называя этот акт казнью. Политическое благородство проявил и Сантандер, отвергший план политического убийства «властолюбивого тирана».

Одним из первых постановлений Боливара в качестве диктатора было предложение Сантандеру отправиться послом в Соединенные Штаты. Однако Сантандер медлил с отправлением в Вашингтон [7, р. 326]. 25 сентября «начальник генерального штаба полковник Герра, его помощник венесуэлец майор Карухо, француз Ормэ в очередной раз предложили Сантандеру убить Освободителя. Сантандер снова не одобрил их планов. «Я хочу прийти к власти с чистыми руками», – сказал он. Но его друзья не были столь щепетильными. Они решили

действовать на свой страх и риск» [2]. На следующую ночь, подговорив часть солдат в казармах, заговорщики направились в дом, который квартировал Боливар и его близкие.

Попытка покушения не удалась, Боливар сумел выскочить в окно, его адъютант был убит, подоспевшие на шум и выстрелы солдаты армии Боливара, в оом числе военный министр правительства Освободителя Урданета, убедили часть заговорщиков сложить оружие. 13 офицеров и студентов и вдвое больше сродат были арестованы. Вместе с ними перед судом под председательством Урданеты предстали Сантандер и адмирал Падилья, которых обвинили в связях с заговорщиками. Боливар личным решением заменил Сантандеру, заявившему о своей непричастности к заговору и нападению, смертный приговор на тюремное заключение в Картахену, с последующей высылкой из страны в 1829 г., 8 человек, в том числе Падилья, находившийся во время покушения в тюрьме, были расстреляны на площади Боготы [1, с. 324].

Однако остановить развал Великой Колумбии расправа с заговорщиками не помогла. В Перу возникла оппозиция Боливару, и перуанские войска вторглись на территорию Великой Колумбии. Ближайший сподвижник Боливара и его личный друг – генерал Антонио Хосе де Сукре, которого Боливар назначил президентом Боливии – нанес перуанцам ряд решающих поражений, однако после заключения конвенции в Хироне 28 февраля, предполагающей соблюдение границ, другой бывший соратник Боливара в Перу, герой сражений при Аяччо, генерал Кордоба объявил, что Боливар стал слишком старым и слабым, не способным возглавлять ни гражданскую, ни военную власть, и потребовал предоставить всем частям страны свободу.

Перуанцы захватили Эквадор и снова вторглись на север Колумбии. Здесь Кордоба написал воззвания к Паэсу и Мариньо, предлагая им поддержать смещение Боливара и разделение латиноамериканских стран. Паэс, согласно автобиографии, отказал Кордобе, а когда перуанец прибыл на его земли «привязал его к дереву и пригрозил пристрелить как предателя» [12, р. 352]. При этом, Кордоба был отпущен, и вскоре вступил в связь с колумбийскими противниками Боливара и каудильо, которые поддержали его план разделить освобожденные территории.

Неприглядную роль в антиболиварианской оппозиции сыграл американский консул в Боготе, будущий президент США Генри Гаррисон, которому «не нравились ни идея Андской конфедерации, ни планы освобождения Кубы и Пуэрто-Рико, ни его таможенная политика, направленная на защиту национальной экономики и преграждавшая гнилой муке и другим завалывшимся американским товарам путь на рынок Колумбии. А теперь этот мулат думает еще поставить во главе республики европейского принца, превратить Колумбию в вотчину Лондона или Парижа и лишить тем самым негоциантов Бостона и Балтимора законных доходов, получаемых ими от торговли с этой страной» [2]. Гаррисон лично встречался с Кордобой, и, по сообщению поздних источников, высказывал мысль о необходимости свергнуть власть Боливара [10, р. 381–390].

12 сентября 1829 года Кордоба объявил себя главнокомандующим «Армии Свободы», потребовав казни Боливара, как «тирана родины» [7, р. 362]. В годовщину покушения на Боливара 25 сентября 1829 года в Боготу пришли известия о новом восстании, и военный комендант генерал Урданетта объявил мобилизацию [8, р. 265]. 17 октября генерал О'Лири во главе войск, направленных Урданеттой, разбил силы Кордобы [7, р. 332]. Паэс продолжал высказывать свою преданность Боливару, и даже выпустил после нападения перуанцев манифест, в котором писал: «Меч в моих руках – это меч Боливара: его воля направляет, моя рука – только удерживает» [12, р. 346]. В ответ Боливар писал Паэсу: «я не перестану просить Бога спасти страну от анархии и благодарю, что Вы поддерживаете меня в этом» [12, р. 346]. Серьезной внутренней войны удалось избежать, тем не менее, перспективы создания Андской конфедерации в Латинской Америке стали совершенно туманными.

В этот же период у Боливара возникли большие проблемы на международной арене. США, принявшие доктрину Монро, объявлявшую значительные территории Америки зоной их национальных интересов, были против создания Андского союза, еще более североамериканцев пугали перспективы включения в Боливарианскую конфедерацию Мексики и Кубы. «В октябре 1828 года государственный секретарь США направил Боливару письмо, получившее широкую известность. В нем Клей выражал свою обеспокоенность судьбой «свободных институтов» в Латинской Америке и высказывал Освободителю ряд «дружеских советов»... Письмо Клея явилось замаскированным объявлением войны Боливару» [1, с. 325].

Кампания против Боливара, в ходе которой ему ставились в упрек диктаторские замашки, также шла в Европе. «Во Франции антиболиварскую кампанию возглавил идеолог французского либерализма Бенжамен Констан, в Англии такую роль взял на себя создатель философской теории утилитаризма Иеремия Бентам... Их обвинения в адрес Боливара в узурпации власти и монархических замыслах вызвали немалый международный резонанс, усилили позиции противников Освободителя в Великой Колумбии» [1, с. 324]. При этом, ряд министров в правительстве Боливара, опасаясь за возможные смуты после смерти Освободителя или потери им власти, вынашивали планы посадить на боливари анский трон одного из представителей аристократических династий Англии или Франции, надеясь таким образом, оградить юные государственные образования Нового Света от политического краха и внутренней политической борьбы, грозящей превратиться в гражданскую войну.

Боливар довольно обтекаемо высказывался об этих планах, так, в письме от 13 июля 1829 г. он так формулировал свой отказ от приглашения европейского принца на трон: «Что касается иностранного монарха, который мог бы мне унаследовать, то, несмотря на все выгоды такого мероприятия, тысячи трудностей препятствуют его осуществлению: ни один из иностранных принцев не согласится водвориться в стране, раздираемой анархией; у нас столько долгов и такая нищета, что нет средств на достойное содержание короля и двора...» [2]. При этом, он хорошо понимал, что в случае его отказа от власти, территории ждет политический хаос,

разруха, бедствия народа, предлагая разделить их на три независимые республики – Колумбию (Новую Гранаду), Венесуэлу и Эквадор.

Паэс, для которого международный престиж имени Боливара значил очень многое в признании его политического лидерства, решил начать свою дипломатическую игру. В конце 1828 г. валенсийскими районными властями была провозглашена фактическая самостоятельность Венесуэлы от Новой Гранады, «народная» хунта в Каракасе поддержала валенсийцев и, более того, вынесла запрет Боливару въезда в Венесуэлу. Паэс, к которому сепаратисты обратились с предложением принять на себя власть в Венесуэле, не спешил с решением. Он написал Боливару письмо, в котором обещал в случае своего избрания президентом Венесуэлы, сохранить формальный союз с Колумбией, и предупреждал, что в стране имеются более радикальные лидеры, которые настроены против Боливара. Боливар деликатно обещал не претендовать на высшую власть.

В апреле 1829 года в Ла-Гуайру «прибыл вице-адмирал Флеминг, командующий английским военно-морским флотом на Карибах. В Каракасе состоялись переговоры между Флемингом и Паэсом. Иностранные консулы сообщали своим правительствам о поддержке Англией венесуэльских сепаратистов и обещании Флеминга предоставить Паэсу в случае конфликта с Боготой финансовую помощь в 200 тыс. долларов и поддержку английской эскадры из пяти кораблей, стоявшей на рейде Ла-Гуайры» [1, с. 327].

Восстание Кордобы, разославшего по всей Венесуэле воззвания, порочащие Боливара, возбудили новую волну стремления разрыва отношений с Боготой. Паэс прибыл 28 октября 1829 года в Каракас из своей резиденции, и противники Боливара призвали его к активным действиям против диктатуры Боливара. Богатые земледельцы и политики Каракаса, в их числе был и Паэс, воспользовавшись изданным Боливаром для подготовки к Конгрессу правом населения местностей собираться и самим определять форму правления Колумбии (от 31 августа 1829 года), в ночь на 25 ноября в доме каудильо Арисменди постановили провести народное собрание.

На следующее утро, организовав в крупнейшей церкви народный плебесцит, сепаратисты приняли решение об отделении Венесуэлы от Кундинамарки и отстранении Боливара от власти в новой независимой стране. Вскоре подобные собрания, часто под угрозой оружия, прошли по всем провинциям Венесуэлы. Верховная власть до выборов главы государства переходила Хосе Антонио Паэсу. Учитывая темы переговоров Паэса с англичанами весной, трудно не предположить, что каудильо не просто воспользовался ситуацией, но сам ее подготовил, хотя в воспоминаниях он пишет о «спонтанном выражении народных желаний» [12, р. 355].

1 декабря 1829 года Паэс написал Боливару: «Венесуэльцы совершенно разочаровались в союзе с Боготой, и они готовы на любые жертвы, которые потребуются принести, чтобы добиться отделения» [11, с. 224]. Паэс призвал Боливара признать, что отделение неизбежно и рассмотреть этот вопрос на предстоящем Конгрессе. Боливар был разочарован, что его родина «покрыла себя

бесславием», и, кроме того, дала ему отставку, не позволив уйти с честью добровольно. «Я никогда так не страдал, как сейчас, в отчаянии от того, что жизнь моя может кончиться в позоре» [8, р. 268].

Паэса поддержали другие каудильо Венесуэлы. Бермудес выпустил прокламацию, призывающую Венесуэлу к оружию в борьбе с «деспотом, лживым проповедником республиканских принципов, вдохновителем монархизма, человеком преступных наклонностей и пагубных амбиций». Арисменди писал, что Боливар «был тираном Колумбии, неблагодарным сыном Каракаса, человеком с чудовищными целями» [7, р. 376]. Мариньо с готовностью присоединился к кампании против Боливара, которого давно считал своим недругом. Он напомнил, что Боливар не утвердил его в должности интенданта Куманы, хотя именно он «знает добродетели, взгляды и частные интересы каждого ее жителя» [8, р. 268]. Под знаменем сепаратизма, на котором было написано имя Хосе Антонио Паэса, сплотилась вся элита Венесуэлы, не желавшая делить богатства своих земель и подвергать опасности со стороны центрального правительства свою власть на них.

Наибольшее противодействие населения вызвала начавшаяся кампания по дискредитации Боливара в прессе и официальных документах. Житель города Эскуке жаловался в письме Паэсу на самоуправство военного коменданта полковника Сегарры: «Может ли человек говорить свободно, когда на виду у собрания стоит эскадрон кавалерии и рота стрелков, занявшая главную площадь? Те бумаги, которые сеньор Сегарра хочет, чтобы мы подписали, что содержат опасения и обоснованные жалобы, мы можем одобрить. Но требовать от нас подписать множество лжи, наветов и нечестия против генерала Боливара мы считаем неправильным, потому что мы всегда полагали, что можем отказать ему в высшей власти, сохраняя уважение к его заслугам» [8, р. 267–268]. Тем не менее, образ Боливара в короне, Боливара-тирана и деспота продолжал тиражироваться.

2 января 1830 года открылся новый Конгресс Великой Колумбии и андских государств. 15 января в Боготе прибыл Боливар. Чувствуя упадок сил, а также понимая, что уже не в состоянии противодействовать центробежным силам, он попросил собрание освободить его от должности президента и назначить на нее нового кандидата – маршала Сукре. При этом, часть политиков, заручившись поддержкой испанских и французских дипломатов, намеревалась предложить Боливару короноваться.

Такие противоречия в видении будущего как страны, так и ее лидера показательны для последнего периода жизни Боливара. Он четырежды отказывался от верховной власти и каждый раз эта власть возвращалась к нему в более диктаторской форме. На Конгрессе в Боготе делегаты снова отложили вопрос о сложении Боливаром полномочий до принятия новой конституции. Боливар уехал на отдых, и это стало причиной новых противоречий среди различных партий и групп политиков.

Слухи о коронации Боливара подогревали сепаратизм в Венесуэле. 6 марта 1830 года в Валенсии открылся национальный конгресс, противопоставивший свои решения Конгрессу в Боготе. Паэс из своей штаб-квартиры в Сан Карлосе послал

делегатам сообщение: «Мой меч, моя пика и все мои военные триумфы – это предмет решений закона, в уважении и подчинении» [8, p. 269]. Это высокопарное заявление, которым генерал высказывал покорность закону, намекая на свою военную силу и власть, понравилось конгрессу. Делегаты приняли законы о суверенитете и независимости республики Венесуэлы, в которой Паэс сохранил оба главных поста – президента и главнокомандующего [13, s. 334].

Сам Боливар не спешил обвинять Паэса в измене. Он писал ему, напоминая о событиях 1826 года: «В моих глазах гибель Колумбии свершилась, когда Сантандер вызвал Вас на суд» [12, p. 330]. Однако, когда Боливар во главе мирной делегации в начале марта 1830 года подошел к границе Венесуэлы, Паэс приказал не пускать Боливару в страну, вскоре издав также манифест с требованием освободить от диктатуры Боливару и Новую Гранаду [14, s. 390].

Делегация вернулась в Боготу, где сторонники эмигранта Сантандера также начали против Боливару кампанию дискредитации, которая велась с еще большим размахом, чем в Венесуэле. «Не было такой грязной клеветы и обвинения в адрес Боливару, которые не появлялись бы ежедневно на страницах боготанских газет. «Боливар не выиграл ни одного сражения», «Боливар ни разу не был под пулями», «Боливар во время сражения при Бояке мирно завтракал в Тунхе», «Боливар дезертировал из Венесуэлы», «Боливару выгнали из Перу», «Боливар из зависти к славе Пиара убил его», «Объявив войну насмерть, Боливар подтвердил только свою кровожадность», «Освободить Колумбию от Освободителя!» – таковы были заголовки статей» [2].

Вскоре после решений Национального конгресса Венесуэлы 13 мая 1830 года от федерации Великой Колумбии отделились юго-западные провинции, образовав Эквадор, избрав мулата генерала Хуана Хосе Флореса президентом. Перу и Боливия отказались от единства еще раньше. Имя Колумбии осталось у одной бывшей Новой Гранады. Боливар осознавал крах планов общелатиноамериканской конфедерации по типу США. Вскоре Венесуэльский конгресс объявил, что Боливару закрыт путь на родину. Паэс заявил, что «присутствие Боливару угрожает республике, и его имя достойно осуждения» [12, p. 376].

Боливар, выехал в начале мая 1830 г. из Эквадора в Боготу, где собирался новый конгресс Колумбии, председателем на котором был избран сторонник Боливару Сукре. В Картахене, куда судно с Освободителем прибыло в конце июня, генерал Монталья предложил старому товарищу по оружию пересечь на английский корабль, направлявшийся в Лондон, но Боливар отказался, поскольку не имел с собой средств, чтобы начать новую жизнь на чужбине. Его здоровье ухудшалось, и он не смог направиться в Боготу, а 1 июля был убит Сукре.

Смерть Сукрэ до сих пор остается во многом загадкой, как и роль в ней Паэса. Поскольку венесуэльские территории разорвали политическую связь с Колумбией, встал вопрос о разграничении. В начале июня Сукре выехал на фронт, где должно было состояться подписание договора с представителями Паэса. Сукре, несмотря на то, что считался сторонником Боливару, тем не менее, предложил венесуэльцам такую форму верховной власти, согласно которой бывшие военные лидеры не

могли претендовать на верховную власть. В числе этих лидеров были перечислены Боливар, Сантандер, Флорес, Паэс и сам Сукре.

Переговоры с представителями венесуэльских сепаратистов не привели к соглашению, и Сукре с небольшой свитой отправился в Кито к Боливару, желая обсудить с ним последние события и возможный выход из очередного кризиса. В ходе этой поездки Сукре был застрелен неизвестными из густых зарослей. Стрелявшие скрылись, и эта смерть стала очередной загадкой для историков. Обвинения выдвигали против двух каудильо: Хосе Антонио Паэса и Хуана Хосе Флореса, фигурировавших в списке Сукре. Убийство могло быть и следствием внутренних политических разборок Великой Колумбии, так некоторые сторонники Сукре обвиняли бывшего соратника Сантандера Хосе Марию Обандо в том, что он приказал убить Сукре. Также это убийство могло быть случайным, на совести против местных вооруженных отрядов, контролировавших территорию на границах.

Власть в Колумбии перешла к генералу Урданете, который предложил пост президента Боливару, но Боливар отказался. Ситуация в Колумбии резко менялась в отношении идей Боливара о единой свободной Латинской Америке.

Разочарованный, Освободитель писал в октябре 1830 года: «я сделал несколько выводов из своего двенадцатилетнего правления: 1. Америка неуправляема для нас; 2. те, кто служат революции, пришли из-за моря; 3. единственное, что можно сделать в Америке, это эмигрировать; 4. эта страна неизбежно падет в руки неуправляемых масс, после чего сразу же окажется в руках тиранов всех цветов кожи и рас; 5. поскольку мы совершим все возможные преступления и злодеяния, европейцы не будут смотреть на нас как на цель для завоевания. 6. если возможно, чтобы какая-либо часть мира вернулась в состояние первобытного хаоса, это будет Америка в ее последний час» [5, s. 501–502].

В конце октября Боливар уже мог самостоятельно ходить, и его перенесли в Санта-Марту, а затем – в поместье торговца Хоакина де Миеру, обеспечившему Боливару медицинский уход.

16 декабря, находясь в сознании, Боливар продиктовал свое последнее обращение к народу, который он освободил от испанской власти:

«Колумбийцы! Вы являетесь свидетелями моих усилий обеспечить свободу там, где господствовал ранее деспотизм. Н трудился с самопожертвованием, не щадя своего имущества и спокойствия. Я оставил власть, когда убедился, что вы сомневаетесь в моем бескорыстии. Мои враги использовали вашу доверчивость и растоптали все самое для меня святое: мою репутацию и любовь к свободе. Я жертва моих преследователей, это они загнали меня на край могилы. Но я их прощаю. В час прощания любовь к вам обязывает меня высказать последнее пожелание. У меня нет другой славы, кроме как укрепление Колумбии. Все должны трудиться на благо единства: народы, подчиняясь нынешнему правительству, дабы избежать анархии; священники, вознося молитвы н небу; военные, используя свою шпагу в защиту социальных завоеваний. Колумбийцы! В предсмертный час я думаю о благе родины. Если моя смерть будет способствовать превращению раздоров и укреплению единства, я без ропота сойду в могилу» [2].

Боливар умер 17 декабря, спросив перед смертью причащавшего его епископа Хосе Мариа Эстевеса: «как мне выбраться из этого лабиринта?» [4].

Венесуэла, получив независимость и своего первого президента – Хосе Антонио Паэса – не вернулась в состояние первобытного хаоса. Паэсу удалось предотвратить новую гражданскую войну в стране, в какой-то мере восстановить политическое спокойствие, и дать экономике развиваться.

Паэс сохранял верность Боливару в ходе всего периода освободительного движения, однако его взгляды на последующее политическое устройство освобожденных земель существенно отличалось от взглядов Боливара, который считал, что только единство Латинской Америки не позволит Испании вернуть себе власть над ней. Паэс, став крупным землевладельцем и магнатом, как и другие каудильо, получившие в ходе войны власть и богатство, больше заботился об их сохранении, и в сильной центральной власти видел угрозу своим местным интересам.

Это привело Паэса к проведению собственной политической игры, в ходе которой он решительно отвернулся от боливарианских идеалов, основанных на либеральной теории европейского Просвещения и практики законодательства североамериканских штатов, и стал, по сути, первым «классическим правителем-каудильо» Латинской Америки, выразителем воли сторонников традиционалистских ценностей, органичность правления которого подтверждает дальнейшая история региона.

Список использованных источников и литературы

1. Глинкин А. Н. Дипломатия Симона Боливара. – М.: Международные отношения, 1991. – 350 с.
Glinkin A. N. Diplomatiia Simona Bolivara. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991. – 350 s.
2. Лаврецкий И. Боливар. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 221 с. [Электронный источник]: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html. Дата обращения 15.01.2024.
Lavretskii I. Bolivar. – М.: Molodaia gvardiia, 1981. – 221 s. Access: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html. Accessed:15.01.2024.
3. Линч Д. Революции в Испанской Америке, 1808–1826. – М.: Прогресс, 1979. – 404 с.
Linch D. Revoliutsii v Ispanskoĭ Amerike, 1808–1826. – М.: Progress, 1979. – 404 s.
4. Маркес Г. Г. Генерал в своем лабиринте... [Электронный источник]: URL: <http://www.litmir.net/br/?b=19158>. Дата обращения: 15.01.2024.
Markes G.G. General v svojom labirinte... Access: <http://www.litmir.net/br/?b=19158>. Accessed:15.01.2024.
5. Bolívar S. Obras completas / ed. V. Lecuna and E. Barret de Nazarís. – Vol. II. – Caracas: Editorial Lex, 1950. – 518 s.
6. Lemly H. R. Bolivar, Liberator of Venezuela, Columbia, Equador and Bolivia. – Boston: Forgotten Books, 1923. – 514 p.
7. Ludvig E. Bolivar. The Life of an Idealist. – New York: Alliance Book Corp, 1942. – 362 p.
8. Lynch J. Simon Bolivar. A Life. – New Haven – London: Yale University Press, 2007. – 349 p.
9. O’Leary D. F. Memorias del General O’Leary. 34 tomos. – T. XXV. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta Oficial El Monitor, 1881. – 632 s.
10. O’Leary D. F. Memorias del General O’Leary. 34 tomos. – T. XXVI. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta Oficial El Monitor, 1881. – 636 s.

11. O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary. 34 tomos. – T. XXXII. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta Oficial El Monitor, 1881. – 534 s.
12. Paez J. A. Autobiografía del General Jose Antonio Paez. – Vol. 1. – Nueva York: Hallet and Green, 1867. – 578 p.
13. Reyes V. Páez, venezolano ítegral: biografía: el hombre, el héroe, el magistrado. – Caracas: Imprinta Nacional, 1957. – 834 s.
14. Pinto C. M. Documentos para la historia de la vida de José Antonio Páez. Congreso de la República. – Caracas: Academia Nacional de la Historia, 1976. – 648 s.
15. Scheina R. L. Latin America's Wars. – Washington, DC.: Potomac Books, Inc., 2003. – 1445 p.

Losev K. V., Mikhailov V. V. The Venezuelan revolution and the participation of Jose Antonio Paez in the actions of Simon Bolivar's army

The article examines the events of 1828–1830 in Latin America. In 1828 General Paez participated in the suppression of the uprising against Bolivar Admiral Padilla and Santander, who were fighting for the separation of New Granada from Venezuela, but separatist tendencies in the ranks of the economic elite of most departments also intensified in Venezuela, forcing Bolivar to assume extraordinary, in fact, dictatorial powers in order to preserve the political unity of the liberated territories of Latin America. Bolivar's ideas to create a common confederation of all former Spanish colonies in South America did not receive the support of traditionalists, among whom Paez turned out to be. After the defeat of the Padilla uprising and Santander's removal from power, Bolivar was attacked by the press and politically accused of establishing a dictatorship in both New Granada and Venezuela. Representatives of the Venezuelan elite asked Paez to lead the movement for the secession of Venezuela and the creation of an independent state. In 1830, the National Assembly, taking advantage, among other things, of the liberal legislation of the federation and personal decrees issued by Bolivar, declared the independence of Venezuela with President Paez at the head.

Keywords: the history of Venezuela, the struggle for the independence of Latin America, the Republic of Great Colombia, Simon Bolivar, Jose Antonio Paez, Francisco de Paula Santander.

УДК 93/94

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-81-92

ОПЫТ ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ КИРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

Малышко А. А.

*Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Российская Федерация
E-mail: malyshko@petsu.ru*

Изучение значения железнодорожного транспорта в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. сохраняет свою актуальность. Кировская железная дорога, главная транспортная артерия северо-запада СССР в довоенный период, являлась рокадной и осуществляла значительный объём перевозок в районе театра военных действий (ТВД). По материалам архивных источников, сборников документов, а также имеющейся историографии автор делает попытку проанализировать опыт от мобилизовывания Кировской железной дороги в условиях советско-финляндской войны 1939–1940 гг. На конкретных примерах рассмотрена реализация отдельных направлений от мобилизовывания железнодорожного транспорта: повышение пропускной способности, а также планирование и организация воинских и иных перевозок. Выявлено их влияние на исход сражений войны. Проанализированы меры по повышению обороноспособности железнодорожного транспорта северо-запада СССР, реализованные советским военно-политическим руководством в результате анализа опыта советско-финляндской войны 1939–1940 годов.

Ключевые слова: северо-запад СССР, железнодорожный транспорт, Кировская железная дорога, советско-финляндская война 1939–1940 годов, зимняя война, от мобилизовывание, мобилизационная подготовка.

Состояние железнодорожного транспорта существенно влияет на осуществление задач государства как в мирное, так и в военное время. Эффективная организация снабженческих, воинских и эвакуационных перевозок признаётся военными специалистами одним из важнейших условий победы государства в военном конфликте [7].

Кировская железная дорога являлась главной транспортной артерией и наиболее прогрессивным видом транспорта на северо-западе СССР в довоенный период, вследствие чего осуществляла значительный объём перевозок в регионе. Рокадный статус дороги обуславливал её высокую стратегическую значимость и значительный интерес для потенциального противника.

Военно-стратегическая значимость дороги актуальна и сегодня. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО [32] обусловило существенное нарастание напряжённости в Арктическом регионе, вследствие чего российским военно-политическим руководством были приняты меры по повышению обороноспособности северо-западных рубежей государства [4].

На сегодняшний день накоплена значительная историография по советско-финляндской войне 1939–1940 гг. [6; 13–15], мобилизационной подготовке СССР в

довоенный период [23; 27–28], а также истории Кировской железной дороги [8; 10; 33]. Однако, роль Кировской железной дороги в организации перевозок и влияние этого на ход войны остаётся в настоящий момент недостаточно изученным. Между тем, анализ материалов, сохранившихся в Архиве Управления ФСБ России по Республике Карелия [3], а также опубликованных сборников документов [24–25; 29, 31], позволяет более подробно рассмотреть вопрос о мерах по совершенствованию мобилизационной подготовки железнодорожного транспорта СССР, включая Кировскую железную дорогу, принятых советским военно-политическим руководством по итогам советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Настоящее исследование нацелено на изучение опыта отомобилизовывания Кировской железной дороги в условиях советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В статье будут рассмотрены отдельные его направления:

1. повышение пропускная способность железной дороги;
2. планирование и организация воинских, а также иных перевозок.

Рассмотрение в настоящем исследовании вышеуказанных направлений отомобилизовывания Кировской железной дороги в 1939–1940 гг. будет осуществлено с учётом опыта её мобилизационной подготовки в 1920–1930-е гг.

* * *

С середины 1920–х годов повышение обороноспособности северо-западных территорий СССР не являлось приоритетной задачей военно-политического руководства страны [14, с. 24]. Смещение основного вектора мобилизационной политики на развитие Украинского и Белорусского секторов Западной пограничной полосы обусловили снижение финансирования мобилизационных мероприятий в приграничных с Финляндией регионах СССР.

В данных условиях союзное правительство стремилось перегрузить финансирование мобилизационной подготовки на региональные бюджеты: при реализации в Карельской АССР мероприятий мобилизационного плана 1935 года (МП–4) доля софинансирования со стороны республики составила рекордные 32% [27, с. 72]. Испытывавшие серьёзные финансовые трудности северо-западные регионы оказались не способны на реализацию требований мобилизационного планирования в полном объёме.

В результате к концу 1930-х годов сложился опасный разрыв между военно-экономическим состоянием входящих в Ленинградский военный округ (ЛВО) территорий и требованиями мобилизационного планирования [16, с. 11], корректировавшихся с учётом новых внешнеполитических угроз. Подъём праворадикального движения в Финляндии, открытая демонстрация её руководством прогерманской позиции заставили советское военно-политическое руководство обратиться летом 1938 года к вопросу усиления ЛВО. К сожалению, в силу недостаточного финансирования многие предложенные стратегически важные проекты развития инфраструктуры округа и, в частности, повышения пропускной способности однопутной Кировской железной дороги не были реализованы в полном объёме [20, с. 171–172]. Однако, несмотря на это, советским военно-

политическим руководством была осознана неизбежность приближавшейся войны с Финляндией [12, с. 168].

В реалиях резко осложнившейся внешнеполитической обстановки военно-политическое руководство СССР было серьёзно обеспокоено вопросом обеспечения безопасности второго по значимости города страны – Ленинграда. Предполагалось, что в случае потенциального советско-германского конфликта имевшее претензии на территорию Карелии финляндское руководство поддержит агрессию Германии, непосредственно вступив в войну и предоставив немецким вооружённым силам плацдарм для штурма Ленинграда [6, с. 56–57]. В данных условиях инфраструктура рокадной Кировской железной дороги оказывалась в непосредственной досягаемости и первоочерёдной целью для авиации противника.

Однако, вследствие недостаточной мобилизационной подготовленности северо-западных территорий возможности силового давления СССР на Финляндию были значительно ограничены. В тоже время реализованные с апреля 1938 года попытки советского руководства дипломатическими средствами сместить государственную

Рис. 1. Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951).

Фото из открытых источников.

границу от Ленинграда не имели успеха [18, с. 19]. Последней попыткой решить возникшую проблему стали проходившие с 13 октября по 11 ноября 1939 года советско-финляндские переговоры, закончившиеся в итоге неудачей.

Главной задачей вооружённых сил Финляндии во главе с К. Г. Э. Маннергеймом в войне являлось максимально продолжительное сдерживание натиска РККА. Предполагалось, что, столкнувшись с необходимостью прорыва созданной в 1930–е годы вдоль границы линии финляндской обороны («линии Маннергейма»), РККА понесёт серьёзные потери, что станет стимулом для военно-политического руководства СССР к завершению войны [21, с. 220–223].

Военно-политическое руководство СССР, напротив, планировало наступательными действиями РККА сломать оборону Финляндии и овладеть её территорией, имевшей развитую военно-гражданскую и транспортную инфраструктуру, с выходом к норвежской и шведской границе [16, с. 12; 14, с. 24].

В данных условиях первоочередной целью транспортной системы северо-запада СССР, особенно рокадной Кировской железной дороги, являлось оперативное осуществление регулярных снабженческих перевозок. Однако, важнейшая транспортная магистраль северо-запада СССР обладала очень низкой

пропускной способностью: участок Волховстрой – Мурманск (1327 км, 91,6 % главного пути) имел техническую возможность пропустить за сутки не более 19 пар поездов, что являлось сопоставимым с иными однопутными железными дорогами, но было недостаточно для транспортной магистрали стратегического значения [24, с. 36].

К 1939 году на предполагаемом театре военном действий действовали две железных дороги – Октябрьская (Ленинград – Москва) и Кировская (Ленинград – Мурманск). Обе дороги, особенно Ленинградский узел, осуществляли свою деятельность в мирное время в режиме значительного напряжения сил из-за недостаточной пропускной способности [17, с. 147–148].

Начавшиеся военные действия обозначили последствия недостаточной мобилизационной подготовки Кировской железной дороги в предвоенное десятилетие. Это стало ощутимым уже на реализации подготовительных мероприятий: вследствие ограниченной пропускной способности однопутной Кировской железной дороги процесс мобилизации РККА и переброски воинских частей был начат уже в сентябре 1939 года [12, с. 175–176].

Неправильный выбор командующим Ленинградским военным округом Мерецковым К. А. плана войны вынудил командование РККА направлять дополнительные подкрепления на фронт [10, с. 35]. В силу вышеуказанных транспортных ограничений воинские перевозки реализовывались со значительными трудностями.

Незавершённое строительство Сорокско–Обозерской железнодорожной линии накладывало существенные трудности на реализацию своевременных перебросок подкреплений для сражавшейся 9-й армии и осуществления запланированных операций [10, с. 24]. Из-за транспортных ограничений данная армия также испытывала сложности в снабжении боеприпасами и обмундировании, вследствие чего в декабре 1939 года 44-я стрелковая дивизия была взята в окружение, а к 13 декабря 1939 года 139-я стрелковая дивизия «утратила значительную часть своей боеспособности» [22, с. 73].

17 декабря 1939 года в результате упорных боёв воинские части РККА прорвали оборону противника на Карельском перешейке в районе Сумма. Однако, в связи с ограниченной пропускной способностью Кировской железной дороги, командование РККА было вынуждено остановить начатое наступление, не имея

*Рис. 2. Кирилл Афанасьевич
Мерецков (1897–1968).
Фото из открытых источников.*

возможности реализовать оперативные воинские переброски. Вследствие этого советское военно-политическое командование окончательно отказалось от плана молниеносной войны [26, с. 50].

Имелись также проблемы с организацией оперативных снабженческих перевозок. В силу планировавшегося масштабного наступления РККА в декабре 1939 года была неизбежна значительная интенсификация воинских перевозок по Кировской железной дороге, повлёкшая значительные трудности для её недоразвитой инфраструктуры. Железнодорожная магистраль не смогла обеспечить своевременную переброску дивизий, предназначенных для усиления 8-й, 9-й, 14-й и 15-й армий, а также доставки военных грузов [22, с. 75].

Кроме того, следует отметить, что в ходе наступательных действий РККА рокадные финляндские железнодорожные пути повреждались и требовали восстановления, что логично накладывало ограничения на организацию снабженческих перевозок [17, с. 148].

Однколейная и имевшая ограниченную пропускную способность Кировская железная дорога оказалась не способна к одновременной реализации воинских и привычных мирных перевозок. Вследствие этого станции дороги практически сразу оказались перегружены [8, с. 10–11]. Среднесуточное продвижение поездов по дороге во время войны составляло 116 км при максимальной скорости 4,8 км/ч, что позволяло обеспечивать снабжение лишь четырёх дивизий [12, с. 193]. Среднесуточное продвижение поездов по Октябрьской железной дороге составляло 143 км при максимальной скорости 5,9 км/ч [22, с. 73].

Недостаточная пропускная способность Октябрьской и Кировской железных дорог вынудила руководство ЛВО прибегнуть к использованию трамвайных путей, а также Литейного и Володарского мостов г. Ленинграда для отправки снабженческих грузов через р. Нева [17, с. 148–149].

Вышеуказанные проблемы усугублялись не менее сложным состоянием прилегающих к границе автодорог. Имели место нарушения логистических цепочек: например, нередко случался простой грузов на железнодорожных станциях [2, с. 122].

В качестве подтверждения обозначенного тезиса также следует привести сражение под Толваярви (11–24 декабря 1939 года). Штаб 8-й армии РККА, сражавшейся в данном районе, констатировал «полную непригодность грунтовых путей для перевозки войск и грузов с учётом времени года, недостаточность автотранспорта» [15, с. 72], вследствие чего имели место срывы в снабжении войск, а штаб был вынужден привлекать военнслужащих к строительству и ремонту дорожной сети. Недостаточная развитость грунтовых дорог приводила к значительному упадку дисциплины («голодные солдаты поодиночке и группами покидали позиции на передовой линии и шли в тыл к полевым кухням» [15, с. 76]), срыву сроков запланированных операций, снижению боеспособности воинских частей, существенным задержкам в переброске воинских частей [15, с. 76–77, 85–86, 88]. Вышеуказанные сложности стали одной из основных причин поражения 8-й армии РККА в этом сражении.

Одной из причин неэффективной организации перевозок стала несогласованность в работе железных дорог и Органов военных сообщений (ВОСО), что приводило к отправлениям военных поездов не по назначению, а также их запоздалым возвращениям и переадресациям [17, с. 148].

Реализация экстренных мероприятий по развитию Кировской железной дороги стала очевидной практически сразу после начала войны. В конце 1939 года начал реализовываться проект «номерных» железнодорожных строителей [17, с. 149].

Уже 22 декабря 1939 года было инициировано строительство ста тридцати двух километров железной линии Петрозаводск – Суоярви («Строительство № 100») [12, с. 178, 192, 193], реализация которой позволила бы существенно повысить эффективность снабжения сражавшихся в Северном Приладожье воинских частей РККА, а также обеспечить соединение Кировской магистрали с финляндскими железными дорогами [24, с. 42]. Строительство новой дороги реализовывалось строителями Сорокско-Обозерской железной линии [10, с. 24], причём подавляющая часть планировавшихся работ была выполнена в течение 70 дней [10, с. 10–11]. Однако, линия Петрозаводск – Суоярви объективно не смогла выполнить возложенные на неё задачи, т.к. движение по ней было открыто 15 марта 1940 года – т.е. после завершения конфликта [10, с. 11].

Стратегически важным шагом стало инициированное резолюцией ЦК ВКП (б) от 25 декабря 1939 года продолжение строительства Сорокско – Обозерской линии [12, с. 193]. Однако, из-за нехватки рабочей силы активная фаза работ была начата уже после войны, весной 1940 года, а к январю следующего 1941 года новая железнодорожная линия была сдана в эксплуатацию [10, с. 25]. Однако, дорога находилась в неисправном состоянии, на ней отсутствовало реверсное движение [10, с. 25]. Лишь на отдельных участках имелась техническая возможность движения паровозов с максимальной скоростью 10 км/ч [6, с. 12].

С целью повышения снабжения сражавшейся в Салми 9-й армии постановлением ЦК ВКП (б) и Совета народных комиссаров СССР от 16 января 1940 года было принято решение о строительстве 162 км железной линии Кандалакша – Куоляярви («Строительство № 105») [12, с. 193]. Введённая в эксплуатацию лишь к началу Великой Отечественной войны, линия имела одну колею [10, с. 49, 52]. Построенная с той же целью линия Калевала – Кестеньга из-за нарушения требований к строительству железных путей и срочности реализации оказалась неисправна, вследствие чего была закрыта весной 1940 года [12, с. 193–194].

Ответом на принятое 5 февраля 1940 года Верховным советом союзников решение о планируемом предоставлении военной помощи Финляндии стала инициализация укладки второй колеи на участке Волховстрой I – Петрозаводск («Строительство № 101») протяжённостью 283 км (19,5 % главного пути) [12, с. 193]. Завершение строительных работ на участке Волховстрой I – Лодейное Поле (122 км) планировалось к 10 апреля 1940 года, а на участке Лодейное Поле – Петрозаводск (161 км) – к 1 июля 1940 года [12, с. 193]. На реализацию проекта из бюджета Карельской АССР было выделено 2738 рублей [3, л. 40]. К началу Великой

Отечественной войны вторые пути не были уложены лишь на участках Петрозаводск – Голиковка, Волховстрой I – Волховстрой II и Свирь – Погра общей протяжённостью 14 км [33, с. 39]; согласно данным Наркомата путей сообщения СССР, мероприятия были реализованы в полном объёме [24, с. 44].

В соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров СССР № 802 от 18 апреля 1940 года и приказом Наркомата путей сообщения СССР № 109Ц от 22 мая 1940 года были изменены границы Октябрьской и Кировской железных дорог. В их состав вошли железнодорожные пути на Карельском перешейке и Северном Приладожье; кроме того, участок Ленинград – Волховстрой был передан Октябрьской железной дороге. Вследствие этого с 1 июля 1940 года местонахождением Кировской железной дороги был определён г. Петрозаводск [29].

*Рис. 3. Климент Ефремович
Ворошилов (1881–1969).
Фото из открытых источников.*

Была улучшена система подготовки мобилизационных формирований Кировской железной дороги. Приказом НКПС №14/с от 2 января 1941 года на Кировской железной дороге вводились должности начальников штабов противовоздушной обороны, инженеров и инструкторов химической службы, но без выделения новых ставок, в связи с чем не все отделения и участки дороги были укомплектованы специалистами. Летом и осенью 1940 г. были организованы сборы, читались курсы по мобилизационной подготовке. На ряде станций прошли учения противовоздушной обороне [10, с. 47].

Однако, график воинских перевозок на 1941 год был составлен уже с учётом укладки вторых путей до Сороки – проекта, не реализованного на практике.

Проблема ограниченной пропускной способности Кировской железной дороги была рассмотрена также и на пленуме ЦК ВКП (б) 26–28 марта 1940 года, посвящённом

анализу итогов войны с Финляндией [31, с. 431–434], [1, с. 5–6]. Выступавший с докладом по данной теме нарком обороны Ворошилов К. Е. озвучил уже замеченные к тому времени проблемы и уже начатые реализовываться решения [31, с. 10], однако, он стал комплексным анализом высшим руководством страны недостатков реализации задач, поставленных перед транспортной системой северо-запада СССР в советско-финляндской войне.

Результаты опыта организации Кировской железной дорогой воинских и снабженческих перевозок в период советско-финляндской войны 1939–1940 годов

выявили несоответствие мобилизационного планирования железнодорожного транспорта СССР возникшим угрозам и стали основой для его совершенствования.

14 февраля 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане железнодорожного строительства на дорогах Юго-Запада, Запада и Северо-Запада СССР и обеспечении его выполнения», признавшее повышение обороноспособности важнейшей задачей железнодорожного строительства, а также содержащее меры по строительству новых и модернизации имеющихся железных дорог, реконструкции отдельных узлов и др. [30, с. 323]. Среди прочего, на Кировской железной дороге планировалось:

1. строительство 192 км вторых путей на участке Петрозаводск – Беломорск с повышением пропускной способности до 30 пар поездов в сутки (бюджет – 80 млн. рублей),

2. повышение пропускной способности участка Волховстрой – Петрозаводск до 48 пар поездов в сутки, а также восстановление станций Суоярви, Янисъярви, Маткаселькя и Сортавала (общий бюджет – 27,9 млн рублей) [25].

Согласно постановлению, линия Петрозаводск – Маткаселькя (249 км) вошла в перечень важнейших железнодорожных направлений и участков, на которых в 1941 году было запланировано повышение пропускной способности. На вышеуказанной линии предписывалось повысить пропускную способность в 2 раза – с 12 до 24 пар поездов в сутки.

Всего на осуществление вышеуказанных мероприятий Кировской железной дороге было выделено 152,9 млн. рублей (7,28% от всех средств, выделенных согласно постановлению железным дорогам СССР) [25].

В утверждённом 10 сентября 1940 года Наркоматом путей сообщения СССР «Наставлении о мобилизационной работе железных дорог СССР и их работе в военное время» были регламентированы вопросы планирования и осуществления воинских перевозок, организации противовоздушной обороны и восстановления путей, а также накопления мобилизационных ресурсов [24, с. 7–8].

Итак, недостаточная мобилизационная подготовка Кировской железной дороги в 1930–е годы обусловила пересмотр военно-политическим руководством СССР планов развернувшейся войны с Финляндией, наложила значительные ограничения на реализацию оперативных снабженческих перевозок. В современной отечественной историографии неспособность приграничного транспорта обеспечить регулярное снабжение сражающихся воинских частей определяется одной из главных причин недостижения РККА поставленных перед ней целей в советско-финляндской войне 1939–1940 годы [22, с. 73].

Предпринятые в ходе войны мероприятия по исправлению выявленных недочётов включали в себя строительство новых стратегически важных железнодорожных линий и оказались запоздалыми, поскольку вступили в эксплуатацию после окончания боевых действий. Инициированное строительство вторых линий на участке Волховстрой – Петрозаводск и возобновление достройки Сорокско – Обозерской железнодорожной линии имели лишь частичный успех в силу недостаточного времени и особенностей рельефа соответственно.

Важным результатом советско-финляндской войны 1939–1940 годы стало совершенствование мобилизационного планирования железнодорожного транспорта. Разработанные в 1940–1941 годы «Наставление о мобилизационной работе железных дорог СССР и их работе в военное время» и МП-5 регламентировали порядок мобилизации железных дорог, планирования и организации ими воинских перевозок, осуществления противовоздушной обороны инфраструктуры.

Список использованных источников и литературы

1. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. Москва ; Санкт-Петербург, 2004. 560 с.
«Zimnyaya voina»: rabota nad oshibkami (aprel' – mai 1940 g.). Materialy komissii Glavnogo voennogo soveta Krasnoi Armii po obobshcheniyu opyta finskoi kampanii. Moskva ; Sankt–Peterburg, 2004. 560 s.
2. Аксёненко Н. Е., Лapidус Б. М., Мишарин А. С. Железные дороги России: от реформы к реформе. Москва : Транспорт, 2001. 335 с.
Aksenenko N. E., Lapidus B. M., Misharin A. S. Zheleznye dorogi Rossii: ot reformy k reforme. Moskva : Transport, 2001. 335 s.
3. Архив Управления ФСБ России по Республике Карелия. ФСДП. Оп. 1. Пор. 97.
Arkhiv Upravleniya FSB Rossii po Respublike Kareliya. FSDP. Op. 1. Por. 97.
4. В России рассказали об ответе на вступление Финляндии в НАТО. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/12/finny/> (дата обращения: 19.08.2024).
V Rossii rasskazali ob otvete na vstuplenie Finlyandii v NATO. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/12/finny/> (data obrashcheniya: 19.08.2024).
5. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск : изд-во ПетрГУ, 2009. 541 с.
Verigin S. G. Kareliya v gody voennykh ispytaniy. Politicheskoe i sotsial'no–ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoi Karelii v period Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg. Petrozavodsk : izd–vo PetrGU, 2009. 541 s.
6. Веригин С. Г. Политическая и социально-экономическая жизнь Карелии в начальный период Великой Отечественной войны // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 3. С. 8–17.
Verigin S. G. Politicheskaya i sotsial'no–ekonomicheskaya zhizn' Karelii v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3. S. 8–17.
7. Ворсин В. Ф., Ионов В. В. Тыловое обеспечение войск в ходе оборонительного сражения под Курском (5–23 июля 1941 г.) // Военно–исторический журнал. 2021. № 11. С. 12–21.
Vorsin V. F., Ionov V. V. Tylovoe obespechenie voisk v khode oboronitel'nogo srazheniya pod Kurskom (5–23 iyulya 1941 g.) // Voenno–istoricheskii zhurnal. 2021. № 11. S. 12–21.
8. Голубев А. А. Железнодорожный транспорт Карелии: история и современность // Краеведческие чтения: материалы X научной конференции. Петрозаводск, 2016. С. 8–14.
Golubev A. A. Zheleznodorozhnyi transport Karelii: istoriya i sovremennost' // Kraevedcheskie chteniya: materialy X nauchnoi konferentsii. Petrozavodsk, 2016. S. 8–14.
9. Зеленская Ю. Н. «Это могли сделать только русские!». Строительство Сорокско-Обозерской железнодорожной линии, которая в годы Великой Отечественной войны стала «дорогой жизни» Севера // Военно–исторический журнал. 2015. № 8. С. 23–28.
Zelenskaya Yu. N. «Eto mogli sdelat' tol'ko russkie!». Stroitel'stvo Soroksko–Obozerskoi zheleznodorozhnoi linii, kotoraya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny stala «dorogoi zhizni» Severa // Voenno–istoricheskii zhurnal. 2015. № 8. S. 23–28.

10. Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога как стратегический объект Европейского Севера в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Петрозаводск, 2016. 231 с. URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/4Wh3k3P5Dy.pdf> (дата обращения: 18.08.2024).
- Zelenskaya Yu. N. Kirovskaya zheleznaya doroga kak strategicheskii ob"ekt Evropeiskogo Severa v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Petrozavodsk, 2016. 231 s. URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/4Wh3k3P5Dy.pdf> (data obrashcheniya: 18.08.2024).
11. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза 1817–1945. Т. 2. / Н. Е. Аксененко [и др.]. Санкт-Петербург ; Москва, 1997. 416 с.
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuza 1817–1945. T. 2. / N. E. Aksenenko [i dr.]. Sankt-Peterburg ; Moskva, 1997. 416 s.
12. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. 275 с.
- Kilin Yu. M. Kareliya v politike Sovetskogo gosudarstva 1920–1941 gg. Petrozavodsk, 1999. 275 s.
13. Килин Ю. М. Оборона Петрозаводска в контексте боевых действий на Северо-Западе СССР летом – осенью 1941 года // Петрозаводск – город воинской славы : сборник статей и материалов I научно-практического семинара, посвящённого 75-летию героической обороны Петрозаводска. Петрозаводск : изд.–во ПетрГУ, 2016. С. 13–17.
- Kilin Yu. M. Oborona Petrozavodska v kontekste boevykh deistvii na Severo-Zapade SSSR letom – osen'yu 1941 goda // Petrozavodsk – gorod voinskoi slavy : sbornik statei i materialov I nauchno-prakticheskogo seminara, posvyashchennogo 75-letiyu geroicheskoi oborony Petrozavodska. Petrozavodsk : izd.–vo PetrGU, 2016. S. 13–17.
14. Килин Ю. М. Потери Вооруженных Сил СССР в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 1. С. 22–27.
- Kilin Yu. M. Poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v sovetsko-finlyandskoi voine 1939–1940 gg. // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 1. S. 22–27.
15. Килин Ю. М. Решающий этап сражения в районе Толваярви, 11–24 декабря 1939 г. // Carelica. 2015. № 2. С. 70–101. URL: http://carelica.petsu.ru/2015/Killin_2_15.pdf (дата обращения: 18.08.2024).
- Kilin Yu. M. Reshayushchii etap srazheniya v raione Tolvayarvi, 11–24 dekabrya 1939 g. // Carelica. 2015. № 2. S. 70–101. URL: http://carelica.petsu.ru/2015/Killin_2_15.pdf (data obrashcheniya: 18.08.2024).
16. Килин Ю. М. Советская Карелия в 1939–1941 гг. : от автономии к союзной республике. Петрозаводск : изд.–во ПетрГУ, 2012. 275 с.
- Kilin Yu. M. Sovetskaya Kareliya v 1939–1941 gg. : ot avtonomii k soyuznoi respublike. Petrozavodsk : izd.–vo PetrGU, 2012. 275 s.
17. Критский С. В. Развитие Ленинградского железнодорожного узла и подходов к нему в период Советско-финляндской войны и после её окончания (1939–1941 гг.) // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2013. № 3. С. 147–152.
- Kritskii S. V. Razvitie Leningradskogo zheleznodorozhnogo uzla i podkhodov k nemu v period Sovetsko-finlyandskoi voiny i posle ee okonchaniya (1939–1941 gg.) // Izvestiya Peterburgskogo universiteta putei soobshcheniya. 2013. № 3. S. 147–152.
18. Лайдинен Э. П. Органы государственной безопасности Карелии в советско-финляндской войне // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 10. С. 19–26.
- Laidinen E. P. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti Karelii v sovetsko-finlyandskoi voine // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 10. S. 19–26.
19. Лашков А. Ю. Противовоздушная оборона Красной армии и Краснознамённого Балтийского флота в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 4–10.
- Lashkov A. Yu. Protivovozdushnaya oborona Krasnoi armii i Krasnoznamennogo Baltiiskogo flota v sovetsko-finlyandskoi voine 1939–1940 gg. // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2019. № 11. S. 4–10.

20. Малышко А. А. Модернизация железнодорожной инфраструктуры в Карелии в 1930-е годы в контексте мобилизационной подготовки // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 2019. С. 168–172.
- Malyshko A. A. Modernizatsiya zheleznodorozhnoi infrastruktury v Karelii v 1930-e gody v kontekste mobilizatsionnoi podgotovki // Kareliya – prigranichnyi region Rossii v XX–XXI vekakh: Kareliya v gody Vtoroi mirovoi voiny. Petrozavodsk, 2019. S. 168–172.
21. Маннергейм К. Г. Мемуары / пер. с фин. Куйвала П., Злобин Б. С. Москва : Вагриус, 2006. 509 с.
- Mannergeim K. G. Memuary / per. s fin. Kuivala P., Zlobin B. S. Moskva : Vagrius, 2006. 509 s.
22. Мартысевич А. П. Советско-финляндская война: вопросы материально-технического обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии в ходе боевых действий // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 72–78.
- Martysevich A. P. Sovetsko-finlyandskaya voyna: voprosy material'no-tekhnicheskogo obespecheniya Raboche-krest'yanskoj Krasnoi armii v khode boevykh deistvii // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 42, № 4. S. 72–78.
23. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941 гг.). Москва : Альпина Бизнес Букс, 2004. 352 с.
- Meliya A. A. Mobilizatsionnaya podgotovka narodnogo khozyaistva SSSR (1921–1941 gg.). Moskva : Al'pina Biznes Buks, 2004. 352 s.
24. Отчёт об отмобилизовании железных дорог Советского союза (по мобплану 1941 года) : в 4-х тт. Т. 1. Москва : ЦМВО НКПС, 1948.
- Otchet ob otmobilizovanii zheleznykh dorog Sovetskogo soyuza (po mobplanu 1941 goda) : v 4–kh tt. T. 1. Moskva : TsMVO NKPS, 1948.
25. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане железнодорожного строительства на дорогах Юго-Запада, Запада и Северо-Запада СССР и обеспечении его выполнения» с приложением. URL: <https://www.prlib.ru/item/1310754> (дата обращения: 19.08.2024).
- Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP(b) «O plane zheleznodorozhnogo stroitel'stva na dorogakh Yugo-Zapada, Zapada i Severo-Zapada SSSR i obespechenii ego vypolneniya» s prilozheniem. URL: <https://www.prlib.ru/item/1310754> (data obrashcheniya: 19.08.2024).
26. Раунио А., Килин Ю. М. Сражения зимней войны. Петрозаводск, 2018. 320 с.
- Raunio A., Kilin Yu. M. Srazheniya zimnei voiny. Petrozavodsk, 2018. 320 s.
27. Репухова О. Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах. Петрозаводск, 2016. 86 с.
- Repukhova O. Yu. Voенno-grazhdanskaya mobilizatsionnaya podgotovka v Karelii v 1920–1930-kh godakh. Petrozavodsk, 2016. 86 s.
28. Репухова О. Ю. Западная пограничная полоса РСФСР–СССР: пространственно-территориальная мобилизационная подготовка в 1917–1939 гг. Петрозаводск, 2024. 140 с.
- Repukhova O. Yu. Zapadnaya pogranichnaya polosa RSFSR–SSSR: prostranstvenno-territorial'naya mobilizatsionnaya podgotovka v 1917–1939 gg. Petrozavodsk, 2024. 140 s.
29. Сведения о железных дорогах общего пользования с 1918 по 1990 гг. URL: <https://istmat.org/node/43097> (дата обращения: 19.08.2024).
- Svedeniya o zheleznykh dorogakh obshchego pol'zovaniya s 1918 po 1990 gg. URL: <https://istmat.org/node/43097> (data obrashcheniya: 19.08.2024).
30. Скрябина Л. С. К вопросу о мобилизационной готовности железных дорог и дорожной сети БССР накануне Великой Отечественной войны в отражении материалов документальной публикации // Инновационное развитие транспортного и строительного комплексов. Гомель, 2023. С. 322–324.
- Skryabina L. S. K voprosu o mobilizatsionnoi gotovnosti zheleznykh dorog i dorozhnoi seti BSSR nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny v otrazhenii materialov dokumental'noi publikatsii // Innovatsionnoe razvitiye transportnogo i stroitel'nogo kompleksov. Gomel', 2023. S. 322–324.
31. Тайны и уроки Зимней войны, 1939–1940: по документам рассекреченных архивов / ред.-сост. Н. Л. Волковский; под общ. ред. В. А. Золотаревой. Санкт-Петербург : Полигон, 2000. 542 с.

Tainy i uroki Zimnei voyny, 1939–1940: po dokumentam rassekrechennykh arkhivov / red.-sost. N. L. Volkovskii; pod obshch. red. V. A. Zolotarevoi. Sankt-Peterburg : Poligon, 2000. 542 s.

32. Финляндия приняла решение о вступлении в НАТО. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/05/2022/6280d1459a7947a2848b55d9> (дата обращения: 18.08.2024).

Finlyandiya prinyala reshenie o vstuplenii v NATO. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/05/2022/6280d1459a7947a2848b55d9> (data obrashcheniya: 18.08.2024).

33. Харитонов С. Ф., Звягин Ю. К. Мурманская, Кировская, Октябрьская. Петрозаводск, 1996. 157 с.

Kharitonov S. F., Zvyagin Yu. K. Murmanskaya, Kirovskaya, Oktyabr'skaya. Petrozavodsk, 1996. 157 s.

Malyshko A. A. Experience of immobilization of the Kirov railroad in the conditions of the Soviet-Finnish war of 1939–1940

The study of the importance of railroad transportation during the Soviet-Finnish War of 1939-1940 remains relevant. The Kirov railroad, the main transport artery of the north-west of the USSR in the pre-war period, was a rockade railroad and carried out a significant amount of transportation in the area of the theater of military operations. Based on the materials of archival sources, collections of documents, as well as the available historiography, the author makes an attempt to analyze the experience of immobilization of the Kirov railroad in the Soviet-Finnish war of 1939–1940. In this article the implementation of separate directions of railway transport immobilization is considered on concrete examples: increase of throughput capacity, as well as planning and organization of military and other transportations. Their influence on the outcome of the battles of the war is revealed. Measures to improve the defensive capacity of railway transport in the north-west of the USSR, implemented by the Soviet military-political leadership as a result of the analysis of the experience of the Soviet-Finnish war of 1939–1940 are analyzed.

Keywords: north-west of the USSR, railway transport, Kirov railroad, Soviet-Finnish war of 1939–1940, winter war, mobilization, mobilization preparation.

УДК 908(292.471):ПОПОВ

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-4-93-123

**«РАБОТАЮ, СКОЛЬКО МОГУ»:
К БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА С. П. ПОПОВА**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

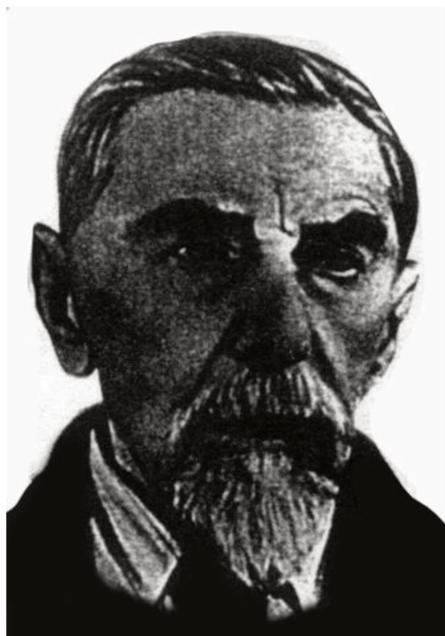
Статья продолжает размешенное в предыдущем номере журнала исследование биографии, научной и организационно-педагогической деятельности воспитанника, соратника и друга академика В. И. Вернадского – крупного минералога, геохимика, профессора Сергея Платоновича Попова (1872–1964). Рассмотрен период его жизни в 30-е годы, военное и послевоенное время. Анализ переписки С. П. Попова с академиком В. И. Вернадским позволил выявить линии интеллектуальной напряженности «провинция – центр» и показать широкий круг общения профессора С. П. Попова. В научный оборот вводятся корпуса документов Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук, Государственного архива Республики Крым, Института археологии Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, позволившие раскрыть неизвестные сюжеты о работе геолога в Симферополе. Показаны попытки ученого выехать из Крыма в связи с угрозой увольнения в различные академические центры, которые закончились переездом Попова в Воронеж. Деятельность ученого показана на фоне проходивших в стране и в ее отдельном регионе социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: С. П. Попов, В. И. Вернадский, Крымский гос. педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Воронежский государственный университет.

В предыдущей статье мы рассмотрели становление Сергея Платоновича Попова как ученого-геолога в 20-е годы XX столетия и его бурную научную и административную деятельность в стенах местного университета (с 1925 г. – педагогического института) и в иных научных учреждениях Крымской АССР [1]. Тяжелый период в жизни крымских научных работников наступил в конце 20-х годов. 28 апреля 1929 года Совет Народных Комиссаров РСФСР издал постановление, которым передал Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, а соответственно и являвшиеся его подразделениями Крымский научно-исследовательский институт и Крымский рабфак имени И. Н. Назукина в ведение Наркомпроса Крымской АССР. За Наркомпросом РСФСР оставались лишь контролирующие функции над этими учреждениями. Принятое решение стало своеобразным откликом на решения XVI Конференцию ВКП(б) о переходе СССР к плановым механизмам развития экономики и социалистической модернизации народного хозяйства [2]. Перевод на республиканский уровень финансирования должен был способствовать мобилизации дополнительных средств из регионального бюджета, стимулировать поиск зарабатывания денег самими институтами.

Заметим, что в период с 1925 по 1929 годы бюджет КрымНИИ, руководимого С. П. Поповым, несмотря на все его потуги получить финансирование от Комиссии по изучению производительных сил, был более чем скромным и составлял в 1929 году всего 25640 рублей. Причем на текущие расходы по научной части уходило в год 3 тысяч рублей. Это означало – только 25 рублей в месяц на каждую кафедру. При столь зыбком материальной положении большинство инициатив крымских ученых оставались нереализованными. Перевод Института под контроль Наркомпроса Крымской АССР позволил Совнаркому автономии привлечь дополнительное финансирование от Центрального совета народного хозяйства Крыма, Крымнаркомзема, местных кооперативов и объединений общесоюзных курортов Южного берега Крыма, Евпатории и Сак [3, с. 6–7].

Завершающий год первой пятилетки и разработка показателей второго пятилетнего плана продемонстрировали необходимость оптимизации статей расходной части бюджета Крымской АССР. Это относилось и к деятельности научно-исследовательских организаций, которые решено было оптимизировать путем ликвидации структурных подразделений, дублирующих функции друг друга, устранив все имеющиеся параллелизмы. С. П. Попова все эти нововведения касались непосредственно. С поста директора он ушел в 1930 году. Ученый не хотел

Сергей Платонович Попов

слыть организатором массового сокращения должностей и быть источником личных человеческих трагедий. Вместе с тем, работа в Крымском научно-исследовательском институте составляла значительную часть его научного потенциала и материального обеспечения. Сергей Платонович получал время от времени предложения о работе в академических центрах. Так, в 1929 году его приглашали на должность старшего геолога в Геологический комитет. Но он посчитал этот переход неравноценным его научному статусу в Симферополе. Кроме того, в Ленинграде предоставляли лишь комнату в коммуналке.

В КрымНИИ все громче звучали идеи о ликвидации имеющейся секции геологии, химии, почвоведения, а также астрономии и передача их задач сектору геофизики. В планах руководства было присоединить секцию минералогии к сектору геофизики. С 4 июля 1932 года руководство КрымНИИ, опираясь на директивы коллегии

Наркомпроса Крымской АССР, приступило к разработке проекта оптимизации. К осени 1932 года были представлены уточненные варианты изменений структуры научного учреждения и нового штатного расписания. Они предполагали наличие в

КрымНИИ пяти секторов с секциями. Руководил Институтом в период реорганизации крымский экономист Шейх Шейхович Садлаев (1905–1937). Сотрудники Института были разделены на три категории: действительные члены, научные сотрудники I и II разрядов. Сектор геофизики и минералогии возглавил заведующий кафедрой математики Крымского пединститута Евгений Федорович Скворцов. Совместно с ним действительными членами являлись преподаватели пединститута С. П. Попов и П. Т. Данильченко. Р. А. Аллик получил должность научного сотрудника I разряда и руководил атмосферно-оптической станцией, штат которой составляли наблюдатели Тихановская и Острый [4, л. 74–75, 103–104].

Евгений Федорович Скворцов

К концу Первой пятилетки в Симферополе собрали второй съезд по изучению производительных сил Крыма. Полностью подчиненный производственной тематике форум проводился в основном в секционном формате. Так старались повернуть делегатов от общей говорильни к практическому обсуждению конкретных вопросов. Пленарное заседание прошло только в первый вечер работы 1 декабря 1931 года. Съезд открыл член Президиума Госплана Крымской АССР В. Б. Лукьянов с докладом «Мощным прожектором науки и техники осветим природные богатства страны». В этом направлении профессору С. П. Попову было, что предложить для реализации [5; 6].

13 мая 1933 года Сергей Платонович сообщил В. И. Вернадскому:

«Дорогой Владимир Иванович,

давно, давно не писал Вам и не имел от Вас известий. Знаю о Вас только, что Вы в Ленинграде и, кажется, ничего особенно плохого с Вами не случилось. Сам я за это время много болел, старость сказывается жестко. **Работаю, сколько могу** [выделено нами – А. Н.], хотя не могу сказать, чтобы обстоятельства складывались благоприятно для работы. Сейчас печатаю две статьи о Крымских боратах, одну в журнале нашего Иссл[едовательского] И[нститу]та, другую в томе «Крым» издания «Геологии России», предпринятого Союзгеолразведкой. В этом же томе печатаю «Железные руды» и «Кальциты» (Крыма, конечно). Очень доволен, что появятся, наконец, результаты моих работ по железным рудам, отчеты о которых до сих пор мариновались Геол[огическим] комитетом. Принялся теперь за две большие работы сводного характера – «Геохимия Крыма» и «Грязевые вулканы». Очень все тормозит недостаток литературы, которой здесь нет – ездить же в Ленинград не удается благодаря болезням. И в прошлую, и в эту зиму я собирался совсем поехать и каждый раз заболел, в этом году вторично собрался было в апреле и опять

Павел Трофимович Данильченко

заболел. Как обстоит дело с Вашей статьей о «воде», которую Вы давно уже собирались написать? Вышла ли она? Меня она особенно интересует в отношении вод нефтяных месторождений и грязевых сопок. По Крымско-Кав[казскому] району кое-какие материалы у меня есть, но в отношении Бакинского слабо, а между тем они мне очень нужны были бы. Не дадите ли Вы мне каких-либо указаний в этом направлении? Работа по геохимии Крыма требует средств. Два года тому назад, когда я был в Ленинграде, Геол[огический] комитет давал мне на эту работу 6000 р[ублей], но по моем отъезде работа сорвалась ввиду реформирования Геолкома. После этого мне уже ничего не удалось от них добиться в этом напр[авлении], хотя еще недавно я писал

Черных об этом. Положение мое относительно работы прогрессивно ухудшается постепенным сокращением нашего Вуза. С осени две кафедры химии, одну из к[ото]рых я занимаю, сливаются, т. о., я уже не буду занимать кафедры и, след[овательно], иметь лаборатории. Приходится пожалеть о том, что я два года тому назад не остался в Ленинграде, когда мне предлагали старшего геолога в Г[еологическом] ком[итете], я же не остался из-за отсутствия квартиры. Надо было перетерпеть, как-ниб[удь], с течением времени устроилось бы. Но все это дело прошлое, а теперь опять подыскиваю себе место. Жена моя служит в Гидрометеорол[огическом] комитете, но служба тяжело отзывается на ее слабом (туберкулезном) организме, и она много хворает.

Собираетесь ли [отдыхать] летом и куда? Как поживает Елизавета Дмитриевна [Ревуцкая], я давно об ней ничего не слыхал, служит ли она еще в Академии или нет?

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне мой привет. Пишите по домовому адресу. Ваш С. Попов.

13. V. [19]33. Симферополь, Крестьянская, 5» [7, л. 18–18 об.].

Упомянутое в письме реформирование Геологического комитета состоялось в январе 1930 года. Данная научная структура была упразднена, а функция координации и планирования геологоразведочных работ переданы Главному геолого-разведочному управлению в Москве. Научный коллектив геологов в Ленинграде тогда был реорганизован в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт. Понятно, что названный в письме минералог Виктор Васильевич Черных (1899–1941) – выпускник Петроградского горного института (1924 г.), хранитель Горного музея Петроградского горного института, а с 1925 года ученый секретарь Ленинградского горного института, с 1933 года – заведующий

кафедрой минералогии этого института, ничем не мог помочь симферопольскому коллеге.

Слияния кафедр, про которое с грустью сообщал С. П. Попов, было не избежать. Перевод с осени 1929 года Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе с республиканского финансирования (РСФСР) на местный бюджет (Крымской АССР), понятно, привел к оптимизации вуза. Сокращалось количество отделений, факультетов и кафедр, а, значит, и профессорско-преподавательский состав [8, с. 82–94].

Наталья Егоровна и Владимир Иванович Вернадские. 1930-е годы

25 мая 1933 года С. П. Попов продолжал в диалоге с академиком В. И. Вернадским тему некомфортной для него обстановки в пединституте:

«Дорогой Владимир Иванович,

на днях я получил Ваш новый выпуск «Истории минералов», за который очень благодарен. Я писал Вам в начале мая, кажется, 3-го числа. Как раз обращались с вопросами по поводу нефтяных сопочных вод и некоторыми другими. Получили ли Вы мое письмо? Я заканчиваю сейчас две работы по боратам и меня очень затрудняет отсутствие здесь литературы – особенно касательно кавказских сопоч – насколько распространена в них борная кислота – по-моему, там она лишь для некоторых сопоч, но не составляет общего явления для сопочных вод. В Вашей

работе в этом выпуске пока этих данных тоже нет, подбор же литературы у нас очень плох.

В связи со всякими сокращениями дела мои очень неважны, кажется, я скоро окажусь совсем не у дел. Всего лучшего, пишите. Жаль, если Вы не получили моего письма. Наталье Егоровне привет. Посылаю Вам бандеролью отписки моих работ за последние годы.

Ваш С. Попов. 25. V. [1933]» [7, л. 17].

Действительно, в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе все шло к полной чистке профессорско-преподавательского от «старых» кадров – грамотных, знающих иностранные языки, имеющих стойкие коммуникации с европейскими специалистами, уважающих себя остепененных преподавателей, которые отказывались проводить партийную линию при чтении своих курсов. В вузе работала специальная комиссия обкома партии, которая стала предвестником факультетских «чистельных» комиссий. В докладе, озвученном проверявшими на бюро Крымского обкома ВКП(б) звучало следующее:

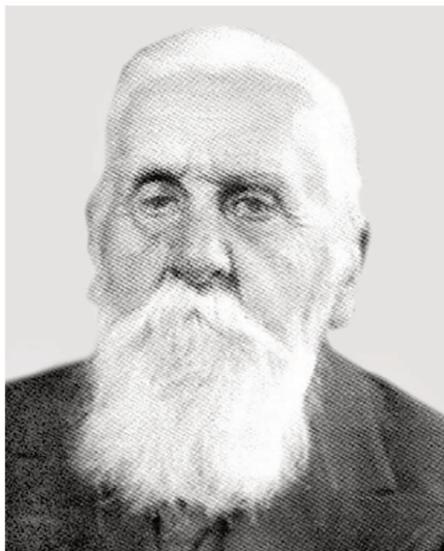
«Пединститут, организованный (в 1925 г.) на базе бывшего Таврического университета, организационно оформился в период господства в Крыму контрреволюционного правительства Сулькевича (1918 г.), сохранил в профессорско-преподавательском составе часть старой реакционной профессуры, имевшей в прошлом значительное влияние на работу Института, которое не изжито еще до настоящего времени. Весь профессорско-преподавательский состав по анализу материалов обследования ориентировочно разбивается на три основные группы: а) реакционная часть, <...> не проявляющая стремления к перестройке, враждебно относящаяся к мероприятиям партии и правительства, ведущая тихой сапой борьбу с мероприятиями по перестройке вуза, стремящаяся подчинить своему влиянию неустойчивые элементы из преподавателей и студенчества. <...> В связи с изменившейся обстановкой в Институте, реакционная часть профессорско-преподавательского состава изменила формы и методы своего сопротивления: ведя борьбу с руководством, она одновременно стремится расширить круг своего влияния и парализовать классовую бдительность у малоустойчивой части профессорско-преподавательского состава, студенчества и отдельных членов партии, стремится показать всеми способами себя обиженной, униженной, гонимой и, обрастая сочувствующими, ведет борьбу против партийного руководства, перестройки работы Института, каденции профессорско-преподавательского состава и вообще против всех мероприятий партии и правительства. <...> В педагогической работе реакционная профессура допускает ряд извращений марксистско-ленинской идеологии и протаскивает идеологически чуждые мировоззрения. <...>

ПОПОВ. Искусственно усложняет читаемый курс химии так, что студенчество его не понимает. Свою исследовательскую работу скрывает от ассистентов и аспирантов, не оказывает помощи в повышении квалификации младшим научным работникам. Открыто возражал против назначения к нему ассистентов татар, требуя замены их русскими. Неоднократные требования внести в программу отражение

методологии диалектического материализма остались невыполненными. От участия в общественной работе кафедры отказывается <...>».

Комиссия призвала принять решение о необходимости жестко отвечать «на вылазки реакционной профессуры», вести борьбу «за чистоту марксистско-ленинской методологии в педагогическом процессе вуза в целом, <...> с имеющими место методологическими и методическими извращениями, <...> с великодержавническими настроениями и с фактами открытого проявления и протаскивания великодержавнического шовинизма, а также с конкретными носителями его» [9, л. 146–150].

В мае 1934 года Крымский обком ВКП(б) принял постановление, где ставилась задача «провести систематические разоблачения извращений и враждебных выступлений преподавателей Крымского пединститута, протаскивающих до самых

Арсений Иванович Маркевич

последних дней чуждую идеологию». Среди таких ученых одной из первых значилась фамилия работавшего в Таврическом университете деканом историко-филологического факультета профессора А. Н. Деревницкого, который решил организовать протест против очередного назначения директором института партноменклатурной кандидатуры. Тогда профессура добилась своего [10, с. 138]. Отзвуки об этих грустных для крымоведения событиях содержат письма лидера крымских краеведов Арсения Ивановича Маркевича к историку Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко (1884–1973), проживавшей в Киеве. 25 июня 1934 года А. И. Маркевич сообщал коллеге: «<...> Настроения у нас здесь в последнее время гадкие из-за отвратительной травли старых профессоров педагогического института Лукьяненка

Александра Митрофановича и Деревницкого. Деревницкий хлопочет об усиленной пенсии и остается на жительство здесь, бросая преподавание. Теперь, кто только может, уходит из Крыма» [см. подробнее: 11, с. 169–180.]. С. П. Попов, получивший от партийных контролеров нелестные характеристики, имел реальные основания лишиться места профессора в пединституте. Об этом он рассказывал и в следующем послании в Ленинград 3 марта 1934 года с надеждой, что Вернадский все-таки поможет ему с трудоустройством в столицах:

«Дорогой Владимир Иванович,

слышал, что Вы вернулись в Ленинград, и пишу Вам по очень важному для меня делу. Я был в конце ноября в Ленинграде и пытался выяснить, нельзя ли мне устроиться на службу в Ленинграде, особенно в учреждениях Академии [наук].

Много есть причин, дорогой Владимир Ив[анович], мне стремиться к этому, а главным образом то, что хотелось бы остаток жизни посвятить работе научной в своей области. Я пенсионер и мне надо немного, и я не претендую на какие-либо важные места. Я думаю, Вы поймете мои стремления и, если возможно, поможете мне. По совету [директора Геохимического (в 1932–1937 гг. Ломоносовского) института] Дм[итрия] Ив[ановича] Щербакова я в декабре подал заявление в Академию [наук], прося предоставить мне место старшего специалиста; Дм[итрий] Ив[анович] говорил, что провести меня будет нетрудно, и главные затруднения видел в квартирном вопросе. Это я понимаю, но, чтобы иметь право выехать в Ленинград по нынешнему времени, необходимо иметь приглашение на место – я и думал, как только получу его, послать жену в Ленинград и так или иначе добиться к лету какого-ниб[удь] пристанища. Однако с тех пор никаких я известий от Дм[итрия] Ивановича не имел, несмотря на мои письма.

Может быть, Вы, дорогой Влад[имир] Ив[анович], не откажете похлопотать немного обо мне в этом отношении, вероятно, в последний раз в нашей жизни.

Как Вам ездило и над чем Вы теперь работаете? Я сейчас пишу «Очерк геохимии Крыма» для местных учреждений и, кроме того, взялся составить «Минералогию Крыма» для Академии. Кроме того, написал несколько очерков для тома «Крым» Геологии России, издающейся Геолразведкой.

Итак, пока всего лучшего. Надеюсь, так или иначе скоро с Вами увидятся. Наталье Егоровне мой сердечный привет. Ваш С. Попов.

3. III. [19]34» [7, л. 20–20 об.].

Несмотря на тяжелую моральную обстановку в вузе, нависавшую угрозу увольнения, как видно из текста, С. П. Попов продолжал активно работать. Получив заявку Госплана Крымской АССР, в это время ученый готовил «Карту зонирования Крыма по полезным ископаемым» (Симферополь, 1935) и «Геохимический очерк подземных вод» (Симферополь, 1935) [12, л. 1]. Эти работы ученый проводил совместно с коллегой по пединституту, близким товарищем В. И. Вернадского Петром Абрамовичем Двойченко (1883–1945) [см. подробнее: 13].

Через месяц 3 апреля 1934 года С. П. Попов сообщал Вернадскому:

«Дорогой Владимир Иванович,

получил и с большим удовольствием прочитал Ваше короткое письмо – столько около Вас всегда научных интересов! Мы здесь отвыкли от этого. Я задержался с ответом, потому что немного надеялся, что Вы черкнете что-ниб[удь] дополнительно, переговорив с Дм[итрием] Ив[ановичем] Щербаковым]. От него я так-таки и не получаю никакого ответа, несмотря на двукратные письма. Так что я и не знаю, в каком положении дело обо мне, и, судя по отсутствию ответа, думаю, что в скверном. Что делать дальше, не знаю. Приехать сейчас в Ленинград самому – мне очень трудно, могут просто не отпустить в И[нститу]те. А летом, если приеду, пожалуй, никого не застану и говорить будет не с кем. Я вообще не понимаю, в чем дело – Дм[итрий] Ив[анович] при свидании говорил, что провести меня будет не трудно, сказал, чтобы я подал заявление с обозначением тем, в которых я желал бы работать, и когда все это было сделано, никакого ответа... Признаюсь, мне это

непонятно – в прежнее время люди были, по крайней мере, вежливее. Телефон у Д[митрия] Ив[ановича], по-моему, есть – 97-49.

Я сейчас работаю над «Минералогией» и «Геохимией Крыма», работаю с интересом, но, когда закончу, хотел бы уже отойти от Крыма и заняться более общими и теоретическими вопросами. А для этого нужны библиотеки...

За присылку «Истории природных вод» очень Вас благодарю – до конца я ее еще не прочитал, но кое-что уже накопилось. Я теперь очень интересуюсь и сопочными водами, которые, по-моему, не совсем одно и то же, и, судя по Вашей классификации, в конце книги, Вы их тоже определенно различаете. Очень хотелось поговорить с Вами по многим вопросам...

Пока что будьте здоровы и пишите. Если сможете сделать что-ниб[удь] для меня, буду благодарен. Всего лучшего. Наталье Егоровне мой сердечный привет.

Ваш С. Попов.

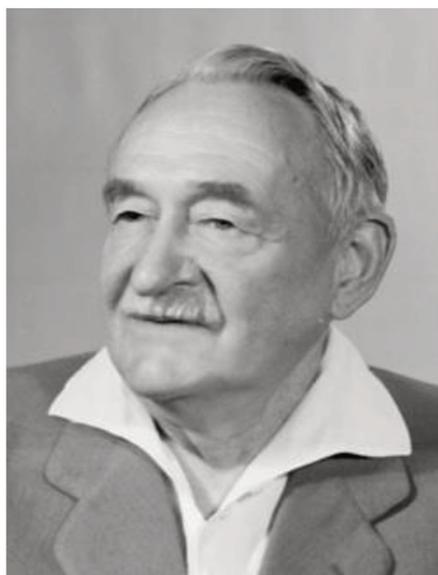
3. IV. [19]34.

Пишите по моему домовому адресу: Симферополь, Крестьянская, 5, мне [7, л. 21–21 об.].

В этот сложный для Попова, как и для всего Крымского пединститута, год ученый писал письма часто. После вмешательства Вернадского Д. И. Щербаков все-таки ответил Попову и вопрос о его трудоустройстве в Ленинграде сдвинулся с мертвой точки. 12 июня 1934 года, Сергей Платонович отправил послание с выехавшей в Ленинград супругой:

Дорогой Владимир Иванович,

жена моя передаст Вам это письмо. Мы совсем собрались переезжать в Ленинград. Я должен ликвидировать здесь все свои дела, а между тем, мое положение в Ленинграде все еще достаточно неопределенно. Сам я до начала июля не могу сдвинуться с места, т. к. у нас

Дмитрий Иванович Щербаков

экзаменационный период, и я очень загружен. Поэтому пришлось послать устраиваться жену. Очень прошу Вас помочь ей, в чем возможно. Главное – это чтобы она получила удостоверение о моем принятии на службу, чтобы мы могли прописаться в Ленинграде. Иначе как мы можем нанять квартиру, на что, м[ожет] б[ыть], придется затратить много денег. Жене помогите хотя бы советом. Пока всего лучшего. Надеюсь, скоро увидеться. Ваш С. Попов.

12. VI. [19]34 [7, л. 22].

24 октября 1934 года С. П. Попов по-прежнему находился в Симферополе. Устроиться на работу в Ленинграде у него не получилось. Местные компетентные органы насторожили анкетные данные супруги Попова. А из Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе он уволился. Профессор, по информации его

ученика П. М. Мурзаева, устроился на работу в Сталиновский горный институт (город Сталино – современный Донецк) [14, с. 367]. При этом он сохранял работу по договору в Симферополе и продолжал зондировать возможность переехать в какой-либо академический центр:

«Дорогой Владимир Иванович, думаю, что Вы уже вернулись в Ленинград. Слышал, что Вы отдыхали в Узком. Думаете ли Вы переезжать в Москву и если думаете, то когда? Я все еще в очень неопределенном положении – здесь уже оборвал, а к другому берегу пока не пристал. Думаю, в ноябре поехать в Москву выяснить свое положение.

У меня к Вам след[ующая] просьба – нет ли в Радиологическом и[нститу]те сведений о радиоактивности пород, грязей и источников Крыма? Здесь кроме тех определений, которые производились местными учреждениями, я ничего не могу достать. Конечно, если это Вас не затруднит – у меня такие представления, что в Радиологическом] и[нститу]те должны такие сведения как-ниб[удь] регистрироваться, но, м[ожет] б[ыть], я ошибаюсь. Может быть, были какие-ниб[удь] экспедиции с этой целью из столиц – об этом мы тоже узнаем, только очень поздно.

*Александр Силович Моисеев.
30-е годы*

Когда появится второй выпуск Ваших «Природных вод» – я сейчас, как раз вожусь с водами Крыма для «Минер[алогии] Крыма» – имеющийся материал совершенно хаотичен.

Пока всего лучшего, м[ожет] б[ыть], скоро, увидимся. Привет Наталье Егоровне. Ваш С. Попов.

24. X. [19]34. Симферополь, Крестьянская, 5» [7, л. 19–19 об.].

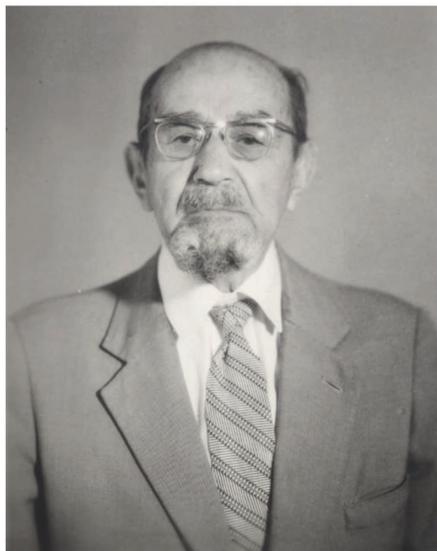
Вопрос Попова о возможности переезда В. И. Вернадского в столицу был связан с решением правительства СССР в августе–сентябре 1934 года о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Владимир Иванович переехал в Москву в июне 1935 года. К этому времени в жизни Попова началась определенная активность. 18 марта он сообщал:

«Дорогой Владимир Иванович, посылаю Вам список трудов и Curriculum [автобиография с указанием научных достижений], собственно, Академия должна была прислать их Вам, так как я оставил списки в Москве. Отзыв направить Д. И. Щербакову в Москву – он передаст в Комиссию, которая этим занимается.

Открытку Вашу я получил только вчера. Судя по имеющимся штемпелям, она совершила предварительную прогулку по Волге.

Очень благодарю Вас за согласие взять на себя этот труд. В Геолтресте (ЦНИГРИ) у А. С. Моисеева имеются рукописи моих четырех работ, которые будут печататься в VIII томе «Геологии СССР», издаваемой ЦНИГРИ (том «Крым»). Если Вам понадобятся эти статьи, можно Вам их доставить. Напишите открытку П. М. Мурзаеву (ул. Рубинштейна, дом 3, комн. 1) и он Вам их доставит. Можно также позвонить в ЦНИГРИ Александру Силовичу Моисееву, чтобы он Вам их прислал на время – они в трех копиях, и поэтому это не затруднительно. Я, впрочем, напишу сам Мурзаеву – он Вам позвонит и спросит, нужны ли они Вам, или просто Вам доставит.

Пока всего лучшего. В июне думаю побывать в Москве и Ленинграде, но, вероятно, Вас уже там не застану. Ваш С. Попов.

Петр Макарович Мурзаев

18. III. [19]35» [7, л. 30–30 об.].

Автобиография С. П. Попова и список основных трудов, отправленные им Вернадскому, сохранились в личном архивном фонде академика [15, л. 1–4]. Напрашивается вопрос, в связи с чем возникла эта суэта со срочной передачей автобиографии и других бумаг, оригиналов наиболее значимых публикаций Попова и списка его трудов в столицу? Предположение о том, что В. И. Вернадский в этот хронологический отрезок рассматривал возможность баллотировать своего коллегу в члены-корреспонденты АН СССР [16, с. 175] представляется сомнительным. Возможно, речь шла об очередном представлении кандидатуры симферопольского геолога в одно из научно-исследовательских подразделений Академии наук. Бумаги могли

быть востребованы для оформления договора в Академии наук СССР, где Попову заказывалась разработка фундаментального издания «Минералогия Крыма». Естественно, поступало финансирование. Но, скорее всего, в это время документы могли потребоваться для получения Поповым докторской степени без защиты диссертации – по совокупности публикаций. Именно этим вопросом в данное время симферопольский исследователь активно занимался. И в этом ему, как всегда, помогал В. И. Вернадский. По этому поводу потребовался отзыв академика о трудах С. П. Попова, который незамедлительно был составлен и передан в Государственный ученый совет.

В письме упоминается общий знакомый Вернадского и Попова, их коллега на ниве крымоведческих штудий Александр Силович Моисеев (1893–1939) – колоритный и все еще малоизученный деятель, сыгравший значительную роль в разных аспектах изучения Крыма в довоенную эпоху. После окончания

Ялтинской гимназии в 1911 году он поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета. С 1914 года активно участвовал в геологических исследованиях в Крыму. Начав свою краеведческую деятельность как действительный член Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, А. С. Моисеев еще в досоветское время разработал цикл экскурсий по Южному берегу Крыма: ботанические, геологические, археологические. В 1917 году А. С. Моисеев был оставлен профессором А. П. Павловым при кафедре геологии Московского университета для приготовления к профессорскому званию. В революционное лихолетье, вынужденный покинуть Москву и вернуться в родные пенаты, он служил младшим ассистентом в Естественно-историческом музее в Ялте (бывший музей горного клуба). С 1920 года А. С. Моисеев стал ассистентом по кафедре геологии и кристаллографии Таврического университета, где познакомился и начал сотрудничать с В. И. Вернадским. В 1924 году он перешел на службу в Ленинградский государственный университет, на кафедру геологии, где в 1929 году получил звание доцента, а в 1934-м стал профессором. Основные работы ученого посвящены стратиграфии и палеонтологии юрских отложений Крыма и Кавказа, среди которых главное значение имеют работы по мезозойским брахиоподам. А. С. Моисеев является редактором «Геологической карты Крымской АССР» (масштаб 1:500 000), опубликованной в 1937 году [17, л. 1–3]. В поле научных интересов Александра Силовича всегда находились и вопросы древней истории полуострова. Палеолит, мезолит и неолит полуострова он практически изучал на протяжении почти десяти лет, проводя самостоятельные полевые изыскания на горных плато и Южном берегу Крыма. Моисеев, принимал участие и в академических археологических экспедициях, тесно общаясь с ведущими археологами О. Н. Бадером, Г. А. Бонч-Осмоловским, Б. С. Жуковым. В течение 1916–1922 годов ученый проводил комплексное планомерное обследование плато (яйл) Главной гряды Крымских гор, ориентируясь как на уже известные местонахождения и стоянки, так и выявляя новые памятники каменного века. Всего им было обнаружено и описано 24 памятника [18].

Вынужденное «сидение» в Симферополе в связи с неудачной попыткой получить должность в Ленинграде позволило С. П. Платонову пользоваться местными материалами для окончания работы над основным трудом его жизни «Минералогия Крыма». 26 мая 1935 года Попов сообщал Вернадскому:

«Дорогой Владимир Иванович.

Очень извиняюсь, что задержался с ответом. Отзыв Ваш получил и чрезвычайно Вам благодарен. Сейчас я страшно загружен «Минералогией Крыма», которую спешу закончить, т. к. Академия меня торопит. Как всегда, становится жаль, что не успел сделать того-то и того-то.

Из Ваших последних работ я получил «Геохимию» и «Ciallque cons, sur l'etuelle des alumoticotés», что касается «Problimes de la radiologie», то их у меня нет.

Что касается моего переезда в Москву, то ничего не могу сказать. От Ломон[осовского] и[нститу]та [Институт геохимии, кристаллографии и минералогии им. М. В. Ломоносова с 1934 года работал в Москве – А. Н.] не получаю по этому поводу никаких известий и думаю, что они совершенно оставили это дело или забыли о нем. Было бы неплохо, если бы Вы им немного напомнили об этом, хотя бы в форме вопроса. Во всяком случае, в половине июня поеду в Москву сдавать свою «Минералогию». Будете ли Вы еще в это время в Ленинграде или куда-ниб[удь] уже уедете? И куда Вы думаете поехать на лето? Очень хотелось бы с Вами повидаться, но это вполне зависит от того, где Вы будете летом. В Ленинград я, вероятно, приеду из Москвы на несколько дней.

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне и Елизавете Дмитриевне мой сердечный привет. Ваш С. Попов.

26. V. [19]35» [7, л. 23–23 об.].

При непосредственной помощи В. И. Вернадского вопрос о присуждении С. П. Попову степени доктора геолого-минералогических наук по совокупности опубликованных трудов начал продвигаться. 16 июня 1935 года он находился в Москве, где занимался связанными с этим организационными вопросами. Ученый экстренно просил Вернадского о новом отзыве:

«Дорогой Владимир Иванович,

в Академии я узнал, что для моей докторской степени нужен соответствующий отзыв от Вас о моих трудах и Д. И. Щербakov говорит, что хорошо бы, если б Вы теперь же его написали и переслали или при свидании передали ему (он, кажется, скоро будет в Ленинграде). Очень Вас прошу, дорогой Влад[имир] Иванович, сделать это для меня – кому же и писать обо мне как не Вам. Печатные работы мои Вы все, вероятно, знаете, что касается до [написанных], то мною сданы в печать в VIII том издающейся «Геол[огии] России» след[ующие] работы: 1. Геолого-экономический очерк Крыма. 2. Железные руды Керч[енского] пол[уострова]. 3. Борнокислая минерал[огия] Керч[енского] региона и 4. Месторождения <нрзб> в Крыму. Если эти работы Вам нужны, их можно получить в Ленинграде – Вы мне тогда напишите и Вам их доставят, а «Жел[езные] руды» могу прислать сам.

Если же за недостатком времени Вы их все равно не будете читать и можно обойтись без них – тем проще. Я еще в 1911 году получил степень магистра.

Итак, хотя я сознаю, это для Вас хлопотно, но очень прошу это сделать – по формальным причинам это оказывается необходимым. Всего лучшего. Ваш С. Попов.

16. VI. [19]35. Москва.

Пишу из Москвы, но сегодня же еду в Крым, куда и черкните (Симферополь, Крестьянская, 5)» [7, л. 29–29 об.].

Академия наук СССР решением от 1 ноября 1935 года постановила: «Утвердить в степени доктора геологии С. П. Попова без защиты диссертации. Непременный секретарь академик – В. П. Волгин» [16, с. 175]. 18 декабря 1935 года, С. П. Попов сообщил Вернадскому:

Александр Евгеньевич Ферсман

«Дорогой Владимир Иванович, письмо Ваше от 28. XI. я получил и очень благодарен Вам за желание мне помочь, был бы счастлив работать с Вами, как когда-то в молодые годы. Относительно Д. И. Щербакова мне кажется, что лично ко мне он хорошо относится, м[ожет] б[ыть], он переменялся, как Вы пишете, но у Вас в Л[омоносовском] и[нститу]те все переменялись и более всех Ал[ександр] Евг[еньевич] Ферсман]. У меня за историю моего поступления в Л[омоносовский] и[нститут] (ведь меня приняли на службу, а потом исключили из списков – единственного из научных сотрудников) получилось все же то впечатление, что единственно с кем из начальствующих лиц и[нститу]та можно было поговорить по-человечески – это Дм[итрий] Ив[анович] – с Ал[ександром] Евг[еньевичем], во-первых, толком договориться совершенно невозможно, а во-вторых, он в каждое новое свидание

совершенно забывает, что обещал и о чем говорил в предыдущем... И у меня совершенно твердое впечатление, что отстоять меня он совершенно не попытается... М[ожет] б[ыть], и Щербаков этого не сделает, но ведь у него и положение другое, и возможности, без сравнения, меньшие. Интересно, говорили ли Вы с ним?

Что касается квартиры, то ведь нас с женой двое, и мы довольствуемся самой небольшой – две комнаты (совсем небольшие) с кухней – то же мы имеем и здесь.

Летом все пребывание свое в Москве я провел в препирательствах с редакцией Лигема [Ломоносовский институт геохимии, кристаллографии и минералогии] по поводу своей «Минералогии». Владимир Иванович, что они делают! Ведь это же издевательство над авторами – такой редакции можно подвергать авторов учебников по первоначальной школе, может быть, работы студентов, если их печатают, но ведь научные работы! Редактор, ведь, что называется, не оставляет камня на камне, переворачивает и «поправляет» каждую строчку, пишет «потому что» вместо «поэтому» и т. п. От языка автора, всех его личных особенностей не остается и следа... Не лучше обстоит дело и с научной стороной – вычеркивается, сокращается по полнейшему произволу... Я бы еще мог понять эти приемы, хотя никогда не согласился бы с их правильностью, если бы в Лигеме был постоянный, притом высокоавторитетный редактор, скажем, вроде самого Ал[ександра] Евг[еньевича] или Вас, но ничего подобного – редактора ищут, можно сказать, с собаками по всей Москве и Ленинграду ad hoc [для этой цели], для каждой работы в отдельности, и авторитет его иногда в глазах автора совсем невысок.

Нигде кроме Академии я такого представления об обязанностях редактора не встречал – печатаю я работы в изданиях ЦНИГРИ, в крым[ских] журналах – нигде

нет ничего подобного, да и сам я, как уже многолетний редактор никогда ничего подобного себе не позволял. В акад[емическом] же издательстве это вполне определенная система. Я уже протестовал и скандалил, сколько мог... Редактироваться должна рукопись к январю – что должно в конце концов получиться в результате из моей работы – Аллах ведает. Редактирует ее некий проф[ессор] (петрограф!), которого Вы, вероятно, знаете – я с ним познакомился в последний приезд – он очень милый старичок и произвел на меня очень благоприятное впечатление – но он был охвачен страшными порывами редакторского усердия и, чувствую, сделает из моей работы вермишель. Еще сам не знаю, как я буду реагировать на его редакцию т. к. в окончательном виде ее не видел. Во всяком случае, в январе или феврале придется побывать в Москве ради этой работы – тогда рад буду повидаться с Вами.

Я получил от Академии степень доктора, конечно, благодаря благоприятному отзыву, данному Вами, за который еще раз благодарю Вас. Пока всего лучшего. Ваш С. Попов.

Наталье Егоровне мой сердечный привет.

18. XII. [19]35. Крестьянская, 5. Симферополь» [7, л. 24–25 об.].

В письме от 10 марта 1936 года С. П. Попов продолжил повествование про свои мытарства, связанные с поиском нового места работы:

«Дорогой Владимир Иванович,

все, что Вы пишете, очень печально, но, сказать по правде, я еще в летний свой приезд почувствовал, что попасть в Москву безнадежно. Письмо мое к Вам было, так сказать, попыткой отчаяния – не потому, чтобы я думал, что Вы не захотите мне помочь, а потому, что чувствовал, что дело с квартирой безнадежно и преодолимо разве какими-н[ибудь] «особыми» путями. Путь обмена, который Вы советуете, не может помочь делу – в последнем году примеров обмена здесь в Симферополе было немало – даже сейчас моя кухня из Ленинграда обменивается на Симферополь. Результат этих обменов один и тот же – за более или менее сносное помещение здесь, Вы получаете в столицах клетушку, в которой, кроме стола и кроватей, и поставить ничего нельзя. Мы с женой, дорогой Владимир Иванович, не можем пойти на такие условия жизни – жена моя – больной человек, я уже стар и тоже нуждаюсь в некоторых элементарных удобствах. Иначе мы будем только болеть, и тогда из работы моей ничего не получится. Это с моей стороны вовсе не каприз и не привередничанье, но в 65 лет нельзя не следить за собой, если желаешь работать... Может быть, попытку в форме объявлений в газетах и следует сделать, но я так убежден в том, что это ни к чему не приведет, что неоткуда взяться энергии на это дело. Есть, впрочем, люди, которые немного хлопочут за меня в этом направлении – недели через две-три я приезжаю в Москву на несколько дней и посмотрю, что можно будет сделать. Немедленно по приезде зайду к Вам. В Москве буду проездом в Воронеж, куда меня пригласили прочесть курс минералогии в унив[ерситете], по-видимому, и чтобы там остаться, но не вижу оснований менять Симферополь на Воронеж. Геологич[еский] факультет там только открывается и Минер[алогический] кабинет пока пустое место. Сейчас я работаю по вопросам

распространения в Крыму более или менее редких элементов. Очень интересно, но работа подвигается медленно по ряду неблагоприятных условий – главная беда в том, что не с кем работать – ведь у нас не Универ[ситет], а Пед[агогический] И[нститу]т и у меня нет ни учеников, ни помощников. Интересующаяся молодежь все же есть и здесь, но студенты так загружены обязательными занятиями, особенно педагогикой, что из попыток заняться иссл[едовательской] работой обыкновенно ничего не выходит. А по окончании курса жизнь заставляет загрузиться работой в средней школе или какой-ниб[удь] заводской лаборатории. Две мои ученицы, еще того времени, когда у нас был Университет и Минер[алогический] каб[инет], теперь делают одна консервы, а другая мыло. А люди живые и способные, и даже на этом пути достигли того, что обе являются уже заведующими лабораториями. И сейчас у меня кончают две очень хорошие работницы, которые немного работают у меня по геохимии (по выходным дням!), но и им, конечно, по окончании И[нститу]та придется варить мыло.

Вновь стал заниматься под влиянием запросов местной жизни минеральными водами Крыма. Есть ли у Вас мои работы в этом направлении? Если нет, привезу.

Что касается моих споров с редакцией, то я вовсе не думал привлекать Вас к этому делу, и я вовсе не жалею на отношение ко мне, наоборот, со мной считаются, пожалуй, больше обычного, но я никак не могу (и не я один) согласиться с тем общим отношением к научным работам, которое принято в редакции Лигема. Насколько я мог понять, это установки вечного А[лександр] Е[вгеньевич] Ферсмана, по крайней мере, и Щербаков, и Долгополов, когда с ними поговоришь, с Вами соглашаются, но говорят «у нас такие установки». Я сейчас выпустил как редактор № «Известий» И[нститу]та (Химич[еский] отдел) и ни разу, если автор писал «оттого что», не переправил на «потому что», а ведь это и составляет главную работу редакторов Академии. Не могу согласиться и с тем, что рукопись представлена в необраб[отанном] виде – я бы именно и хотел, чтобы она в таком виде была напечатана и по возможности меньше испорчена «обработкой», которая в конце концов может принять невыносимые размеры.

В конце Вашего письма Вы пишете, что заняты работой по вычислению состава биосферы по [морям и океанам] нашей страны. Не могу ли я Вам помочь материалами Крыма? Если да, то я охотно это сделаю.

Пока всего лучшего, скоро увидимся. Ваш С. Попов.

10. III. [19]36. Крестьянская, 5» [7, л. 31–32 об.].

Как мы видим, в марте 1936 года профессор только упоминал о приглашении прочитать курс в Воронежском госуниверситете. И планов перебраться окончательно в Воронеж пока у него не было. В этой связи уточним данные публикации воронежских коллег. Там утверждается, что С. П. Попов заведовал кафедрой минералогии и петрографии на геологическом факультете Воронежского университета с 1934 по 1942 годы [19, с. 222]. Администрация Воронежского университета была крайне заинтересована в переходе к ним авторитетного геолога. Сергей Платонович поставил условия – выделение для него с женой отдельной квартиры с удобствами и организация в университете научной лаборатории для

проведения научных исследований и практических занятий со студентами на современной аппаратуре. Это требовало значительного финансирования для закупок оборудования. Просьбы профессора были приняты руководством вуза. По сравнению с педагогическим институтом в Симферополе, где его научные разработки были малоинтересны номенклатурной администрации, университет в Воронеже давал определенные перспективы именно в ученой сфере. Работать в Воронеже ученый стал с осени 1936 года наездами, пока еще проживая значительную часть времени в Симферополе. Жилье сразу не нашли, но пообещали решить вопрос в течение текущего года. Профессор окончательно переехал только летом 1938 года, о чем свидетельствуют строки последующих посланий Вернадскому. Так, 30 мая 1936 года Сергей Платонович сообщал:

«Дорогой Владимир Иванович,

пишу Вам еще из Воронежа, но завтра уже возвращаюсь в Симферополь. Кажется, что я уже решил на переход с осени в Воронеж. Если квартира окажется удовлетворительной и обещанные ассигнования на устройство лаборатории будут реализованы, я перееду. Летом думаю из Москвы, где рассчитываю быть в июне, заехать сюда, посмотреть, что сделано, и тогда окончательно решу. Преимущества перед Симф[ерополем] лишь те, что я буду работать по специальности и вообще буду меньше загружен – это тоже немало. А пока что кафедра минералогии существует лишь номинально т. к. нет ни помещения, ни оборудования – все бывшее оборудование за период пустования кафедры куда-то исчезло – не осталось ни одного микроскопа. Жаль Крыма, где мне следовало бы умереть, но, в конце концов, не все ли равно. Обещают здесь дать много, но цена обещаний в наше время хорошо известна.

В Симферополе у меня еще целый месяц экзаменационной работы и только с июля я освобождаюсь. Прочитал за 40 дней полный курс минералогии – читал по 4 [лекции] по 6 ч. в день. Это трудновато и я устал порядком, тем более, что еще работал над рукописями «Минералогии Кр[ыма]», стараюсь привести ее в мало-мальски приемлемый для меня вид – вчера лишь отправил ее в Москву. Если Вас не затруднит очень, скажите, пож[алуйста], пару слов Щербакову, чтобы они уже больше ничего не переделывали – они Вас очень слушают. Боюсь, что при моем приезде Вас уже в Москве не будет – приеду я не ранее 5 июля, Вы, должно быть, уже уедете за границу, а хотелось бы повидать Вас до отъезда.

Стараюсь перетащить сюда Мурзаева в качестве доцента по петрографии, но у него, кажется, навертываются шансы устроиться в Москве, и пока это не выяснится, он не поедет. Придется теперь также <найти> ассистента – все мои ученики рассеялись по разным углам СССР и сидят прочно, пожалуй, никого не сдвинешь.

Всего лучшего, напишите, когда уезжаете и надолго ли.

Адр[ес]: Симферополь, Крестьянская, 5.

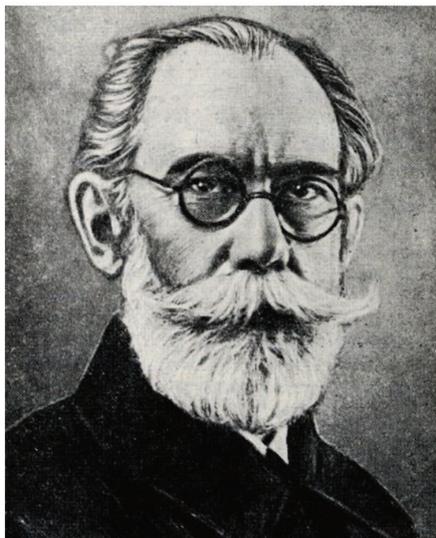
Наталье Егоровне мой привет. Ваш С. Попов.

30. V. [19]36. Воронеж» [7, л. 33–33 об.].

С. П. Попову удалось «перетащить» в Воронеж своего воспитанника П. М. Мурзаева. Он начал работать на кафедре минералогии и петрографии в Воронежском университете с 1938 года.

13 февраля 1937 года еще из Симферополя С. П. Попов сообщал:

«Дорогой Владимир Иванович,
давно не имел от Вас известий. Мурзаев писал мне, что Вы были в Ленинграде. Что слышно насчет съезда минералогов? На днях я был в Днепропетровске, видел там Л. Л. Иванова, он мне говорил, что Вы ему писали, что съезд будет скоро. Для нас, провинциалов, были бы желательны персональные приглашения – тогда можно было бы хлопотать в командировках. И, во всяком случае, оповещения надо бы сделать заблаговременно. А ведь летом будет еще межд[ународный] геологич[еский] конгресс – надо бы, чтобы эти два съезда не были бы слишком близки один от другого.

Леонид Ликарионович Иванов

У нас все довольно [мило] и тихо. Работаем, сколько можем. Пока всего лучшего. Может быть, скоро увидимся. Ваш С. Попов.

13.11. [19]37. Симферополь, Крестьянская, 5» [25, л. 34].

Упоминается геолог, минеролог Леонид Ликарионович Иванов (1877–1946), однокурсник С. П. Попова по Московскому университету, ученик В. И. Вернадского. С 1908 года он служил профессором Екатеринославского высшего горного училища, затем Днепропетровского горного института. С. П. Попов посвятил его памяти некролог [20]. В послании речь идет про съезд геологов. Последний состоялся в 1928 году в Ташкенте. В данный период съезд так и не был созван. Упомянут XVII сессия Международного геологического конгресса, которая проходила в Москве с 21 по 28 июля 1939 года.

Через месяц 18 марта 1937 года Попов сообщал из Симферополя:

«Дорогой Владимир Иванович,
открытку Вашу я получил, но, очевидно, минералогический съезд (предварительный), о котором Вы писали, не состоялся, так как уже прошла половина марта, а он, помнится, предполагался в первых числах. И состоится ли вообще съезд минералогов? Ведь этим летом должен быть международный геологический конгресс, и, пожалуй, два съезда трудно будет осуществить. Очень бы хотелось знать реальные шансы осуществления того и другого, – если Вас не затруднит очень – напишите. Поедете ли Вы в какую-нибудь экскурсию международного съезда и, если да, то в какую? Меня командирует на съезд Воронежский у[ниверсите]т, я думаю попасть в Кавказскую экскурсию.

Занимаюсь пока разными частными вопросами крымской минералогии, если перееду в Воронеж, от Крыма отстану, и хотелось бы еще выяснить некоторые вопросы его минералогии.

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне и мой сердечный привет. Ваш С. Попов. 18. III. Симферополь, Крестьянская, 5» [7, л. 28–28 об.].

Письмо свидетельствует, что С. П. Попов уже находился в штате университета в Воронеже. Вуз был готов финансировать его поездку на съезд, но научный форум не сложился. Следующее послание Попова не датировано, но по упомянутым там госпитализациям академиков А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского его можно атрибутировать апрелем 1937 года.

«Дорогой Владимир Иванович, давно уже не имею от Вас известий. Поправились ли Вы уже от гриппа. П. М. Мурзаев писал мне из Ленинграда, что туда был привезен из Хибин Александр Евгеньевич совершенно больной, что с ним такое?

Как обстоят дела с Минер[алогическим] совещанием? Я давно уже получил извещение от Оргбюро о его созыве, но точный срок не указан; я писал об этом в Оргбюро, но пока не получил ответа. М[ожет] быть, в связи с нездоровьем Вашим и Ал[ександра] Евг[еньевича] совещание отложат.

Я уже выхлопотал себе командировку на него. Если же совещание не состоится, вероятно, все-таки заеду в Москву проездом в Воронеж в половине мая. Но будет жаль, если совещание не состоится.

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне и мой сердечный привет. Ваш С. Попов.

P.S. Недавно получил от Президиума Академии наук извещение, что мне присуждена докторская степень без защиты диссертации постановлением президиума Академии от 15. III. [19]37 года. Ничего не понимаю. Ведь совершенно такое же извещение я получил уже полтора года тому назад – о присуждении мне той же степени тем же президиумом 1. XI. 1935 года. И об этом было напечатано в одном из номеров «Известий» Академии. Чудеса» [7, л. 26–27].

В это время и А. А. Ферсман, и В. И. Вернадский болели. В марте 1937 года во время одной из очередных поездок в Хибин А. Е. Ферсман заболел и в тяжелом состоянии был доставлен в ленинградскую больницу, где находился несколько месяцев, а затем лечился на Северном Кавказе. Только в феврале 1938 года он вернулся в Москву. В мае 1937 года В. И. Вернадский проходил курс лечения от сердечной аритмии. Минералогическое совещание из-за болезни академиков было отменено. А повторное «присвоение» Попову докторской степени связано с канцелярской ошибкой в канцелярии Государственного ученого совета.

Находившийся в Москве 12 июня 1938 года С. П. Попов писал:

«Дорогой Владимир Иванович, прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за память и за поздравление по поводу моего юбилея. 15-го числа было получено много телеграмм и писем из Москвы и Воронежа. К сожалению, по плохой распорядительности организационной комиссии откуда-то прошел слух, что юбилей 15-го мая, между тем, он назначен на

29 июня. Никакой беды, от этого, конечно, нет, все телеграммы и приветствия будут зачитаны 29-го на заседании, но получилось немного комично...

Я, было, договорился с Ал[ександром] Павловичем [Виноградовым – геохимиком, заместителем директора Биогеохимической лаборатории АН СССР] о поездке к Вам в Узкое, но пришлось от этого отказаться, т. к. вчера и сегодня я чувствую себя неважно. Я болею сердцем, Владимир Иванович, бывают припадки, и в смысле утомления приходится вести себя осторожно, а т[ак] как сегодня ночью мне надо выехать в Симферополь, то боюсь утомляться. Еду, вероятно, в последний раз, у меня остались там занятия, которые надо провести, в начале июля вернусь в Воронеж, на август рассчитываю поехать в Кисловодск.

Буду думать, что в течение лета успею повидать Вас, если Вы не уедете за границу. Пока всего лучшего, еще раз очень благодарю Вас. К сожалению, после 40-летней пед[агогической] работы приходится еще продолжать работать гл[авным] обр[азом] в этой области, отчего, конечно, научно-иссл[едовательская] часть страдает, но ничего не поделаешь! На днях пришлю Вам из Симф[ерополя] свою «Минералогию Крыма». Сам постепенно перехожу на геохимию. Десятилетняя практика в качестве профессора химии совсем перевела меня в область химических процессов.

Ваш С. Попов. 12. VI. [19]38. Москва» [7, л. 36–36 об.].

Таким образом, становится понятным, что до конца 1937–1938 учебного года профессор С. П. Попов продолжал службу и в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе. Кстати, там довольно прилично отметили юбилей ученого-геолога [21].

В это время В. И. Вернадский пытался провести Сергея Платоновича в члены-корреспонденты АН СССР. Это не первый случай, когда Владимир Иванович помогал своим бывшим коллегам по Таврическому университету с баллотировкой в Академию наук страны [см. подробнее: 22]. Еще 8 марта 1938 года в письме к академику А. Е. Ферсману В. И. Вернадский заметил: «Мне кажется, нужно увеличить число членов-корреспондентов. Что Вы думаете о Пилипенко или Попове. Попов имеет учеников. Сейчас выйдет его «Минералогия Крыма» (которую совершенно напрасно искажил [редактор] Коленко, неправильно понявший свои редакторские обязанности). Я думаю, все ж таки Сергей Платонович заслуживает быть членом-корреспондентом» [23, с. 188]. Спустя две недели – 24 марта – В. И. Вернадский, не получивший ответа коллеги, напомнил А. Е. Ферсману: «Вы мне ничего не ответили по поводу Болдырева и Попова. Даже если в ближайшее время выборов не будет, мы должны всё же сами представить себе ясно наши возможности. Я думаю, кроме того, что необходимо увеличить число минералогов в Академии. Если Болдырева провести в академики, Смирнова и Попова следовало бы в члены-корреспонденты. Что Вы думаете о Попове?» [23, с. 190]. Именно тогда Сергей Платонович получил из Москвы указания о подготовке документов для баллотировки в члены-корреспонденты АН СССР.

18 июня С. П. Попов, подготовив необходимые бумаги и материал для специальной «записки» академиков, которая готовилась для баллотировки, сообщал Вернадскому из Симферополя:

«Дорогой Владимир Иванович,
посылаю Вам curriculum vitae (из личного дела [Крымского педагогического] и[нститу]та), список трудов и извещение о юбилее.

На Ваш вопрос, какие свои работы я считаю наиболее важными, могу указать следующие.

1. Работы по выяснению генезиса Керченских железных руд (и отчеты оолитовых руд вообще). Этому вопросу посвящены работы №№ (по списку литературы) 15, 16, 17, 21, 23, 40 (стр. 106–128) и 49. К сожалению, не был напечатан отчет Геол[огического] комитету (№ 49), в котором был приведен ряд опытов, в том числе с бактериями.

2. Работы по борнокислым минералам и по распространению бора в связи с процессами грязевого вулканизма и по явлениям последнего (№№ 2, 4, 6, 27, 29, 34, 38, 394, 40 (глава III), 50.

3. Работы по фосфатам железа, преим[ущественно] по группе [вивианита], с выяснением характера его превращений в зоне выветривания и установлением новых минеральных видов (керченит, боспорит, таманит) №№ 9, 12, 14, 16, 30, 40 (гл[ава] VII.2), 49.

4. В последние годы я много занимался химией крымских подземных вод и источников, причем были обнаружены и [ряд] сероводородных источников с небывалым содержанием N₂S в соде №№ 33, 35, 40 (гл. I), 45, 46.

<нрзб> значения работы по сере (устранение β-серы в осадочных породах). Очень Вам благодарен, дорогой Владимир Иванович, за Ваши хлопоты и память обо мне. Экземпляр «Минералогии Крыма» одновременно высылаю бандеролью.

Ваш С. Попов.

С 1-го июля я возвращаюсь в Воронеж [7, л. 35].

В. И. Вернадский составил обязательный для баллотировки отзыв о научных трудах С. П. Попова для представления в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Академик отметил: «Научная работа С[ергея] Пл[атоновича] длится с конца прошлого столетия, и в этом году в Симферополе праздновалось сорокалетие его научной работы. Он был профессором в Ново-Александрии, в Харькове и в Симферополе, начал свою научную работу в Московском университете, где преподавал в качестве приват-доцента до 1908 г. Он создал целую школу учеников и продолжает работать до сих пор. В этом году вышел его большой труд «Минералогия Крыма», очень ценный, сводка многолетней работы. Изучению минералогии Крыма во всей широте посвящена большая часть его научных работ с 1898 до 1938 г.» [24, л. 3].

14 августа 1938 года Сергей Платонович писал в Москву уже из Воронежа:

«Дорогой Владимир Иванович,
давно не имел от Вас никаких известий. Был в июле в Москве, узнал, что Вы в Узком, но с кратковременностью пребывания не успел к Вам пробраться. Вероятно,

в самом начале августа опять там побываю – не будете ли Вы уже в это время в Москве? Юбилей мой прошел довольно тепло, позвольте еще раз поблагодарить Вас за хлопоты обо мне. В члены-корр[еспонденты] кроме Вас меня предложили также Воронежский унив[ерситет] и Крымский педаг[огический] институт – не знаю, что из этого выйдет.

Как-то Вы мне говорили, Влад[имир] Иванович, что в Академии есть идея заняться подсчетом химич[еского] состава СССР <нрзб>. Меня эта мысль очень занимает по отношению Крыма. Все-таки Крым принадлежит к наиболее изученным в геохим[ическом] отношении областям Союза, и, может быть, здесь можно было бы положить начало этой работы. Думаю, можно было бы рассчитывать на поддержку местных организаций, особенно, если бы я чувствовал за собой поддержку Академии. В Крыму я уже говорил кой с кем по этому поводу. Напишите, что Вы думаете по этому поводу. Наталии Егоровне мой сердечный привет Жена шлет свой привет Наталии Егоровне и Вам.

Ваш С. Попов. Воронеж, Университет, Геофак. 14. VIII. [19]38.

Высылаю Вам одновременно экземпляр «Минералогии Крыма» [7, л. 39–39 об.].

Вернадскому не удалось провести С. П. Попова в члены корреспонденты АН СССР. Очевидно, сказался «саботаж» А. Е. Ферсмана. Александр Евгеньевич не поддерживал изначально этой идеи.

12 декабря 1938 года Попов писал из Воронежа:

«Дорогой Владимир Иванович,

давно уже не писал Вам – все собирался в Москву и думал повидаться лично – но, по-видимому, это будет нескоро. Вы все пишете о своем уходе почти со всех мест своей деятельности – это очень печально, особенно мне жаль, что Вы ушли из биогеохимич[еской] лаборатории – боюсь, что она без Вас просуществует недолго, что касается Радие[вого] и[нститу]та, мне кажется, что фактически Вы уже давно от него отошли. И вообще жаль, что Вы мало по малу складываете оружие – ведь я не так уже моложе Вас – а несу всю пед[агогическую] нагрузку, которая много тяжелее нагрузки исследов[ательской] работы.

Впрочем, надо сказать, что и чувствую себя я вообще далеко не важно. Жаль мне также, что Вы бросили идею о подсчете хим[ического] состава территории Союза – я как раз хотел предложить начать эту работу с Крыма – я бы взялся провести ее – думаю, что на месте мы нашли бы поддержку. Как дела с выборами в Академии и что вообще нового в акад[емических] делах? У меня большая перемена в обстоятельствах домашней жизни – сын мой развелся со своей женой и подкинул нам своего ребенка – мальчика 3-х лет, – так что с нами живет теперь мой внук. Вы, конечно, представляете хорошо, какое изменение всего строя жизни произвело вторжение маленького, шумливого беспокойного существа. Приходится трудновато ввиду того, что я стар, а Е[лизавета] Ал[ександровна] тоже уже не молода и к тому же болезненна. Вообще жизнь подносит всякие неожиданности.

Очень хотелось бы повидать Вас и поговорить с Вами. Думаю, что во второй половине января удастся все-таки побывать в Москве.

Очень много приходится работать по делам кафедры. Пишу новый курс минералогии – надеюсь издать – Университет] обещает поддержку. Работаю немножко по фосфоритам и каолинитам типа глин и хлоритов.

Пока всего лучшего. Ваш С. Попов.

Наталье Егоровне мой сердечный привет. 12. XII. [19]38.

Пишите по адресу: г. Воронеж, Студенческая 7-б, кв. 9. – это мой домашний адрес [7, л. 37–38].

Почувствовав в Воронеже, в отличие от Симферополя, интерес к своей научной деятельности, С. П. Попов в краткие сроки образцово организовал работу кафедры минералогии и петрографии с соответствующими специализированными кабинетами. По его инициативе, одобренной ученым советом вуза и поддержанной профильным министерством, для всех геологических факультетов страны были введены новые курсы геохимии и осадочной петрографии. Ученый завершил формирование Геологического музея, минералогическая коллекция которого стала насчитывать около 3000 образцов, представленных более чем 800 видами минералов. Музей имел штатного сотрудника и использовался не только для учебных, но и для исследовательских целей [19, с. 222].

Опираясь на многолетний опыт геологических исследований в Крыму и свои контакты на полуострове С. П. Попов внес новую традицию проведения учебной практики студентов географического факультета из Воронежа в Крыму. Будучи в то время ассистентом кафедры минералогии и петрографии, будущий министр геологии СССР, вице-президент АН СССР Александр Васильевич Сидоренко вспоминал об учебной практике, которой руководил профессор С. П. Попов: «Ежегодно с наступлением лета мы уезжали на практику. Сперва занимались геологией Воронежской области на крутых обрывах Дона. Самое же интересное было после окончания третьего курса. Тогда мы отправлялись на двухмесячную практику в Крым. Загорелые, обвеянные ветром, вели геологическую съемку Крымских гор. Первая ее половина – поблизости от г. Бахчисарая, вторая половина – вблизи г. Феодосии (в теперешнем Планерском) [во время проведения практики и сейчас – Коктебель, в 1944–1990 название поселка – Планерское] с экскурсиями на Карадаг... Нас с большим энтузиазмом и терпением обучали профессора С. П. Попов, Д. И. Дамперов, А. А. Дубянский, Г. П. Горшков, Е. К. Лазаренко и др. Они внесли много нового в науку о Земле, передали нам свою горячую любовь к геологии» [Цит. по: 19, с. 222].

В Воронеже Сергей Платонович встретил начало войны. В первые месяцы трагедии у ученых еще не было чувства тотальной беды. Они верили в мощь Красной Армии и в то, что будем бить врага «на его территории», считая трудности на фронтах временными. Геологи продолжали заниматься своими научными проблемами. В. И. Вернадский писал С. П. Попову 5 сентября 1941 года:

«Дорогой Сергей Платонович,

только теперь прочитал Ваши работы. Статью Сидоренко [Александра Васильевич – ученика Попова по Воронежскому университету, в будущем – академика (1966 г.)] я направляю в «Доклады», мне кажется, она не превосходит по размерам. Мне кажется, нельзя согласиться с формулой: отчего около 2% окиси кальция не вошли в формулу? Была ли сделана проба на закись железа? Как будто бы была? Но углекислота не определялась. И, может быть, есть CaCo^3 .

Вашу статью о кеффекелите отправляю в «Известия АН, сер[ия] геол[огическая]». У меня нет здесь под рукой книг, но почему-то мне казалось, когда-то я с ним возился, что он относится к салониту или к сапполиту, не помню. Мне кажется, есть работа Лакруа, которую не видно в Вашем списке литературы.

*Владимир Иванович Вернадский
в Боровом. 1942 год*

Иллюзии были недолгими. И Вернадский, и Попов довольно скоро на себе почувствовали все невзгоды военного времени. С. П. Попов не успел эвакуироваться из оккупированного немцами Воронежа. В условиях оккупации они с женой ушли пешком и с большим трудом добрались до Харькова, который 23 августа 1943 года был освобожден советскими войсками. 20 октября 1943 года он сообщал Вернадскому из Харькова:

«Дорогой Владимир Иванович, получил Ваше письмо, которому очень обрадовался. Телеграммы, о которой Вы пишете, я не получал. Вы спрашиваете, как я прожил это время, пока мы были лишены переписки. Ведь Вы знаете, что мы были эвакуированы, т. е. попросту выгнаны прикладами из Воронежа. Немцы вели себя при этом очень грубо, когда нас выставили из убежища в университете, где мы жили последние дни, немецкий солдат ударил меня, жену также ударили.

Ушли мы из Воронежа пешком с рюкзаками за плечами, в которых заключалось все наше имущество – можете себе представить, много ли мог унести такой слабенький старик, как я. Пешком мы прошли более 50 км, потом нас посадили в вагоны и доставили в Харьков, где нам и пришлось устраиваться жить.

Жить, конечно, было очень трудно, ведь мы были лишены всякого имущества, буквально нищие, а ведь надо было на чем-нибудь спать, в чем-нибудь варить пищу, есть и т. п. Особенно тяжело сказывалось отсутствие теплого платья, я и жена всю

зиму проходили в легких пальто, а зима была суровая, да и в помещениях, в большинстве было холодно. Жена болела, но я держался для своих лет удивительно, только к концу года, весной, у меня стали пухнуть ноги, по определению врачей от недостаточного и однообразного питания – недостатка жиров, витаминов и пр., но за лето и это прошло. Теперь положение наше несколько улучшилось, во многом помогли добрые люди, жизнь понемногу налаживается, меня приняли в Харьковск[ий] унив[ерситет]. По-прежнему острым остается вопрос о теплой одежде, которой по-прежнему ни у меня, ни у жены не имеется, а зима наступает...

В вопросе о теплом платье я желал бы, чтобы кто-нибудь нам помог, т. к. я совершенно не вижу никаких возможностей их приобретения.

Весь этот год я научно совершенно не мог работать, но сейчас приступил к работе. К сожалению, в Воронеже погибла вся моя библиотека и все рукописи, в том числе приготовленная к печати «Некоторые хлоритовые минералы из области Курской магнитной аномалии» и о «О табачных рудах Керченского полуострова». Но особенно меня удручает потеря рукописи моего «Курса минералогии». Очень хотелось бы его хотя бы частично восстановить – первая часть (общая) была издана в гектографированном виде для студентов Воронежского унив[ерситета] и у кого-нибудь из них, вероятно, сохранилась. Из второй части все кислородные соединения были на просмотре в Акад[емии] наук, м[ожет] б[ыть], экземпляры эти там сохранились у бывших рецензентов. Мою статью «О кеффекелите», которую я передал через Вас, я в печати не видел – по-видимому, она пропала, т. к. еще будучи в Воронеже, я не мог добиться, у кого она находится.

В настоящее время я здесь затеял издание «Минералогия Украины», привлекая к нему всех наличных хороших минералогов и Харьковский Геологический инст[итут], в котором я работаю. Не примет ли Академия эту работу под свое покровительство? Может быть, возьмется издать его? Я понимаю, что теперь все это трудно, но если кому и возможно, то только Академии. Я буду и Ал[ександру] Евг[еньевичу Ферсману] писать об этом.

Очень устаю от напряженной работы – домашняя жизнь уже требует большого напряжения сил – ведь жена приходит домой с работы лишь в 6 час[ов] веч[ера], следовательно, обслуживание всего домашнего обихода лежит на мне, а это – большой труд, особенно в той полунищенской обстановке, в которой мы живем благодаря потере имущества, а последнее в настоящее время не вознаградиво. Правда, с нами живет мой ученик по Воронежу, который делит со мной все эти хлопоты, но все же тяжело.

Хотелось бы устроиться где-нибудь в академических учреждениях, где одна научно-исследовательская работа, без педагогической.

Пока всего лучшего, не забывайте и пишите. Ваш С. Попов.

Харьков, Госпитальная, 22, кв. 6» [26, л. 4–5].

В. И. Вернадский сразу откликнулся на нужды своего старейшего ученика и друга, выслав 2000 руб. из своей премии. 30 ноября 1943 года он сообщал:

«Дорогой Сергей Платонович,

получили ли Вы мой перевод в 2000 рублей? Хотел послать их телеграфом, но у меня не приняли. Но я послал Вам телеграмму, что они посланы. Это было еще

13 октября. Я снесся с Украинской академией наук но, к сожалению, Богомолец болен, а теперь заболел и Чернышев, которому я писал об Вас.

Я имею устный ответ от него через одного академика. Он ответил сегодня по телефону, что Украинская академия послала Вам официальное предложение о привлечении Вас к ее работе. Что-то надеются предпринять и в отношении теплой одежды.

Очень жду от Вас письмо. Как здоровье Вашей жены? Пишите, пожалуйста. Ваш Вернадский» [25, л. 21].

После восстановления работы вузов в Харькове Сергей Платонович получил должность профессора кафедры минералогии и кристаллографии Харьковского государственного университета им. Максима Горького.

16 марта 1944 года Вернадский сообщал:

«Дорогой Сергей Платонович,

очень рад был получить вчера Вашу открытку. О деньгах не беспокойтесь. Вернете, когда хотите и когда это будет Вам легко. Это из моей премии, которую я, конечно, не могу использовать для детей. Мечтаю о поездке к ним, главным образом, к моей внучке. Пишите.

Ваш В. Вернадский» [25, л. 26].

В конце апреля 1944 года С. П. Попов приехал в Москву к В. И. Вернадскому и жил у него до октября. Сергей Платонович, несмотря на возраст, тогда много занимался в библиотеках, собирая материал для вузовского курса по минералогии. Он обсуждал с Владимиром Ивановичем вопрос о возможности его перехода на работу в Академию наук УССР. Вернадский пытался этому поспособствовать. Однако результата его ходатайства не дали. В октябре 1944 года С. П. Попов вернулся в Харьков, где продолжал преподавать в университете до 1 сентября 1956 года [27, с. 290].

Интересно, что С. П. Попова в послевоенный период не забывали и в Крымском гос. педагогическом институте им. М. В. Фрунзе, где он проработал большую часть жизни. Профессор получил предложение вернуться в Симферополь. В 1945 году крымская научная общественность очередной раз инициировала вопрос о придании местному пединституту статуса университета, что стало бы восстановлением былых традиций в истории высшей школы полуострова. Был подготовлен проект ходатайства Народного комиссариата

*Сергей Платонович Попов.
1950 год. Харьков*

просвещения РСФСР на имя заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова, где раскрывалась роль вуза и его профессуры в общественной и научно-образовательной жизни области. Указывались и наиболее крупные ученые, которые в разное время работали в университете–пединституте. В отдельной графе «Работали до войны и оккупации, возвращаются в институт и приступают к работе с нового учебного года» указан и доктор геологических наук, профессор С. П. Попов, который читал курсы по геологии и минералогии [28, л. 74–77]. Руководство вуза надеялось, что профессор вернется из Харькова в Симферополь. Для предания большего статуса педколлективу посчитало нужным внести в число профессорско-преподавательского става и фамилию С. П. Попова.

- 4 - 22

Кроме этого педагогический институт имеет два профессорских дома на 28-30 квартир, что даст возможность обеспечить жилищные нужды преподавателей. В педагогическом институте в текущем учебном году работают:

Учен - корреспондент Академии Наук СССР ПЕТУХОВ Е. В. (русская литература),
 доктор биологических наук, профессор БОРОВСКИЙ В. И. (зоология),
 доктор биологических наук, профессор ВОЙТОНОВ Н. В. (зоология),
 доктор физико-математических наук, профессор БОСОВ В. А. (астрономия и математика),
 доктор биологических наук, профессор ТРОЩАКОВ И. А. (ботаника),
 доктор химических наук, профессор ДАНИЛЬЧЕНКО П. Т. (химия).
 Доктор биологических наук, профессор ХВАТОВ Е. В.
 Доктор медицинских наук, профессор БОСНИН В. В. (анатомия).

Работали до войны и оккупации возвращаются в институт и приступают к работе с нового учебного года:

Доктор биологических наук, профессор КОЛЫЧЕНКО Н. В. (зоология),
 Доктор химических наук, профессор МЖИЖИ М. С. (сложиния),
 Доктор медицинских наук, профессор БРАДЯН В. В.
 Доктор биологических наук, профессор ПУЗАНОВ И. И. (зоология),
 Доктор геологических наук, профессор ПОПОВ С. П. (геология и минералогия).

Имена ученых на ликвидации

Профессор ВИНГРАДОВА (зоология),
 профессор ПРИБИДИНА В. А. (история сред. век),
 профессор БУБЕНОВ (геология).

Для согласно работы в качестве заведующего кафедрой физики введенный ИАН.

Кроме этого в институте работают 16 доцентов и кандидатов наук и 28 ассистентов. В институте создана аппаратура и издаются ученые записки.

- 3 - 76

Столь же богаты и разнообразны в Крыму запасы минерального и сельского-хозяйственного сырья, обуславлившие бурное развитие химической промышленности в республике, основные отрасли которой имеют всеосозное значение. Достаточно упомянуть не только об углы, как химические заводы в Судаке и на Девонке, с их отложениями бразиль, бромидом калия, хлор-натриевым, сероуглеродными содами промышленными различных озер Крыма, крупнейшей Керченский металлургический завод с его разнообразной продукцией и комбинатом азотом, многочисленными консервные заводы, различные фабрики, химико-фармацевтический завод, шесте разведки строительных материалов, асбесто-наследное производство, свечельный, мшиоверный, кожевенный заводы, виноделие.

Помимо в Крыму разнообразных промышленных производств большое количество научно-исследовательских станций, лабораторий и производств без научно-исследовательского работам лабораторного значения, как построенная сейчас астрономическая обсерватория, Никитский селекционный сад им. Молотова, Севастопольская и Керченская биологические станции, Крымский Государственный заповедник, Сухая соляная станция и другие - обеспечивают проведение практики и научно-исследовательских практикумов на высокой научной уровне и в широком масштабе.

Богата история Крыма, огромное количество исторических памятников, развитые археологическая работа в Крыму, богатые музеи, архивы, огромные богатства крымской литературы в Крыму (библиотека Гавриле) при Крымском центральной музее в Симферополе, представляющей широкие возможности для научно-педагогической работы и требуют подготовки высококвалифицированных кадров историков.

Наконец, огромным преимуществом Крыма является его благоприятные климатические условия, обилие солнца и свежа, разнообразие лечебных источников и средоточия, благодаря которым организованы университеты в Крыму для возможности вести научную и учебную работу научным работникам и учащейся молодежи, обеспечивая им здоровые, требующих благоприятных климатических условий.

В связи с этим Советским правительством ряд мероприятий в Крыму коренным образом изменился состав населения Крыма. Большинство районов заселено жителями центральных областей РСФСР, имеющих высокий культурный уровень. Все выше указанные обстоятельства позволяют ставить вопрос о восстановлении университета в Крыму.

Крымский педагогический институт обладает большими книжными богатствами, определяющимися более чем в 200 тысяч томов. Помимо пяти учебных корпусов общей площадью более 150 тысяч квадратных метров и общежития на 700 человек необходимо развернуть вполне нормальную учебную работу.

Записка на имя В. М. Молотова о преобразовании Крымского пединститута в университет. 1945 год. Из фондов ГА РФ

В 1948 году С. П. Попов был вновь избран профессором кафедры геологии и кристаллографии Харьковского госуниверситета им. Максима Горького и заведующим сектором геохимии Научно-исследовательском институте геологии при университете. Так же он заведовал кафедрой геологии Харьковского института строительных материалов. В 1952 году Харьковский гос. университет им. Максима Горького торжественно отметил 80-летие профессора С. П. Попова и 55-летие его научной деятельности [27, с. 289]. Юбиляр получил большое количество

приветственных адресов со всех концов Советского Союза. 1 сентября 1956 года Сергей Платонович вышел на пенсию [29, л. 49–50].

Ученый скончался 21 мая 1964 года в Харькове на 93 году жизни. На тот момент он являлся старейшим из профессоров Харьковского государственного университета им. Максима Горького [30, с. 180].

Профессор С. П. Попов – крупный советский ученый с мировым именем – автор более 70 весомых трудов в области геологии, в которых развивал новое химико-генетическое направление [библиографию работ С. П. Попова см.: 27, с. 291–292]. Он сыграл выдающуюся роль в развитии естественного направления в Таврическом университете, Крымском университете им. М. В. Фрунзе, Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе. Ученый занимал должности заведующего кафедрами, проректора, директора НИИ при пединституте. Его имя по праву в числе «золотого фонда» профессорско-преподавательского состава вуза.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Профессор С. П. Попов: неизвестные страницы биографии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2024.– Т. 10(76), № 3.– С. 62–103.

Nepomnyashchij A. A. Professor S. P. Popov: neizvestnye stranicy biografii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2024.– T. 10(76), № 3.– S. 62–103.

2. Непомнящий А. А. Советская историческая наука в зеркале личных связей: переписка К. Э. Гриневича и С. Ф. Платонова (1927–1929) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2024.– Т. 26, № 2.– С. 181–193.

Nepomnyashchij A. A. Sovetskaya istoricheskaya nauka v zerkale lichnyh svyazey: perepiska K. E. Grinevicha i S. F. Platonova (1927–1929) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki».– 2024.– T. 26, № 2.– S. 181–193.

3. Акимченков В. В. «Национальный по форме, пролетарский по содержанию»: проект организации Всекрымского научно-исследовательского института национально-культурного строительства и краеведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2021.– Т. 7(73).– № 2.– С. 3–19.

Akimchenkov V. V. «Nacional'nyj po forme, proletarskij po sodержaniyu»: proekt organizacii Vsekrymskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta nacional'no-kul'turnogo stroitel'stva i kraevedeniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2021.– T. 7(73).– № 2.– S. 3–19.

4. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 18, д. 44.

GARF, f. A-2307, op. 18, d. 44.

5. Непомнящий А. А. Съезды по изучению производительных сил Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского.– 2023.– Вып. 28.– С. 654–667.

Nepomnyashchij A. A. S"ezdy po izucheniyu proizvoditel'nyh sil Kryma // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskij federal'nyj un-t im. V. I. Vernadskogo.– 2023.– Vyp. 28.– S. 654–667

6. Резолюции Второго съезда по изучению производительных сил Крымской АССР, 1–8 декабря 1931 г. / Госплан Крымской АССР; под рук. Б. У. Арифова; ред. кол.: В. В. Кудрявцев, С. Н. Нестеров, Г. Н. Печерский и др.; предисл. Л. Гамбург.– [Симферополь]: Крымгосиздат, [1932].– 94 с.

Rezolyucii Vtorogo s"ezda po izucheniyu proizvoditel'nyh sil Krymskoj ASSR, 1–8 dekabrya 1931 g. / Gosplan Krymskoj ASSR; pod ruk. B. U. Arifova; red. kol.: V. V. Kudryavcev, S. N. Nesterov, G. N. Pecherskij i dr.; predisl. L. Gamburg.– [Simferopol'] : Krymgosizdat, [1932].– 94 s.

7. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1305.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1305.
8. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.
Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiiyah / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.
9. ГАРК, ф. Р-1, оп. 1, д. 1229.
GARK, f. R-1, op. 1, d. 1229.
10. Непомнящий А. А. Профессор Алексей Деревницкий: крымские страницы биографии.– Саратов: Амрит, 2022.– 176 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 33).
Nepomnyashchij A. A. Professor Aleksej Derevickij: krymskie stranicy biografii.– Saratov: Amirit, 2022.– 176 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 33).
11. Непомнящий А. А. Крымоведение в межличностных коммуникациях Н. Д. Полонской-Василенко: по материалам эпистолярного наследия // Пространство и время.– 2018.– № 1/2.– С. 169–180.
Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie v mezhlichnostnyh kommunikacijah N. D. Polonskoj-Vasilenko: po materialam epistoljarnogo naslediya // Prostranstvo i vremya.– 2018.– № 1/2.– S. 169–180.
12. ГАРК, ф. Р-137, оп. 10, д. 55.
GARK, f. R-137, op. 10, d. 55.
13. Непомнящий А. А. «Жить сегодняшним днем...»: профессор Петр Двойченко.– Саратов: Амрит, 2023.– 280 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 34).
Nepomnyashchij A. A. «Zhit' segodnyashnim dnev...»: professor Petr Dvojchenko.– Saratov: Amirit, 2023.– 280 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 34).
14. Мурзаев П. М. Памяти Сергея Платоновича Попова (3/16 января 1872 – 21 мая 1964) // Записки Всесоюзного минералогического общества.– 1965.– № 3.– С. 366–367.
Murzaev P. M. Pamyati Sergeya Platonovicha Popova (3/16 yanvarya 1872 – 21 maya 1964) // Zapiski Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva.– 1965.– № 3.– S. 366–367.
15. АРАН, ф. 518, оп. 5, д. 121.
ARAN, f. 518, op. 5, d. 121.
16. Избранные научные труды академика В. И. Вернадского / Ред. колл. А. С. Онищенко и др.; Авт.-сост.: В. Ю. Афиани, Л. А. Дубровина, С. Н. Киржаев и др.– Киев, 2012.– Т. 2, кн. 2, ч. 2.– 692 с.
Izbrannye nauchnye trudy akademika V. I. Vernadskogo / Red. koll. A. S. Onishchenko i dr.; Avt.-sost.: V. Yu. Afiani, L. A. Dubrovina, S. N. Kirzhaev i dr.– Kiev, 2012.– T. 2, kn. 2, ch. 2.– 692 s.
17. ГАРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 25.
GARK, f. R-2235 op. 1, d. 25.
18. Жуков Б. С. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 годы // Этнография.– Москва; Ленинград, 1926.– № 1/2.– С. 179–192; Обследование крымских пещер в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры.– 1933.– № 9/10.– С. 56–57; Хордикайнен А. Краеведение в Крыму // Краеведение.– 1924.– № 3.– С. 298–301.
ZHukov B. S. Raboty po paleoetnologii v SSSR za 1918–1925 gody // Etnografiya.– Moskva; Leningrad, 1926.– № 1/2.– S. 179–192; Obsledovanie krymskih peshcher v 1932 g. // Problemy istorii material'noj kul'tury.– 1933.– № 9/10.– S. 56–57; Hordikajnen A. Kraevedenie v Krymu // Kraevedenie.– 1924.– № 3.– S. 298–301.
19. Чернышев Н. М., Чесноков В. С. Кафедра минералогии и петрологии: история, люди, события, научно-педагогические результаты // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: «Геология».– 2004.– № 2. – С. 220–240.
CHernyshev N. M., CHesnokov V. S. Kafedra mineralogii i petrologii: istoriya, lyudi, sobytiya, nauchno-pedagogicheskie rezul'taty // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: «Geologiya».– 2004.– № 2. – S. 220–240.
20. Попов С. П. Памяти Л. Л. Иванова // Минералогический сборник / Львовское геологическое об-во при Львовском гос. университете им. И. Я. Франко.– Львов, 1948.– № 2. См. также:

Мурзаев П. М. Леонид Ликарионович Иванов // Записки Всероссийского минералогического общества.– 1947.– Т. 75, № 4.– С. 347–349.

Popov S. P. Pamyati L. L. Ivanova // Mineralogicheskij sbornik / L'vovskoe geologicheskoe ob-vo pri L'vovskom gos. universitete im. I. Ya. Franko.– L'vov, 1948.– № 2. Sm. takzhe: Murzaev P. M. Leonid Likarionovich Ivanov // Zapiski Vserossijskogo mineralogicheskogo obshchestva.– 1947.– Т. 75, № 4.– С. 347–349.

21. Данильченко П. Т. Крупный советский минералог: к 40-летию научно-педагогической и общественной деятельности проф. С. П. Попова // Красный Крым.– 1938.– № 149(5259).– 29 июня.

Danil'chenko P. T. Krupnyj sovetskij mineralog: k 40-letiyu nauchno-pedagogicheskoy i obshchestvennoj deyatelnosti prof. S. P. Popova // Krasnyj Krym.– 1938.– № 149(5259).– 29 iyunya.

22. Непомнящий А. А. «Возились с юбилеем Маркевича...»: как отмечали 70-летие кривооведа // Пространство и время.– 2017.– № 1(27).– С. 187–195.

Nepomnyashchij A. A. «Vozilis' s yubileem Markevicha...»: kak otmechali 70-letie krymoveda // Prostranstvo i vremya.– 2017.– № 1(27).– S. 187–195.

23. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману, 1907–1944 / Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. В. Филиппова; предисл. И. И. Тучкова, А. А. Ярошевского.– Москва: Наука, 1985.– 272 с.

Pis'ma V. I. Vernadskogo A. E. Fersmanu, 1907–1944 / Отв. red. B. V. Levshin; Sost. N. V. Filippova; predisl. I. I. Tuchkova, A. A. Yaroshevskogo.– Moskva: Nauka, 1985.– 272 s.

24. АРАН, ф. 411, оп. 13, д. 312.

ARAN, f. 411, op. 13, d. 312.

25. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1306.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1306.

26. Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины НАН Украины, Институт археологии, ф. 210, оп. 3, д. 17.

Nacional'naya biblioteka Ukrainy im. V. I. Vernadskogo NAN Ukrainy NAN Ukrainy, Institut arheografii, f. 210, op. 3, d. 17.

27. Савич-Заблоккий К. Н., Шкабара М. Н. Сергей Платонович Попов: к 80-летию со дня рождения // Минералогический сборник / Львовское геологическое об-во при Львовском гос. университете им. И. Я. Франко; отв. ред. Е. К. Лазаренко.– Львов; Харьков: изд-во Харьковского ун-та, 1952.– № 6.– С. 289–292.

Savich-Zablockij K. N., SHkabara M. N. Sergej Platonovich Popov: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya // Mineralogicheskij sbornik / L'vovskoe geologicheskoe ob-vo pri L'vovskom gos. universitete im. I. Ya. Franko; отв. red. E. K. Lazarenko.– L'vov; Har'kov: izd-vo Har'kovskogo un-ta, 1952.– № 6.– S. 289–292.

28. ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4784.

GARF, f. A-2306, op. 70, d. 4784.

29. Гос. архив Харьковской обл., ф. Р-2792, оп. 2, д. 321.

Gos. arhiv Har'kovskoj obl., f. R-2792, op. 2, d. 321.

30. Шапошников Д. П., Шандыба К. Г. Памяти Сергея Платоновича Попова (1872–1964) // Вестник Харьковского университета. Сер. географическая.– 1964.– № 2, вып. 1.– С. 180–182.

Shaposhnikov D. P., SHandyba K. G. Pamyati Sergeya Platonovicha Popova (1872–1964) // Vestnik Har'kovskogo universiteta. Ser. geograficheskaya.– 1964.– № 2, vyp. 1.– S. 180–182.

Nepomnyashchy A. A. «I work as much as i can»: to the biography of professor S. P. Popov

The article continues the study of the biography, scientific and organizational-pedagogical activity of the protégé, comrade and friend of Academician V. I. Vernadsky – the prominent mineralogist, geochemist, professor Sergei Platonovich Popov (1872–1964), published in the previous issue of the journal. The period of his life in the 1930s, the war and post-war times are considered. The analysis of the correspondence of S. P. Popov with Academician V. I. Vernadsky allowed to identify the lines of intellectual tension «province –

center» and to show the wide circle of communication of Professor S. P. Popov. Corpora of documents of the State Archives of the Russian Federation, the Archives of the Russian Academy of Sciences, the State Archives of the Republic of Crimea, the Institute of Archeography of the National Library of Ukraine named after V. I. Vernadsky are introduced into scientific circulation, which allowed to reveal unknown stories about the geologist's work in Simferopol. The scientist's attempts to leave Crimea due to the threat of dismissal to various academic centers are shown, which ended with Popov moving to Voronezh. The scientist's activities are shown against the background of the socio-economic transformations taking place in the country and in its separate region.

Keywords: S. P. Popov, V. I. Vernadsky, M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, Voronezh State University.

УДК 94(470-924.71)

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-124-136

ИСТОРИЯ КРЫМА КАК «ТРУДНОЕ ПРОШЛОЕ»: МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ДИСКУССИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА¹

Романько О. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: romanko1976@mail.ru*

Рассматривается концепт «трудное прошлое» применительно к истории Крыма. На примере дискуссий, происходивших в научном и общественно-политическом дискурсах в постсоветский период, анализируются главные мемориальные конфликты и войны памяти, которые происходят, начиная с 1991 г. Показаны основные моменты крымского «трудного прошлого», механизмы возникновения на его основе противоречий и пути их возможного преодоления. На основе проведенного исследования сделан вывод, что все мемориальные конфликты и войны памяти на территории Крыма проистекают из конкуренции трех исторических нарративов, которые условно можно назвать имперско-советский, украинский и крымско-татарский. Причем, главными из них, между которыми идет основная конкуренция, являются имперско-советский и крымско-татарский, при практически полном исчезновении украинского нарратива из публичной сферы. Федеральная власть и крымские республиканские органы пытаются преодолеть эти противоречия, однозначно ведущие от мемориальных конфликтов к более серьезным противоречиям, прежде всего межнациональным. В связи с этим, проанализирован целый комплекс мер исторической политики на данном направлении и итоги его применения, а именно: встраивание крымско-татарского нарратива в имперско-советский, баланс нарративов и т.п. На примере проблемы коллаборационизма в период нацистской оккупации Крыма продемонстрирован новый подход в решении мемориальных конфликтов.

Ключевые слова: Крым, «трудное прошлое», мемориальный конфликт, войны памяти, исторический нарратив, историческая политика, коллаборационизм.

Хорошо известно, что история – это не только наука, но и социальная память общества, которая лежит в основе мировоззрения, воспитания, способствует легитимизации / делегитимизации власти. Также считается, что общая история – это залог добрососедских отношений и хорошая база для общественно-политической интеграции. Однако бывают и противоположные тенденции, когда именно исторические события сводят к нулю все попытки выстроить диалог, провоцируют мемориальные конфликты и приводят к войнам памяти. Как правило, эти явления связаны с концептом так называемого «трудного прошлого», которое есть у любого общества, и особенно, если оно в свое время испытало некую травму в виде серьезных идеологических, социальных или межнациональных конфликтов.

Одним из таких регионов со «сложным прошлым» является Крым, в истории которого было достаточно конфликтов на идеологической и этнонациональной

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>

почве, историческую память о которых активно использовало и пытается использовать украинское государство в своей политике на крымском направлении. Нет необходимости говорить, что в современных геополитических условиях эти попытки уже имеют не отвлеченное теоретическое значение, а являются вызовом национальной безопасности для Российской Федерации. Наконец, несмотря на важность данной проблематики, можно констатировать практически полное отсутствие научных работ, где бы рассматривались основные моменты крымского «трудного прошлого», механизмы возникновения на его основе войн памяти, мемориальных и общественно-политических конфликтов, а также пути их возможного преодоления в постсоветский период.

В связи со сказанным целью данной статьи является анализ концепта «трудное прошлое» на примере истории Крыма, а также его влияние на общественно-политическую ситуацию после 1991 г. Крымское «трудное прошлое» – комплексный концепт. Поэтому, чтобы проанализировать его всесторонне, необходимо решить ряд исследовательских задач, а именно: (а) какие нарративы и почему являются конкурирующими в публичной сфере Крыма; (б) что представляет собой общая историческая память крымского сообщества, если она есть, а если ее нет, то как и почему это влияет на мемориальные конфликты; (в) вокруг каких фигур и событий строилась и строится историческая политика на территории Крымского полуострова в разные периоды его постсоветской истории; (г) наконец, есть ли в крымском «трудном прошлом» сложнопреодолимые мемориальные конфликты и как их пытаются разрешить в рамках современной исторической политики Российской Федерации.

В основе представлений об истории Крыма как о «трудном прошлом», вне всякого сомнения, лежит конкуренция тех нарративов, через которые эта история репрезентируется. Если проанализировать основные способы распространения исторических знаний (научные исследования, учебники, художественная литература, мемуаристика, СМИ и т.п.), начиная с 1991 г., то можно выделить три основных нарратива, которые конкурировали в Крыму после распада Советского Союза. Первый – имперско-советский, и он доминировал во всем, что касалось событий, связанных с процессом вхождения Крыма в состав Российской империи, его пребыванием в этом государстве, а также, конечно, советский период. Этот нарратив поддерживался большей частью крымских элит и основной массой населения, прежде всего, русскими и русскокультурными гражданами. Интересно отметить, что его сторонники, в целом, имели общую точку зрения, как на события до, так и после 1917 г., за исключением времени Великой русской революции и Гражданской войны. Здесь был явный мемориальный конфликт, который, в принципе, сохраняется до сих пор. Однако всех их объединяло противостояние двум другим взглядам на историю Крымского полуострова: украинскому и крымско-татарскому.

Крым находился в составе независимой Украины 23 года, поэтому все крымчане так или иначе сталкивались с украинской исторической политикой и ее нарративом. Понятно, что украинское государство с той или иной степенью

эффективности настойчиво внедряло свой взгляд на историю вообще и историю Крыма в частности везде: от школьных и вузовских программ – до коммеморативных практик. Книжные магазины и библиотеки заполнялись литературой о «великом прошлом» «древних укров» и прочим псевдонаучным продуктом [6]. С завидным постоянством распространялись «исторические факты» про «исконную принадлежность» Крыма Украине, о том, что в 1954 г. его совершенно законно и, главное, обоснованно передали СССР [19]. Не обошла Крым стороной и мода на изучение так называемого «голодомора». Публиковались псевдонаучные «исследования», в которых совершенно голословно утверждалось, что на полуострове был свой «голодомор», только не в 1930-е, а в 1920-е гг. И так далее, вплоть до утверждений, что в 1917–1918 гг. в Крыму происходила отдельная от русской «украинская революция», а в годы Великой Отечественной войны действовала своя бандеровская Украинская повстанческая армия, что, конечно же, не подтверждается историческими фактами [20].

Однако, сторонников у этого нарратива среди крымских элит (разве что формально) и населения практически не было. Разумеется, после 2014 г., с исчезновением из Крыма украинского государства и его пропагандистского аппарата, этот нарратив полностью деактуализировался, показав свой искусственный и закономерно чуждый большинству населения характер. Тем не менее, пришедшие в 2014 г. к власти на Украине радикально националистические силы не прекращают попыток вернуть свой нарратив в научное, образовательное и информационное пространство Крыма, прилагая немало усилий, чтобы их версия истории не исчезала из повестки и пусть даже фоном, но присутствовала бы в повседневной жизни крымчан.

Если оценивать эти усилия чисто инструменталистски, то можно сделать вывод, что историческое сообщество, представители власти и обычные граждане практически не сталкиваются с проявлениями украинского националистического нарратива в своей повседневной жизни и профессиональной деятельности. Но, безусловно, несколько процентов населения, оставшегося на проукраинских позициях, в Крыму есть. Собственно, на них все эти изыскания и практики украинской исторической политики и направлены. Это – первая целевая группа. Второй целевой группой являются лица, которые по тем или иным причинам идеологического характера не приемлют Российскую Федерацию и ее политику вообще и в Крыму в частности. Понятно, что через телевидение, радио, прессу, книготорговлю эти нарративы распространять невозможно, поэтому остаются только Интернет-ресурсы и социальные сети. Так, основным источником распространения «знаний» о прошлом Крыма до недавнего времени являлся ресурс «Крым.реалии» (подразделение признанной нежелательной в Российской Федерации радиовещательной организации «Радио.Свобода»). Следует сказать, что исторический контент там очень примитивный, а эффект от его воздействия на крымчан – околонулевой.

Тем не менее, понимать, что представляет собой этот нарратив, необходимо. В целом, сейчас – это тот же самый официальный украинский нарратив, имевший

место в период до 2014 г., только более агрессивный и приспособленный, по понятным причинам, к современным реалиям. Теперь его основной концепт – это общее украино-крымское прошлое и постоянный, а не случайный характер присутствия Украины на полуострове. В принципе, все, что сейчас пишут украинские историки и публицисты на эту тему, вращается вокруг поиска доказательств для этого концепта [12]. Нашлось в нем место и этническому крымско-татарскому нарративу, который за этот период также претерпел некоторые изменения.

До 2014 г. третий из основных нарративов, крымско-татарский, представлял собой этнонациональный взгляд на историю Крыма через призму исторической политики ныне запрещенного в России «меджлиса крымско-татарского народа». Используя своих историков и их труды, например, вышедший в 2013 г. четырехтомник ныне покойного профессора Санкт-Петербургского государственного университета В. Е. Возгрина, эта организация внедряла среди своих соплеменников и – с определенного момента через подконтрольные СМИ – среди остальных крымчан концепт о крымских татарах, как коренном народе, который начал формироваться на территории полуострова чуть ли не с доисторических времен. У этого центрального концепта были свои производные: о самобытной цивилизации Крымского ханства, о российской аннексии 1783 г., погубившей эту цивилизацию, о национальном характере Крымской АССР, о геноциде крымско-татарского народа после трагических событий 1944 г. В разное время этот нарратив, когда меньше, когда больше поддерживался официальной украинской властью, которая пыталась искусственно смонтировать его со своим нарративом, делая акцент на каких-то общих моментах украинско-татарского прошлого (времена Богдана Хмельницкого, события 1917–1920 гг., уже упоминавшиеся выше «голодоморы»). Понятно, что крымско-татарский нарратив был полной противоположностью имперско-советскому, и основные войны памяти шли между ними [3]. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации он немного видоизменился, приняв более адаптированные формы, о чем подробнее будет сказано ниже. Хотя, в своем радикальном характере этот нарратив также никуда не делся и продолжает существовать в рамках украинской исторической политики [14].

Безусловно, наличие такого количества нарративов, которые, в каких-то моментах, даже носят конфронтационный характер, исключают наличие общей исторической памяти у крымского сообщества. К слову, для полиэтнического региона, каковым является Крымский полуостров, это нормально и должно стимулировать власти к поиску общих точек соприкосновения в целях недопущения эволюции мемориальных конфликтов в социальные или межнациональные. Это с одной стороны. С другой стороны, у всех народов, которые населяют Крым, есть своя историческая память, которая связана с теми или иными событиями в их жизни. Поэтому, делать акцент только на русских, украинцах или крымских татарах не совсем корректно. Например, у тех же армян, караимов или греков историческая память даже более глубокая, чем у местных украинцев. Однако, следует указать на

ряд существенных причин, приводящих к тому, что мемориальные конфликты возникают именно в связи с исторической памятью трех вышеуказанных этносов. Во-первых, большинство населения на полуострове – это русские, поэтому их историческая память является доминирующей. Выше уже говорилось, что это, прежде всего, память об имперско-советском прошлом. Во-вторых, историческая память большинства нерусских народов Крыма не противопоставлена памяти русского населения, а очень удачно с ней монтируется, так как расцвет этих этносов связан именно с периодом после 1783 г. В-третьих, в Крыму всегда было мало так называемых «свідомих» украинцев, которые бы являлись носителями специфической исторической памяти. Большинство же из тех, кто проживал или проживает в Крыму, не отделяют себя в основной своей массе от русского населения и следуют в фарватере доминирующего в Крыму имперско-советского нарратива. В-четвертых, если не затрагивать нюансы, то конкурирующей исторической памятью по отношению к исторической памяти большинства населения является крымско-татарская. Обычно, все мемориальные конфликты происходят на почве этого противостояния. Так было и в украинское время, остается, к сожалению, и в российское. Правда, острота этих конфликтов заметно спала после 2014 г., но никуда не делась. Здесь можно назвать несколько наиболее серьезных случаев унаследованных, так как сказать, Российской Федерацией. Это: восстановление памятника Императрице Екатерине II, создание мемориалов жертвам фашистской оккупации на территории совхоза «Красный» и жертвам репрессий по национальному признаку на станции Сюрень [13]. Наконец, в-пятых, следует отметить, что в едином имперско-советском нарративе существует линия раскола по отношению к событиям 1917–1920 гг. на территории Крыма. Очень часто это выражается в мемориальных конфликтах, которые происходят не на этнонациональной, а на идеолого-политической почве. Из последних таких конфликтов можно назвать историю вокруг памятника Примирению, который установили в Севастополе по случаю 100-летия окончания Гражданской войны на Юге России [18]. Или реставрацию бюста Ф. Э. Дзержинского на одной из улиц Симферополя, которая имела место в 1921 г. Как не трудно догадаться, против первого памятника активно выступали различные «левые» организации, а против второго – те, кто считает «Железного Феликса» «кровавым палачом» [21].

В 1991–2014 гг. украинские власти строили свою историческую политику на территории Крыма вокруг фигур и событий, которые для подавляющей части населения полуострова носили искусственный или спорный характер. Более того, даже в относительно спокойные с точки зрения украинизации времена обращали на себя внимания попытки навязать для мемориализации и коммеморативных практик фигуры и события с явно антироссийским бэкграундом. Например, таких, как деятели украинских или крымско-татарских националистических движений первой половины XX века. Выше уже было сказано, что большинством элит и населения такие практики не воспринимались. На уровне местных общественных организаций и даже республиканской власти продолжалось чествование фигур и связанных с

ними событий из имперско-советского прошлого. Понятно, что после 2014 г. эти практики сохранились и вышли на федеральный уровень [8].

Можно констатировать, что историческая память большинства крымчан вряд ли заходит дальше конца XIX в. Максимум – до времен Екатерины II. Отсюда – тот набор сюжетов и фигур, вокруг которых Российская Федерация и ее представители в Крыму выстраивают свою историческую политику. В целом, это все то, что показывает прочные связи полуострова с исторической Россией, доказывает закономерность его российского статуса. Значительное внимание уделяется проявлениям героизма крымчан разных национальностей в войнах имперского периода и СССР. Поэтому основные сюжеты – это социально-экономическое и культурное развитие Крыма с 1783 по 1991 г, русско-турецкие войны, Крымская война, Великая Отечественная война, а теперь и события Крымской весны. Соответственно, происходит мемориализация и ключевых фигур из этих периодов. То есть, можно констатировать, что советско-имперский нарратив из важного, но, все-таки, неформального превратился в официальный. Фиксацией этого статуса, например, в научном плане стал выход в 2017 г. академического двухтомника по истории Крыма с древнейших времен до наших дней [10].

Интересно отметить, что крымская власть (в широком смысле) пытается соблюдать баланс в исторической политике и коммеморативных практиках. Это хорошо видно на примере конфликта между условно «красными» и «белыми». С одной стороны был поставлен памятник Примирению, с другой – на территории Крыма остаются все памятники Владимиру Ленину, другим советским вождям. Крымские власти даже не решаются вернуть исторические названия симферопольским улицам, которые носят имена Бела Куна, Вацлава Воровского, Андрея Желябова и других более или менее спорных для многих персонажей (ведущей от железнодорожного вокзала к правительственному кварталу улице Карла Маркса только в 2022 г. вернули историческое название – Екатерининская). Хотя, социальный запрос на такой возврат явно есть. Такая же политика проводится и относительно совершенно искусственных с точки зрения исторической памяти украинских мемориальных объектов на полуострове. В Симферополе и других городах Крыма стоят памятники Тарасу Шевченко, его именем названы улицы и учреждения. Крымская общественность уже много лет добивается переименования Республиканской научной библиотеки, носящей имя западно-украинского писателя Ивана Франко – человека, даже близко не подъезжавшего к Крыму. Однако это дело так и не сдвинулось с мертвой точки. С большой долей вероятности можно сказать, что крымские власти опять не хотят обижать «братский украинский народ», демонстрируя самые худшие практики «ленинской национальной политики» [1].

К подобной политике соблюдения мемориального баланса следует отнести и попытки встроить часть крымско-татарского нарратива в официальный. Например, в 2020 г. в Симферополе был открыт памятник дважды Герою Советского Союза Амет-Хан Султану, а в 2021-м готовится открытие упоминавшегося выше Мемориала на станции Сюрень [9]. Также после 2014 г. крымско-татарский нарратив был немного подкорректирован в сторону меньшей конфликтности с

имперско-советским. Теперь из публикаций и выступлений некоторых представителей крымско-татарской элиты можно услышать, что их народ всегда был за Россию. А в качестве примеров приводятся Отечественная война 1812 г., межнациональная гармония в Крымской АССР, период Великой Отечественной войны. Правда, с последним примером часто проявляются старые дискуссии, связанные, главным образом, с проблемой коллаборационизма.

Тема коллаборационизма во всех крымских нарративах была актуальна, является актуальной и останется актуальной в обозримом будущем. У нее значительный конфликтогенный потенциал, и, фактически, это главный триггер большинства войн памяти на Крымском полуострове. Причем, так происходило и происходит на протяжении всей истории постсоветского Крыма, и при украинской власти, и при российской. Во всяком случае, сейчас каких-то коренных изменений в реакциях на тему коллаборационизма не наблюдается.

В целом, можно назвать три причины такого интереса. Первая причина – чисто познавательная. О коллаборационизме советских граждан вообще и крымчан в частности до 1991 г. писали и говорили крайне мало. Поэтому нет ничего удивительного, что после «архивной революции» начала 1990-х, появления зарубежных монографий, эмигрантской литературы эта тема обрела популярность, как у всех, интересующихся историей, так и у научного сообщества. И, надо сказать, что эта популярность не ослабевает, а остается устойчивой и даже нарастает в некоторых случаях. Почему же так происходит?

Тут следует назвать вторую причину. Обвинения в коллаборационизме являются очень действенным аргументом в политических баталиях. В период до 2014 г., например, крайне низкая популярность некоторых украинских партий в Крыму объяснялась тем, что в глазах избирателей они прочно ассоциировались с украинскими националистами времен Второй мировой войны. При этом, и коммунисты, и пророссийские силы активно подогревали такие настроения, мемориальным выражением которых стало открытие в Симферополе, в 2007 г. памятника «Выстрел в спину». Этот памятник должен был напоминать крымчанам о тех, кто погиб от рук украинских националистов [2]. В российский период акценты, по понятным причинам, сместились. Теперь местные «левые» обвиняют в пронацистском коллаборационизме «белых», а заодно и всех тех, кто пытается увековечить память, например, Русского исхода 1920 г. Тут можно опять сослаться на конфликт вокруг поставленного в Севастополе памятника Примирению. Уже на уровне обсуждения его концепции в «левых» СМИ и на Интернет-ресурсах появились псевдонаучные утверждения, что это памятник коллаборационистам. В данном случае, логика тут была такая: часть белой эмиграции поддерживала нацистов, значит, ни о каком памятнике, где упоминаются ее представители, не может быть и речи [15].

Наконец, третья причина интереса к теме коллаборационизма является самой актуальной для Крыма и связана она с межнациональными отношениями на полуострове. Не секрет, что в годы немецкой оккупации здесь имело место значительное количество коллаборационистских проявлений. И часть из них

вылилась в создание коллаборационистских организаций и воинских формирований по этнонациональному признаку. Более того, обвинения в таком коллаборационизме послужили формальным поводом для массовых выселений с территории Крыма в 1944 г. крымских татар, армян, болгар и греков. В конце 1980-х гг. начался процесс возвращения этих народов на родину. В связи с этим, тема коллаборационизма получила дополнительный стимул для роста интереса к ней, а также значительный конфликтогенный потенциал. Из всего сказанного выше, можно понять, что основные войны памяти ведутся вокруг проблемы именно крымско-татарского коллаборационизма.

Доминантой крымско-татарского нарратива в этой части является полное отрицание любых достижений исторической науки, где идет речь о сколько-нибудь серьезном участии крымских татар в военных усилиях гитлеровской Германии. Априори отвергаются любые аргументы и факты, а исторические источники объявляются фальсифицированными или созданными в целях пропаганды. Разумеется, эти негационисты всю свою доказательную базу строят исключительно на эмоциях, аргументах «от здравого смысла» и т.п. Такая позиция появилась еще в советское время и оформилась в украинское. В российское время особых изменений в ней нет, речь может идти только о частностях.

Обращает на себя внимания методология, с помощью которой крымско-татарский нарратив в этой своей части продвигался и продвигается в научную, образовательную и информационную повестку. Как правило, это целый комплекс практик: от прямых исторических фальсификаций – до общественно-политического давления на крымские власти. В украинский период истории Крыма координацией всех войн памяти на этом «фронте» занимался запрещенный в России «меджлис», который с разной степенью эффективности использовал дискуссии вокруг коллаборационизма для этнической мобилизации своих соплеменников. Например, чтобы нивелировать роль 152-го батальона Вспомогательной полиции порядка в деле уничтожения узников концлагеря в совхозе «Красный» (Симферопольский район), околomedжлисовскими историками была затеяна целая фальсификаторская вакханалия вокруг этих трагических событий. Начиная с 2010-х гг., делались информационные вбросы и писались псевдонаучные статьи, в которых говорилось, что до немецкого лагеря на территории «Красного» находился «лагерь НКВД», где был «расстрельный полигон» и т.п. Что в годы войны лагерь охраняли не крымско-татарский персонал из этого батальона, а русские «казаки» и «власовцы». Показательно, что фальсификаторы даже не утруждали себя ссылками на какие-нибудь исторические источники, поэтому не удивительно, что все подобные инсинуации были разоблачены, а версии о «лагере НКВД» остались достоянием маргиналов [16].

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации и признания «меджлиса» экстремистской организацией у части крымского исторического сообщества появилась надежда, что такие вещи прекратятся. Время показало, что это были беспочвенные иллюзии. Примером тому – случай с изданием в 2021 г. книги по истории концлагеря в совхозе «Красный». Если не вдаваться в излишние

подробности, то суть там такова: ряд крымско-татарских активистов непублично потребовали переписать главы, где упоминается национальная принадлежность персонала 152-го батальона и т.п. В данном случае эти требования оставили без ответа, и книга вышла в исходном варианте. Хотя, так бывает не всегда [11].

Выше говорилось о позиции крымских властей, направленных на установление баланса нарративов. Возможно, в многонациональном регионе такая политика и имеет смысл. Однако иногда она приводит к весьма странным (и, добавим, – публичным) случаям, который произошел в 2019 г. со школьным учебником «История Крыма», подготовленным известными на полуострове и за его пределами историками и политологами. Встав, фактически, на позицию крымско-татарских националистов, республиканское Министерство образования распорядилось вырезать из этого учебника страницы, посвященные проблеме коллаборационизма, и в таком, изуродованном виде раздать по школам [7].

Наконец, уже после 2014 г. была предпринята попытка в принудительном порядке, административным путем закрыть все неудобные для сторонников крымско-татарского нарратива дискуссии о коллаборационизме. В 2015 г. вице-спикер (на тот момент) Государственного совета Крыма Ремзи Ильясов прямо заявил о необходимости изъятия из открытого доступа литературы, содержащей «необъективную оценку участия крымских татар в Великой Отечественной войне». Тогда подобная инициатива вызвала целый шквал возмущений и не нашла поддержки ни у крымских властей, ни у профессиональных историков [5].

Проблема коллаборационизма наряду, например, с сюжетами о партизанском движении делают историю Великой Отечественной войны на территории Крыма самым трудным периодом всего крымского «трудного прошлого». Не учитывать этот конфликтногенный потенциал нельзя, поскольку память о войне с нацизмом является, по сути, несущей конструкцией всего общероссийского единства. И федеральные органы, и республиканские власти, как можно понять из сказанного выше, предпринимают много шагов, чтобы сгладить последствия от этих войн памяти. Одним из таких шагов можно назвать Федеральный проект «Без срока давности», направленный на увековечение памяти о жертвах нацистов в период оккупации части территории тогдашней РСФСР. Одной из его составляющих стали судебные процессы о признании нацистской оккупации геноцидом советского народа. В июне – июле 2022 г. такой процесс имел место в Республике Крым, по итогам которого местный Верховный суд постановил считать события 1941–1944 гг. геноцидом многонационального советского народа. Таким образом, через память о жертвах войны разных национальностей произошло частичное примирение конкурирующих нарративов, оставив за скобками вопрос о пособниках оккупантов, среди которых тоже были представители разных этнонациональных групп [4].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что взгляды на крымскую историю в постсоветский период действительно можно охарактеризовать, как «трудное прошлое», зримыми проявлениями которого являлись и являются мемориальные конфликты и войны памяти. Свои представления о прошлом и его трудности крымское сообщество аккумулирует в исторических нарративах. И тут

следует констатировать, что нет единого крымского нарратива – у каждого из народов, населяющих полуостров, он свой. Тем не менее, основными, между которыми, начиная с 1991 г., шла и идет постоянная конкуренция, являются имперско-советский, украинский и крымско-татарский нарративы. Ход исторических событий показал полную искусственность и внешнюю навязанность для крымчан украинского нарратива. Поэтому, на данный момент остались только два: имперско-советский, отражающий взгляды на свое прошлое большинства крымчан, и крымско-татарский – узкий этнонациональный нарратив.

В силу целого ряда причин исторического, политического и социального характера доминирующим взглядом на прошлое является имперско-советский нарратив, который направлен на формирование у крымского сообщества устойчивых представлений о Российской империи / СССР как, в целом, государствах, принесших в Крым прогресс и процветание. Также нельзя не отметить героическую составляющую этого нарратива и концепт сакральности полуострова для российской государственности. В целом, и сторонник монархии, и советский патриот смотрели и смотрят на крымское прошлое одинаково, за исключением событий Русской революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. Однако эти разногласия исчезали, когда заходила речь о защите своего нарратива от конкурентов.

Украинский и крымско-татарский нарративы транслировали и транслируют взгляд на крымское прошлое полностью противоположный предыдущему. С точки зрения его носителей, приход на полуостров Российской империи / СССР, наоборот, был связан с тотальным упадком, притеснениями и геноцидами. Разумеется, именно на этой почве возникали все мемориальные конфликты и велись войны памяти. И, если, украинский нарратив явно проигрывал имперско-советскому по всем показателям, то крымско-татарский мог даже конкурировать, особенно, когда становился инструментом в политической или геополитической борьбе или как ресурс для этнической мобилизации.

Следует обратить внимание еще на вот какой факт. За исключением упоминавшегося периода Русской революции и гражданской войны сторонники имперско-советского нарратива не считают свое прошлое «трудным». Таковым его, наоборот, видят сторонники крымско-татарского нарратива. Эта виктимизация (не без внешней поддержки) привела к тому, что после возвращения Крыма в состав Российской Федерации могло показаться, что эти нарративы несовместимы вообще, а их сторонники обречены на перманентный мемориальный конфликт со всеми вытекающими из него последствиями, например, в межнациональной сфере. И надо сказать, что по инерции так и продолжалось: некоторые шаги новой власти обескураживали и вызвали недоумение у профессиональных историков и обычных крымчан. Тем не менее, со временем был предпринят ряд шагов, которые позволили, если не примирить, то очень сильно сблизить нарративы. Среди основных можно назвать интеграцию части крымско-татарского нарратива в имперско-советский и попытки республиканских крымских властей соблюдать баланс нарративов, вылившийся в баланс мемориализаций и коммеморативных

практик. Также следует отметить позитивные изменения, которые произошли в российской исторической политике за последние пять лет. С одной стороны они сделали ее более грамотной и системной, а с другой – позволили посмотреть на некоторые события «трудного прошлого» под иным взглядом. В крымском «трудном прошлом» таким событием являлся и является коллаборационизм части советских граждан с нацистским военно-политическим руководством. В рамках конкуренции нарративов мемориальный конфликт на его почве был неразрешим в принципе. Однако, благодаря Федеральному проекту «Без срока давности» акцент был смещен на многонациональный характер жертв немецких оккупантов, а не их пособников. В целом, конечно, такой шаг смягчил мемориальный конфликт, но, и это следует признать, он никуда не делся. И вопрос пока остается открытым.

Список использованных источников и литературы

1. Библиотеку имени Франко в Симферополе переименовывают // Крымская правда: сайт. 2022. 07 декабря. – URL: <https://c-pravda.ru/news/2022-12-07/biblioteku-imeni-franko-v-simferopole-pereimenuyut> (дата обращения: 07.11.2024).
Biblioteku imeni Franko v Simferopole pereimenuyut // Krymskaya pravda: sajt. 2022. 07 dekabrya. – URL: <https://c-pravda.ru/news/2022-12-07/biblioteku-imeni-franko-v-simferopole-pereimenuyut> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
2. В Крыму открыт монумент жертвам бандеровцев // Lenta.ru: сайт. 2007. 4 сентября. – URL: <https://lenta.ru/news/2007/09/14/monument/> (дата обращения: 07.11.2024).
V Krymu otkryt monument zhertvam banderovcev // Lenta.ru: sajt. 2007. 4 sentyabrya. – URL: <https://lenta.ru/news/2007/09/14/monument/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
3. Возгрин В. Е. История Крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. – Т. 1–4.
Vozgrin V. E. Istoriya Krymskih tatar: ocherki etnicheskoj istorii korennoogo naroda Kryma v chetyrekh tomah. – Simferopol': Krymuchpedgiz, 2013. – Т. 1–4.
4. Волкодав, Михаил. Верховный суд Крыма признал геноцид 219 тысяч человек во время Великой Отечественной войны // Коммерсантъ. 2022. 07 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448606> (дата обращения: 07.11.2024).
Volkodav, Mihail. Verhovnyj sud Kryma priznal genocid 219 tysyach chelovek vo vremena Velikoj Otechestvennoj vojny // Kommersant'. 2022. 07 iyulya. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448606> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
5. Гаврилёва, Наталья. «Забрать все книги бы да сжечь!» // Крымское эхо: сайт // 2015. 03 апреля. – URL: <https://c-echo.info/zabrat-vse-knigi-by-da-szhech/> (дата обращения: 07.11.2024).
Gavrilyova, Natal'ya. «Zabrat' vse knigi by da szhech'!» // Krymskoe ekho: sajt // 2015. 03 aprelya. – URL: <https://c-echo.info/zabrat-vse-knigi-by-da-szhech/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
6. Галичанец, Микола. Наш Український Крим. – Тернопіль: Мандрівець, 2007. – 396 с.
Galychanec', Mykola. Nash Ukrayins'kij Krim. – Ternopil': Mandrivec', 2007. – 396 s.
7. Дацюк, Надежда. Минобраз Крыма о скандальном учебнике истории полуострова: пока что им в школах пользоваться не будут // Комсомольская правда: сайт. 2019. 18 февраля. – URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26943.5/3994600/> (дата обращения: 07.11.2024).
Dacyuk, Nadezhda. Minobraz Kryma o skandal'nom uchebnike istorii poluoostrova: пока что im v shkolah pol'zovat'sya ne budut // Komsomol'skaya pravda: sajt. 2019. 18 fevralya. – URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26943.5/3994600/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
8. Жмуцкий, Дмитрий. Парламент Крыма просит КС Украины отобрать звание героя у Шухевича // РАПСИ. Российское агенство правовой и судебной информации. 2010. 16 июня. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20100616/250260250.html (дата обращения: 07.11.2024).

Zhmuckij, Dmitrij. Parlament Kryma prosit KS Ukrainy otobrat' zvanie geroya u Shuhevicha // RAPSİ. Rossijskoe agenstvo pravovoj i sudebnoj informacii. 2010. 16 iyunya. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20100616/250260250.html (data obrashcheniya: 07.11.2024).

9. Изотов, Илья. В Симферополе открыли памятник летчику-асу Амет-Хану Султану // Российская газета: сайт. 2020. 25 октября. – URL: <https://rg.ru/2020/10/25/reg-ufo/v-simferopole-otkryli-pamiatnik-letchiku-asu-amet-hanu-sultanu.html> (дата обращения: 07.11.2024).

Izotov, Il'ya. V Simferopole otkryli pamyatnik letchiku-asu Amet-Hanu Sultanu // Rossijskaya gazeta: sajt. 2020. 25 oktyabrya. – URL: <https://rg.ru/2020/10/25/reg-ufo/v-simferopole-otkryli-pamiatnik-letchiku-asu-amet-hanu-sultanu.html> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

10. История Крыма: В 2 т. / Под ред. А. В. Юрасова и др. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. 1–2.

Istoriya Kryma: V 2 t. / Pod red. A. V. Yurasova i dr. – M.: Kuchkovo pole, 2017. – T. 1–2.

11. Константинов В. А., Кизилев М. Б., Бобков В. В. «Красный». История нацистского концлагеря смерти. – Симферополь: АРИАЛ, 2021. – 412 с.

Konstantinov V. A., Kizilov M. B., Bobkov V. V. «Krasnyj». Istoriya nacistskogo konclagerya smerti. – Simferopol': ARIAL, 2021. – 412 s.

12. Крим від античності до сьогодні: Історичні студії / Відп. ред. В. Смолій. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. – 708 с.

Krym vid antychnosti do s'ogodennya: Istorychni studiyi / Vidp. red. V. Smolij. – Kyiv: Instytut istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2014. – 708 s.

13. Мемориал памяти жертв депортации крымских татар будет стоить 400 млн. рублей // Интерфакс.ру: сайт. 2016. 18 мая. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/508890> (дата обращения: 07.11.2024).

Memorial pamyati zhertv deportacii krymskih tatar budet stoit' 400 mln. rublej // Interfaks.ru: sajt. 2016. 18 maya. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/508890> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

14. Наш Крым: неросійські історії українського півострова: зб. ст. / упоряд. та вступ С. В. Громенко. – Київ: К.І.С., 2016. – 315 с.

Nash Krym: nerosijs'ki istoriyi ukrayins'kogo pivostrova: zb. st. / uporyad. ta vstup S. V. Gromenko. – Kyiv: K.I.S., 2016. – 315 s.

15. Окунев, Дмитрий. «Потоки лжи»: почему памятник Примерения не устроил ни красных, ни белых // Газета.ру: сайт. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml (дата обращения: 07.11.2024).

Okunev, Dmitrij. «Potoki lzhi»: pochemu pamyatnik Primereniya ne ustroil ni krasnyh, ni belyh // Gazeta.ru: sajt. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml (data obrashcheniya: 07.11.2024).

16. Олег Романько. Концлагерь «Красный» – нацистская «фабрика смерти» под Симферополем // Крымформ. Информационное агентство. 2015. 08 мая. – URL: <https://www.c-inform.info/news/id/22733> (дата обращения: 07.11.2024).

Oleg Roman'ko. Konclager' «Krasnyj» – nacistskaya «fabrika smerti» pod Simferopolem // Kryminform. Informacionnoe agentstvo. 2015. 08 maya. – URL: <https://www.c-inform.info/news/id/22733> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

17. Памятник Екатерине II открыли в Симферополе // ТАСС.ру: сайт. 2016. 19 августа. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3550819> (дата обращения: 11.07.2024).

Pamyatnik Ekaterine II otkryli v Simferopole // TASS.ru: sajt. 2016. 19 avgusta. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3550819> (data obrashcheniya: 11.07.2024).

18. Пронина, Маргарита, Паньков, Анатолий. В Севастополе открыли закладной камень памятника 100-летию окончания Гражданской войны // НТС. Независимое телевидение Севастополя: сайт. 2019. 20 сентября. – URL: <https://nts-tv.com/news/v-sevastopole-otkryli-zakladnoy-kamen-pamyatnika-1-21651/> (дата обращения: 07.11.2024).

Pronina, Margarita, Pan'kov, Anatolij. V Sevastopole otkryli zakladnoj kamen' pamyatnika 100-letiyu okonchaniya Grazhdanskoj vojny // NTS. Nezavisimoe televidenie Sevastopolya: sajt. 2019. 20 sentyabrya. – URL: <https://nts-tv.com/news/v-sevastopole-otkryli-zakladnoy-kamen-pamyatnika-1-21651/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

19. Сергійчук В. І. Український Крим. – Київ: Українська Видавнича Спілка, 2001. – 304 с.
Sergijchuk V. I. Ukrayins'kij Krym. – Kyuiv: Ukrayins'ka Vydavnycha Spilka, 2001. – 304 s.
20. Чорномор, Володимир. Повстанчий Крим: повість. – Сімферополь: Таврія, 2009. – 215 с.
Chornomor, Volodymyr. Povstanchyj Krym: povist'. – Simferopol': Tavriya, 2009. – 215 s.
21. Шукин, Платон. РПЦ оскорбилась памятником Дзержинскому в Крыму // Lenta.ru: сайт. 2021. 12 сентября. – URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/12/felix/> (дата обращения: 07.11.2024).
Shchukin, Platon. RPTs oskorbilas' pamyatnikom Dzerzhinskому v Krymu // Lenta.ru: sajt. 2021. 12 sentyabrya. – URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/12/felix/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

Romanko O. V. The History of Crimea as a «complicated past»: memorial conflicts and discussions in the post-Soviet period

This article examines the concept of «complicated past» in relation to the history of Crimea. Using the example of discussions that took place in scientific and socio-political discourses in the post-Soviet period, the main memorial conflicts and wars of memory that are taking place since 1991 are analyzed. The main points of the Crimean «complicated past», the mechanisms of contradictions arising on its basis and the ways of their possible overcoming are shown. Based on the conducted research, it is concluded that all memorial conflicts and wars of memory on the territory of Crimea stem from the competition of three historical narratives, which can be conditionally called Imperial-Soviet, Ukrainian and Crimean Tatar. Moreover, the main ones, between which the main competition is taking place, are the Imperial-Soviet and Crimean Tatar, with the almost complete disappearance of the Ukrainian narrative from the public sphere. The federal government and the Crimean republican authorities are trying to overcome these contradictions, which clearly lead from memorial conflicts to more serious contradictions, primarily interethnic ones. In this regard, a whole range of historical policy measures in this area and the results of its application are analyzed, namely: embedding the Crimean Tatar narrative into the imperial-Soviet one, the balance of narratives, etc. Using the example of the problem of collaboration during the Nazi occupation of Crimea, a new approach to solving memorial conflicts is demonstrated.

Keywords: Crimea, «complicated past», memorial conflict, wars of memory, historical narrative, historical politics, Collaboration.

УДК 902.21

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-137-155

КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАЛКЕ АГАР-СУ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

Смекалова Т. Н., Деваев А. С., Фридрихсон С. К., Гаврилюк А. Н.

*Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: tnsmek@mail.ru; dsaleksey@gmail.com;
blue.vombat@gmail.com; Andrey_gavr@inbox.ru*

Публикуются результаты комплексных археолого-геофизических разведок и исследований поселений бронзового века вдоль берегов крупной балки Агар-Су на Тарханкутском полуострове в Северо-Западном Крыму. Разведками выявлено пять поселений эпохи средней и поздней бронзы. С помощью магнитной съёмки получены их планы. На трёх поселениях выявлены двойные каменные загоны. Таким образом, число подобных загонов, обнаруженных на поселениях бронзового века в Северо-Западной Таврике, достигло уже 26.

Ключевые слова: балка Агар-Су, Северо-Западный Крым, поселения бронзового века, двойные каменные загоны для скота, магнитная съёмка.

Данная статья представляет собой продолжение публикации результатов комплексных систематических археолого-геофизических разведок поселений бронзового века в Северо-Западном Крыму [1–4]. Балка Агар-Су (Старый Донузлав) с притоками, впадающая с запада в верховья озера Донузлав у с. Красноярское (бывш. Донузлав), является наиболее длинной и разветвленной балочной системой из всего бассейна водосбора этого озера. В 2023 г. были проведены комплексные разведки по разработанной в Отделе естественно-научных методов в археологии КФУ им. В. И. Вернадского археолого-геофизической методике по всему течению балки Агар-Су и ее главных притоков – балок Глебовская и Кузнецкая. Исследования проводились от с. Красноярское на востоке до южных окраин с. Кузнецкое и урочища Каракулевка на юго-западе (рис. 1).

На первом этапе проводилось выявление предполагаемых поселений в балочной системе Агар-Су по космическим снимкам и автомобильно-пешим разведкам. Для этого изучались космические снимки всего исследуемого региона, сделанные для разных времен года, на общей площади более 90 км². Из них были выделены наиболее информативные участки (отмечены 1–5 на рис. 1), на которых

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-68-00010, <https://rscf.ru/project/22-68-00010/>.

The investigation was carried out with help of Russian Science Foundation, project No. 22-68-00010, <https://rscf.ru/en/project/22-68-00010/>.

выделялись пятна более густой и яркой растительности в потенциально перспективных ландшафтных позициях – на мысах или берегах балок. Проведенные после этого автомобильно-пешие маршруты выявили места для дальнейшего изучения методом магнитной съёмки. Во время визуальных обследований предполагаемых поселений проводился сбор подъёмного материала, отмечались особенности поверхности, делались заметки относительно дальнейших исследований с помощью магнитной съёмки.

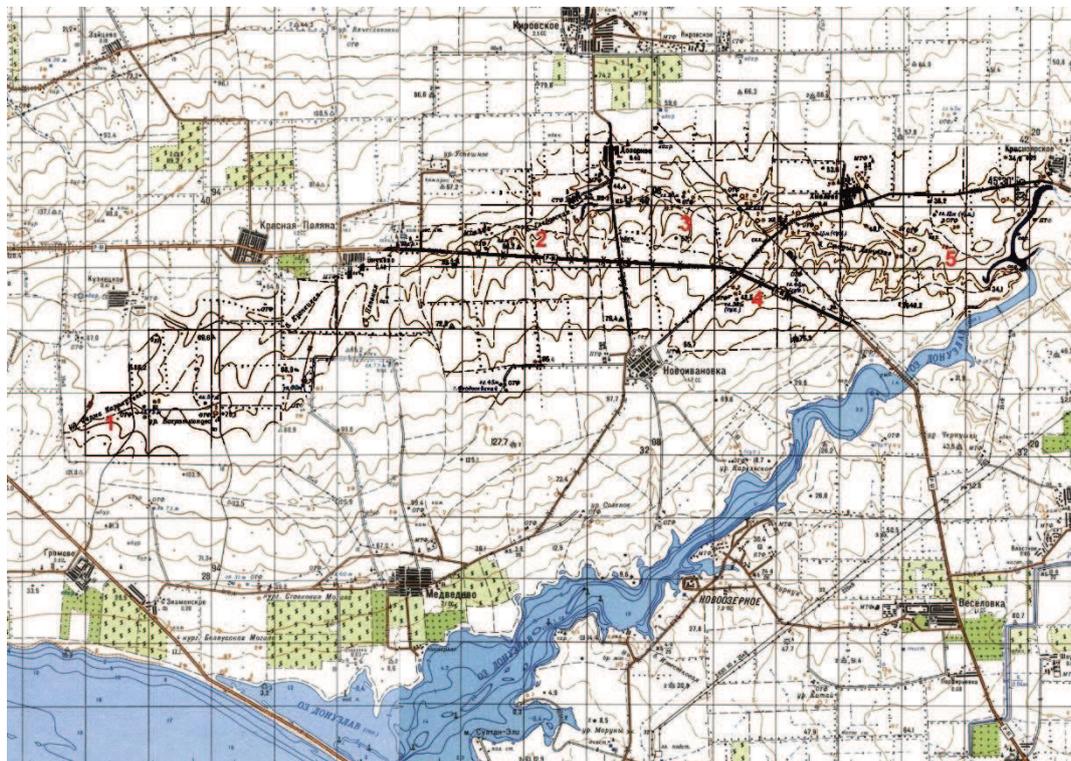

Рис. 1. Район исследований в балке Агар-Су, показанный на карте 1989 г. масштаба 1:100000. Показаны поселения: 1 – Агар-Су-1, 2 – Агар-Су-2, 3 – Агар-Су-4, 4 – Агар-Су-5, 5 – Тобень-Кара-2

На втором этапе проводились магнитная и прецизионная геодезическая съёмки на поселениях балочной системы Агар-Су. Пять наиболее выразительных объектов (Агар-Су-1, Агар-Су-2, Агар-Су-4, Агар-Су-5 и Тобень-Кара-2) из тех, что были открыты в 2023 г. с помощью космических снимков и автомобильно-пеших обследований, были выбраны для проведения на них детальных магнитной и геодезической съёмок. Общая площадь магнитной съёмки в районе балочной системы Агар-Су составила 7,1 га, геодезической – 12 га. Координаты угловых

точек участков магнитной съёмки были измерены с помощью дифференциальных GPS приемников Trimble R8 в системе СК-63 и Garmin 62s – в системе WGS 84.

Поселение Агар-Су-1

Поселение Агар-су-1 находится в верхнем течении на правом берегу Кузнецкой балки – притока балки Агар-Су, в 3 км к югу от южной окраины с. Кузнецкое, на небольшом мысу, образованном основной балкой и двумя небольшими боковыми оврагами. На полуверстовой карте конца XIX в. в 0,5 км к востоку от поселения Агар-Су-1 показан хутор Кыр-чегер-аджи (сейчас ферма), а в 2 и 2,5 км к западу и юго-западу – еще две кошары (рис. 2).

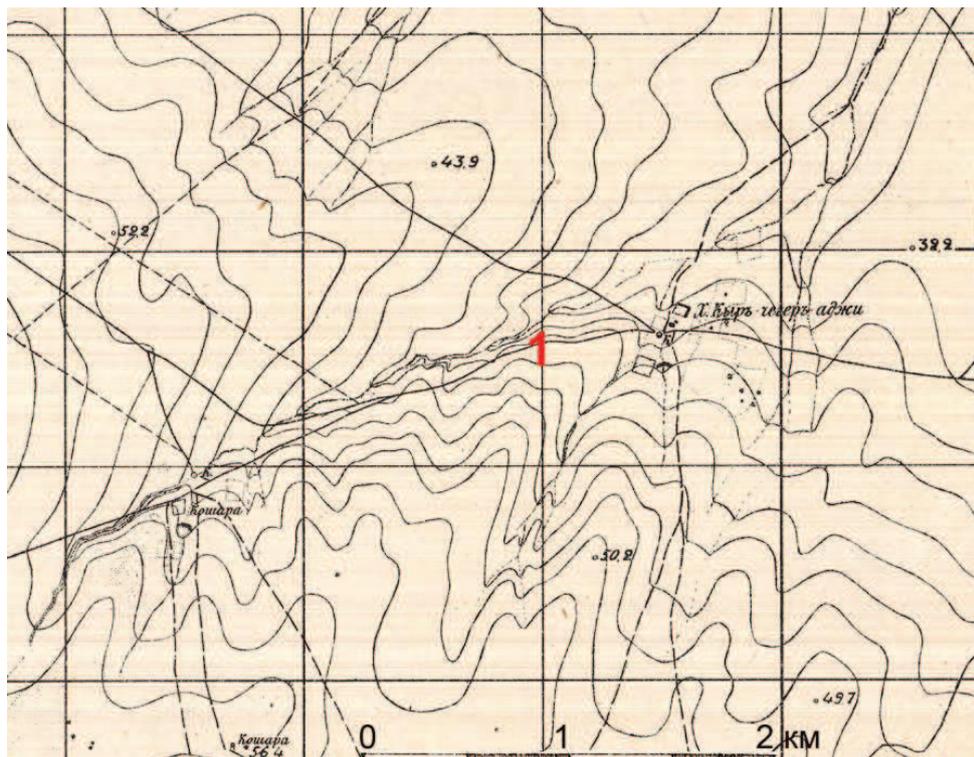

Рис. 2. Участок верхнего течения Кузнецкой балки на полуверстовой карте конца XIX в., указано поселение Агар-Су-1 (1)

Первоначально этот мыс был отмечен на космическом снимке от 17.03.2019 г. по пятну интенсивной травянистой растительности. Затем, в ходе пеших разведок, на выбитой колесами машин дороге были обнаружены выходы крупных камней на поверхность и найдены довольно многочисленные фрагменты лепной керамики и костей животных.

На предполагаемом поселении была проведена магнитная съёмка на площади 1,5 га и прецизионная геодезическая съёмка на площади 3,5 га (рис. 3). На магнитной карте этого поселения очень четко виден двойной каменный загон, отразившийся в магнитном поле в качестве отрицательной магнитной аномалии (рис. 3, 1). Кроме этого, вдоль течения едва видной боковой балки, впадающей с юга в Кузнецкую балку, заметен целый ряд локальных прямоугольных положительных аномалий, которые создаются, вероятно, магнитным заполнением полужемлянок (рис. 3, 2).

Рис. 3. Магнитная карта поселения Агар-Су-1 на фоне топографической съёмки и космического снимка от 30.05.2016 г.

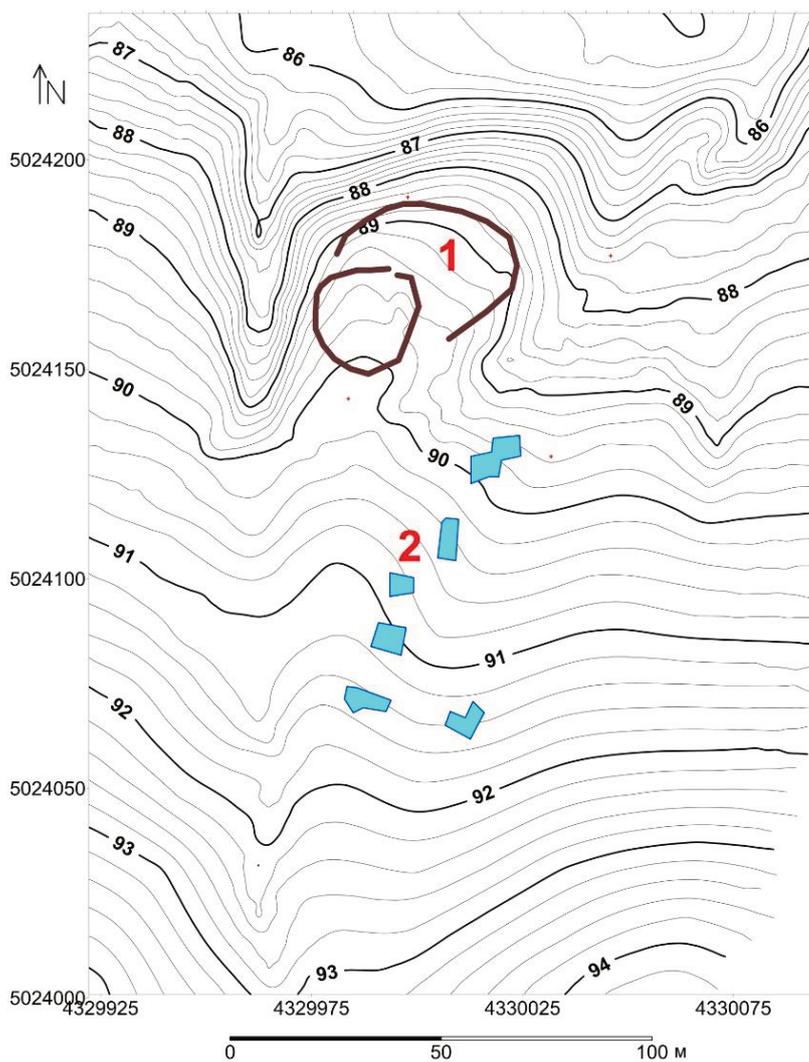

Рис. 4. Интерпретация магнитной съёмки (1 – двойной загон, 2 – группа полуземлянок) на поселении Агар-Су-1 на фоне топографической съёмки, сечение изолиний высот 0,2 м

Поселение Агар-Су-2

Поселение Агар-Су-2 расположено на левом берегу Глебовской балки, являющейся частью балки Агар-Су, на небольшом мысу, образованном основной балкой и двумя небольшими боковыми оврагами (рис. 1). Это поселение находится в 2,8 км к ЮЗ от южной окраины с. Дозорное.

Первоначально этот мыс был отмечен на космическом снимке от 30.05.2016 г. по пятну интенсивной травянистой растительности. В 160 м к западу проходит лесополоса в меридиональном направлении. По восточной окраине поселения проходит линия электропередач в направлении север–юг. С южной стороны в широтном направлении недалеко проходит магистральный газопровод. Затем, в ходе пеших разведок, на выбитой колесами машин дороге были обнаружены выходы крупных камней на поверхность, образующие полукруг и овал. На мысу было найдено несколько фрагментов лепной керамики: венчик с орнаментом в виде полос и рядов вдавлений и стенка сосуда с т.н. «расчесами» (рис. 5).

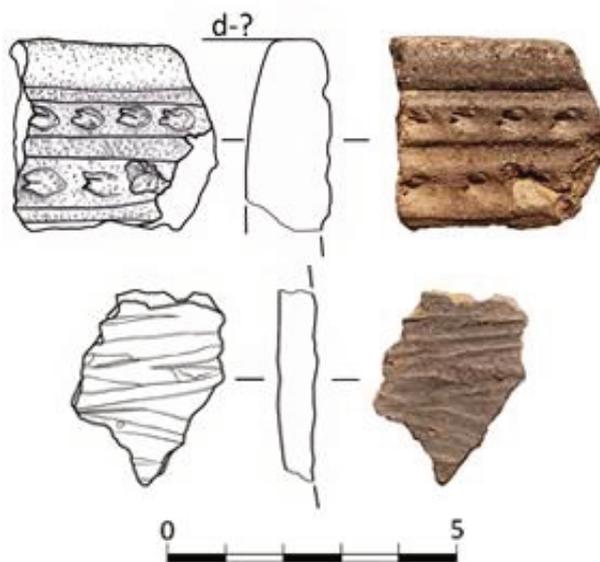
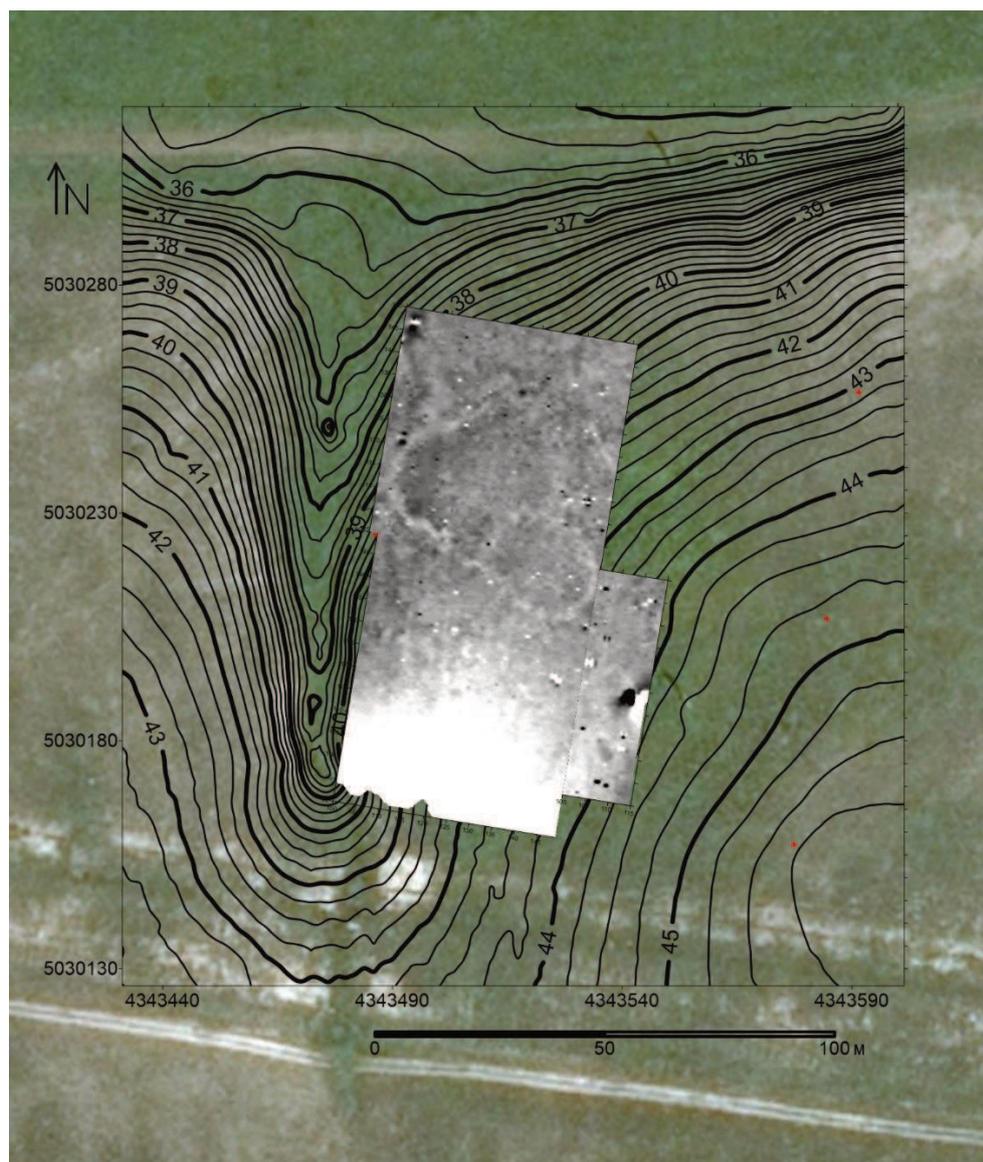

Рис. 5. Лепная керамика – подъёмный материал с поселения Агар-Су-2

На поселении Агар-Су-2 была проведена магнитная съёмка на площади 1,14 га и прецизионная геодезическая съёмка на площади 2,6 га (рис. 6). На магнитной карте четко проявился двойной каменный загон в виде отрицательной (светлой) аномалии и, возможно, одна полуземлянка (локальная положительная (темная) аномалия). Возможно, на этом поселении были и другие полуземлянки, но сигналы от них оказались замаскированы современными техногенными помехами. Одной из них являлась газовая труба, идущая с южной стороны поселения, создающая обширную отрицательную (светлую) аномалию. Также негативное влияние оказал бетонный электрический столб с заземлением, находящийся в юго-восточной части поселения.

Рис. 6. Магнитная карта поселения Агар-Су-2 на фоне топографической съёмки и космического снимка от 30.05.2016 г.

На интерпретационной карте (рис. 7) показаны выявленные археологические объекты (двойной каменный загон и полуземлянка), свидетельствующие о наличии здесь поселения позднего бронзового века.

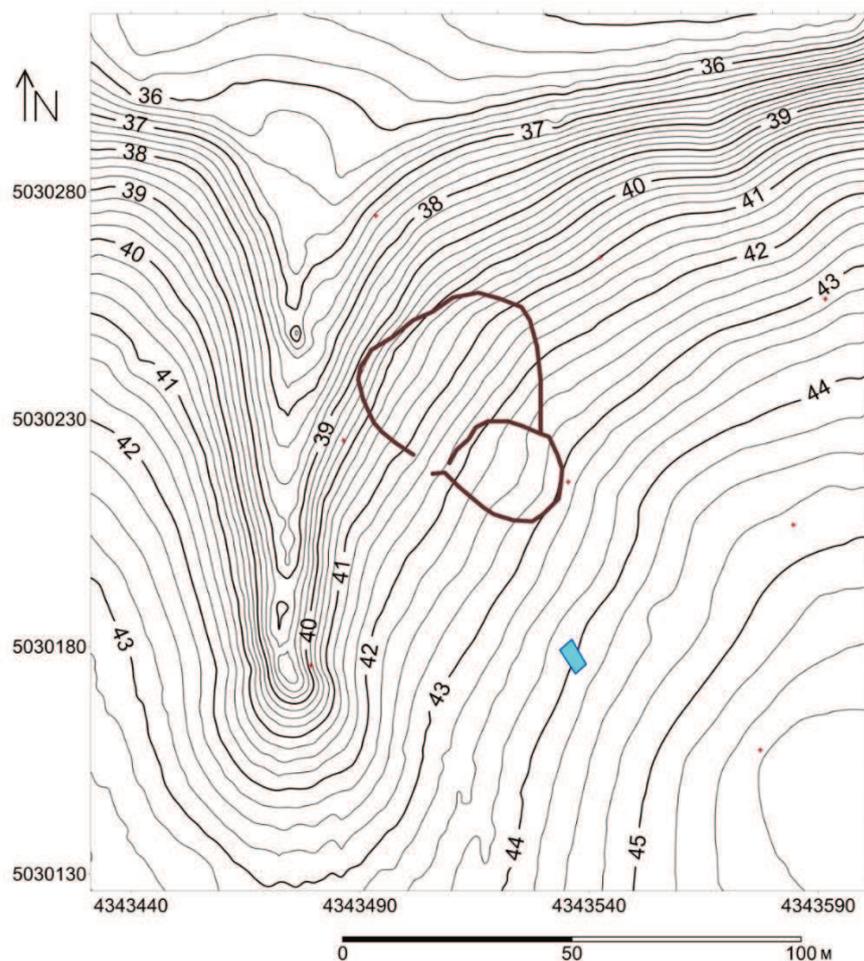

Рис. 7. Интерпретация магнитной съёмки (показаны двойной загон и полуземлянка) на поселении Агар-Су-2 на фоне топографической съёмки, сечение изолиний высот 0,2 м

Поселение Агар-Су-4

Поселение Агар-Су-4 находится на левом берегу небольшой боковой балки, впадающей в Глебовскую балку, являющуюся частью балки Агар-Су, на небольших соседних мысах. Это поселение находится в 2,6 км к ЮВ от южной окраины с. Дозорное. На полуверстовой карте конца XIX в. (рис. 8) можно видеть, что в 480 м к северу от поселения Агар-Су-4 располагалась большая татарская деревня Куль-Садык, в которой было 40 татарских дворов.

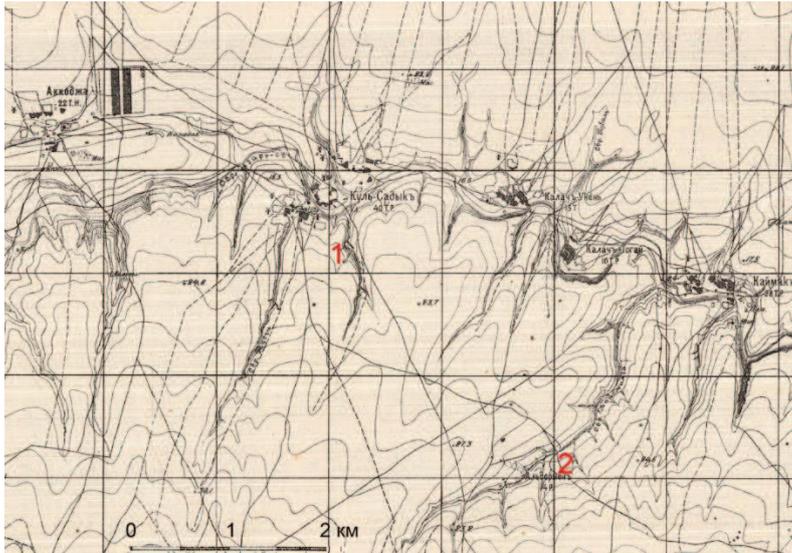

Рис. 8. Участок среднего течения балки Агар-Су на полуверстовой карте конца XIX в., указаны поселения Агар-Су-4 (1) и Агар-Су-5 (2)

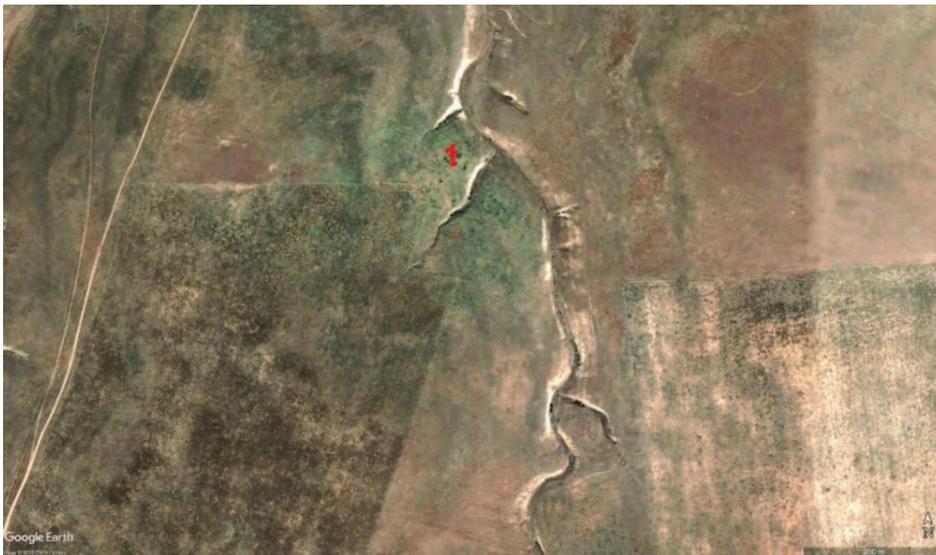

Рис. 9. Поселение Агар-Су-4 на космическом снимке от 21.03.2019 г.

Первоначально мысы, на которых располагалось поселение Агар-Су-4, были отмечены на космическом снимке от 21.03.2019 г. по более интенсивной и темной травянистой растительности (рис. 9). Здесь был собран достаточно многочисленный

подъёмный материал – лепная керамика с налепными валиками и врезным орнаментом (рис. 10).

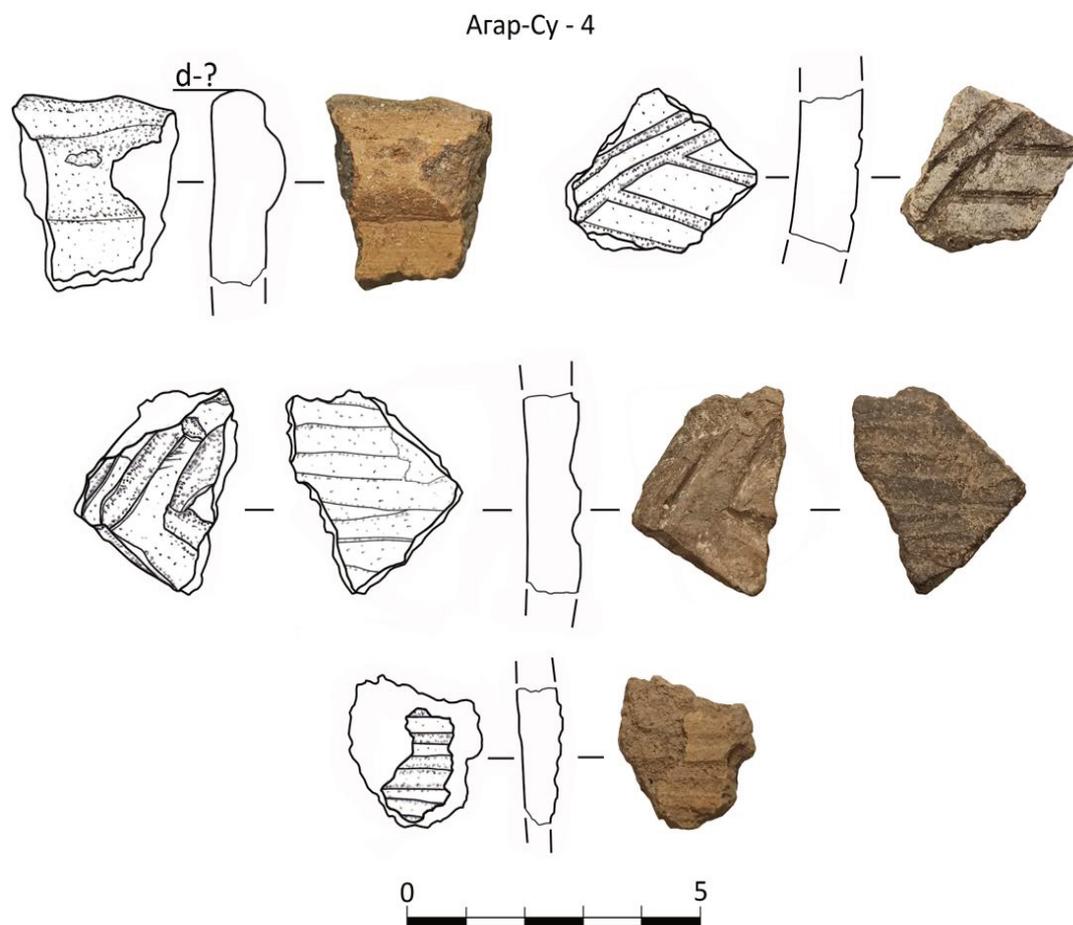

Рис. 10. Керамика из подъёмного материала, найденного на поселении Агар-Су-4. Рисунки и фотографии А. Н. Гаврилюка

На поселении Агар-Су-4 была проведена магнитная съёмка на площади 2,56 га и прецизионная геодезическая съёмка на площади 3,5 га. На магнитной карте (рис. 11) хорошо заметны локальные прямоугольные положительные (темные) аномалии от нескольких полуземлянок (рис. 12). Возможно, между ними находились небольшие каменные загородки-загоны для скота.

Рис. 11. Магнитная карта поселения Агар-Су-4 на фоне топографической съёмки и космического снимка от 21.03.2019 г.

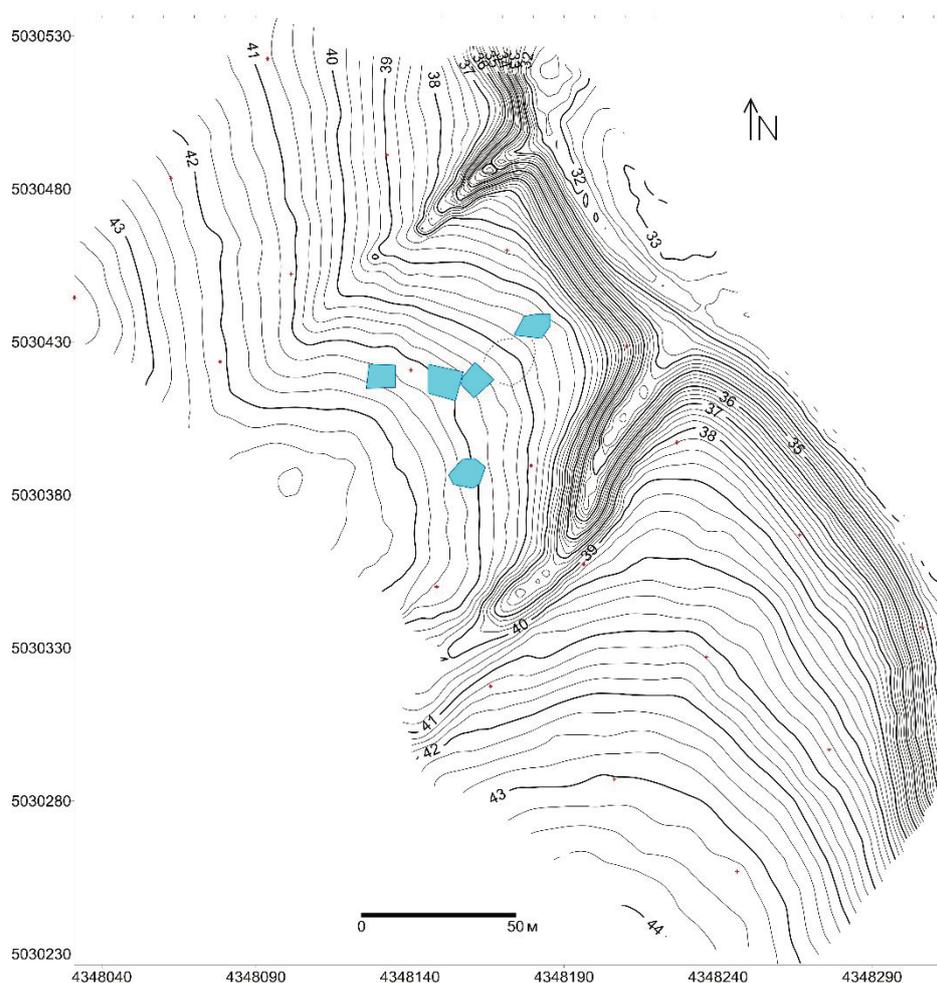

Рис. 12. Интерпретация магнитной съёмки (показаны двойной загон и полужемлянка) на поселении Агар-Су-4 на фоне топографической съёмки, сечение изолиний высот 0,25 м

Поселение Агар-Су-5

Поселение Агар-Су-5 находится на левом берегу небольшой боковой балки Манджилга, впадающей в Глебовскую балку, являющуюся частью балки Агар-Су, на небольшом мысу (рис. 1). Это поселение находится в 3,7 км к СВ от южной окраины с. Новоивановка. На полуверстовой карте конца XIX в. можно видеть, что

поселение Агар-Су-5 располагается напротив д. Альдермен, насчитывавшей 4 русских двора.

Первоначально этот мыс был отмечен на космическом снимке от 6.04.2019 г. по пятну интенсивной травянистой растительности. Затем, в ходе пеших разведок, были обнаружены выходы крупных камней на поверхность и немногочисленные фрагменты лепной керамики.

Рис. 13. Магнитная карта поселения Агар-Су-5 на фоне топографической съёмки и космического снимка от 6.04.2019 г.

На предполагаемом поселении Агар-Су-5 была проведена магнитная съёмка на площади 1,1 га и прецизионная геодезическая съёмка на площади 2,4 га (рис. 13). На

магнитной карте по отрицательной (светлой) аномалии четко выделяется каменный загон округлых очертаний размерами 30×25 м (рис. 14, 1). Возможно, это был двойной загон, но его более крупная овальная часть на магнитной карте видна не очень четко. То же можно сказать и о возможных полуземлянках. Пока удается указать только на одно такое помещение, примыкающее с южной стороны к округлому загону (рис. 14, 2).

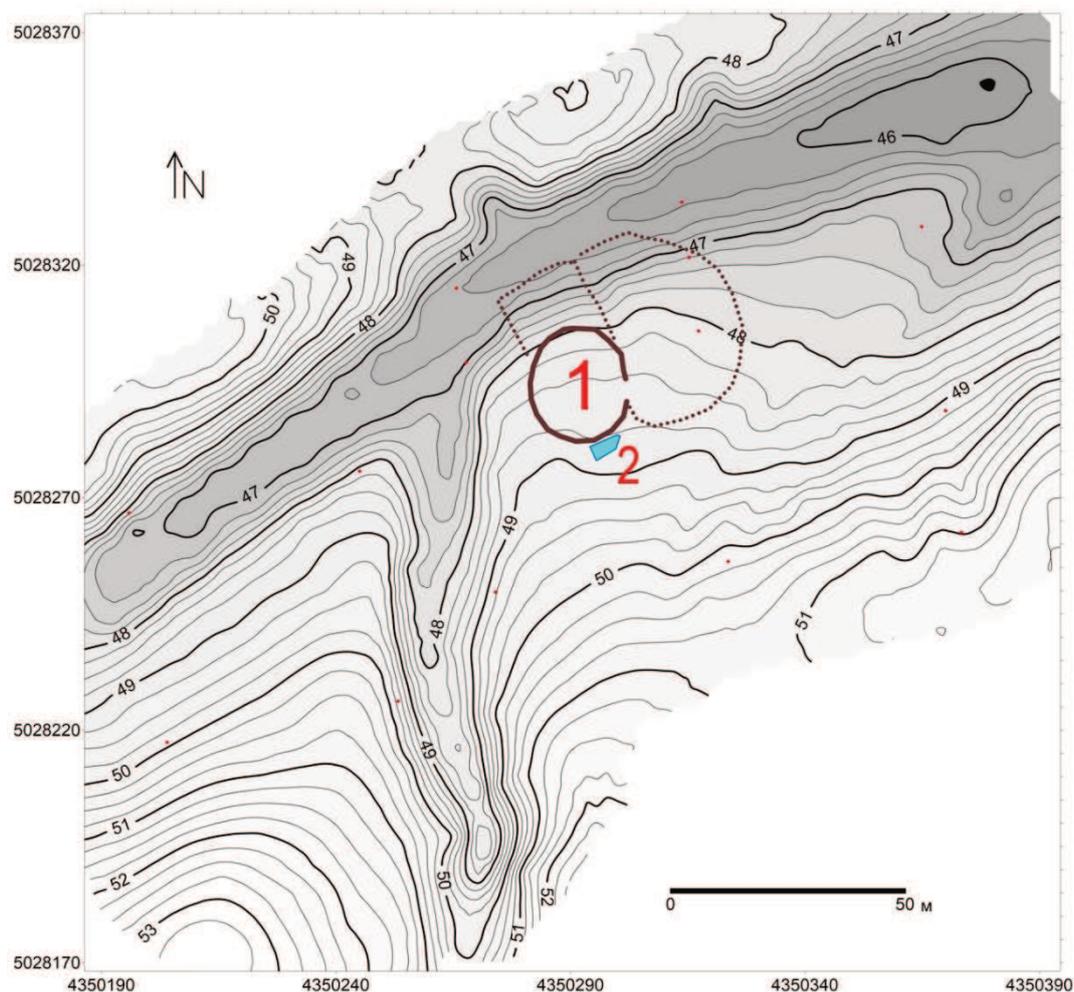

Рис. 14. Интерпретация магнитной съёмки (1 – двойной загон, 2 – полуземлянка) на поселении Агар-Су-5 на фоне топографической съёмки, сечение изолиний высот 0,25 м

Поселение Тобень-Кара-2

Поселение Тобень-Кара-2 находится на левом берегу балки Агар-Су, в месте выходов родников, питающих верховья озера Донузлав, на трёх небольших мысах (рис. 1). Поселение находится в важном и примечательном месте, где можно было пересечь балку Агар-Су, так как выше по течению эта балка уже обводнена. Это поселение находится в 4 км к ЮЗ от южной окраины с. Красноярское. На полуверстовой карте конца XIX в. (рис. 15, 1) видно, что поселение Тобень-Кара-2 располагается неподалеку от мечети Тобень-Кара, откуда это и другое поселение раннего железного века Тобень-Кара-1, располагающиеся непосредственно у развалин мечети, получили свои названия.

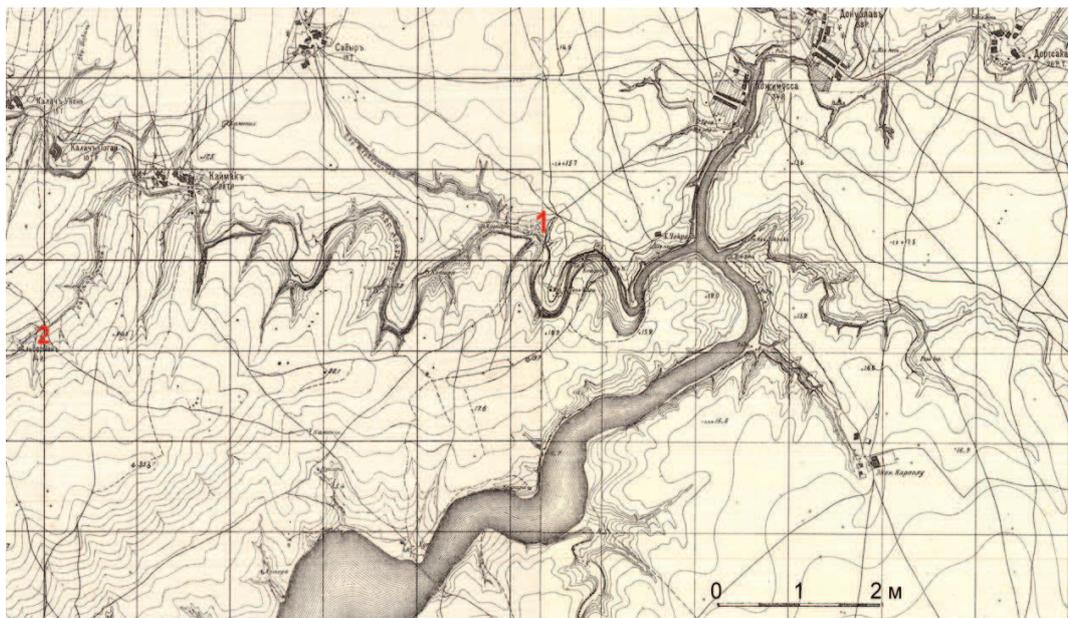

Рис. 15. Участок нижнего течения балки Агар-Су на полуверстовой карте конца XIX в., указаны поселения Тобень-Кара-2 (1) и Агар-Су-5 (2)

Поселение занимало три соседних мыса, спускающихся к балке Агар-Су. В этом месте на поверхность выходят обильные родники, воду из которых пьют стада, пасущиеся на окружающих склонах. Поэтому крутой спуск к воде на одном из мысов активно разрушается, обнажая культурные слои и остатки поселения в виде обожженной земли, камней, лепной керамики и костей животных (рис. 16).

На предполагаемом поселении Тобень-Кара-2 была проведена магнитная съёмка на площади 0,8 га (рис. 17), которая выявила несколько локальных положительных аномалий от жилищ-полуземлянок.

Рис. 17. Магнитная карта поселения Тобень-Кара-2 на фоне космического снимка от 21.08.2020 г.

Как видно из магнитной карты, на мысах располагались полуземлянки, группирующиеся в несколько кластеров (рис. 18). Для уточнения природы интенсивных положительных аномалий в месте разрушения культурного слоя на спуске к воде, на ограниченном участке была проведена электромагнитная съёмка с помощью прибора ЕМ-38. Проведенные измерения показали значительное возрастание электрической проводимости на месте положительной магнитной аномалии на самой оконечности мыса, по направлению к руслу балки, что может свидетельствовать о наличии золистой компоненты в грунте культурного слоя поселения, возможно, об индустриальном характере разрушающейся постройки.

Рис. 18. Интерпретация данных магнитной съёмки (показаны полуземлянки) на поселении Тобень-Кара-2

Выводы

Комплексные разведочные исследования в балочной системе Агар-Су выявили пять новых поселений эпохи средней и поздней бронзы (Агар-Су-1, Агар-Су-2, Агар-Су-4, Агар-Су-5 и Тобень-Кара-2), на трёх из которых (Агар-Су-1, Агар-Су-2, Агар-Су-5) с помощью магнитной съёмки были выявлены двойные загоны для скота, что существенно пополнило карту Северо-Западного Крыма эпохи бронзы [1, рис. 14, 71–74]. Таким образом, число подобных загонов, обнаруженных на поселениях бронзового века в Северо-Западной Таврике, достигло уже 26.

Поселения позднего бронзового века в средней части балки Агар-Су отстоят друг от друга на расстоянии, в среднем, около 4 км. Не исключено, что некоторые поселения пока не обнаружены. Ширина экономической зоны каждого поселения была не менее 2 км. В пределах хозяйственных зон поселений должны были находиться часть балки или соседних балок с временными водотоками. Кроме этого, в экономические зоны поселений должны были входить пастбища, располагающиеся на каменистых склонах и вершинах холмов, а также в низинах и по дну балок. Возможно, хозяйственными зонами поселений являлись также прилегающие плодородные поля, подходящие для занятия земледелием.

Список использованных источников и литературы

1. Смекалова Т. Н., Фридрихсон С. К., Деваев А. С., Савельев Д. О., Кецко Р. С., Борисов А. В. Новые поселения эпохи бронзы в Каймачинской балке (водосбор озера Донузлав) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2023. – Т. 9(75), № 4. – С. 110–129.

Smekalova T. N., Fridrikhson S. K., Devaev A. S., Savel'ev D. O., Ketsko R. S., Borisov A. V. Noveye poseleniya epokhi bronzy v Kaimachinskoi balke (vodosbor ozera Donuzlav) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2023. – T. 9(75), № 4. – S. 110–129.

2. Смекалова Т. Н., Фридрихсон С. К., Гаврилюк А. Н., Деваев А. С. Новые поселения позднего бронзового века в Кирлеутских балках на п-ве Тарханкут в Северо-Западном Крыму. Междисциплинарное исследование // История и археология Крыма. – 2023. – Вып. XIX. – С. 209–225.

Smekalova T. N., Fridrikhson S. K., Gavriilyuk A. N., Devaev A. S. Noveye poseleniya pozdnego bronzovogo veka v Kirleutskikh balkakh na p-ve Tarkhankut v Severo-Zapadnom Krymu. Mezhdistsiplinarnoe issledovanie // Istoriya i arkheologiya Kryma. – 2023. – Vyp. XIX. – S. 209–225.

3. Савельев Д. О., Смекалова Т. Н., Борисов А. В. Первые результаты междисциплинарного исследования поселения эпохи бронзы Тюмень-5 в Северо-Западном Крыму. Анализ кремневого материала // Археологические вести. – 2024. – Вып. 42. – С. 110–121.

Savel'ev D. O., Smekalova T. N., Borisov A. V. Pervye rezul'taty mezhdistsiplinarnogo issledovaniya poseleniya epokhi bronzy Tyumen'-5 v Severo-Zapadnom Krymu. Analiz kremneвого материала // Arkheologicheskie vesti. – 2024. – Vyp. 42. – S. 110–121.

4. Смекалова Т. Н., Гаврилюк А. Н. Каймачинский клад эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма: РФЛА состава сплава // Stratum Plus. – 2024. – № 2. – С. 147–174.

Smekalova T. N., Gavriilyuk A. N. Kaimachinskii klad epokhi bronzy iz Severo-Zapadnogo Kryma: RFIA sostava splava // Stratum Plus. – 2024. – № 2. – S. 147–174.

Smekalova T. N., Devaev A. S., Fridrikhson S. K., Gavriilyuk A. N. Comprehensive archaeological and geophysical studies of Bronze Age settlements in the Agar-Su ravine in Northwestern Crimea

The article publishes the results of comprehensive archaeological and geophysical exploration and research of Bronze Age settlements along the banks of the large Agar-Su gully on the Tarkhankut Peninsula in Northwestern Crimea. The exploration revealed five settlements of the Middle and Late Bronze Age. Their plans were obtained using magnetic survey. Double stone corrals have been found at three settlements. Thus, the number of such corrals found at Bronze Age settlements in North-Western Taurica has already reached 26.

Keywords: Agar-Su ravine, North-Western Crimea, Bronze Age settlements, double stone corrals for cattle, magnetic survey.

УДК 86.38

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-156-169

АББАСИДЫ VS АЛИДЫ

Сливак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lspivaq@mail.ru*

Проанализированы причины и обстоятельства формирования антиши'итской политики Аббасидов, проводимой ими после прихода к власти уже первых представителей этой династии. Используя в своих интересах на этапе антиумайядского восстания ши'итское движение, в дальнейшем Аббасиды вынуждены были осуществить разрыв с ним. Это выразилось не только в подавлении открытых антиаббасидских ши'итских восстаний, как это было, например, с выступлением Мухаммада б. 'Абдаллаха ан-Нафс аз-Закиййа, но и в изобретении официальных пропагандистских аргументов, свидетельствующих в пользу легитимности пришедшей к власти династии. Сначала таким аргументом служила легенда о «желтом свитке», содержащем сокровенные знания, который был якобы передан сыном Мухаммада б. ал-Ханафийи Абу Хашимом правнуку ал-'Аббаса б. 'Абд ал-Мутталиба Мухаммаду б. 'Али. Позднее, во времена правления халифа ал-Махди (775–785 гг.), был сформулирован тезис о переходе имамата после смерти Пророка не к 'Али б. Аби Талибу, но к дяде Мухаммада ал-'Аббасу б. 'Абд ал-Мутталибу. Делается вывод о том, что за время правления первых Аббасидов (от ас-Саффаха до ал-Хади), ими были осуществлены не только окончательный и, что принципиально важно, идеологически обоснованный разрыв с ши'итским движением, но и вынужденный поворот к политике прежней династии Умайядов в отношении ши'итов.

Ключевые слова: Аббасиды, Абу 'Абдаллах Джа'фар ас-Садик, Абу Муслим, Алиды, ал-Мансур, ал-Махди, ас-Саффах, имамат, Мухаммад б. 'Абдаллах ан-Нафс аз-Закиййа, халиф, ши'иты.

История ши'итского движения на протяжении периода правления Умайядов (661–750 гг.), наглядно демонстрирует тот факт, что в его религиозно-политической идеологии постепенно происходило расширение круга представлений, касающихся вопроса о возможных «законных» претендентах на верховную власть в мусульманской общине [1, с. 87–105]. Так, если сначала в качестве таковых рассматривались потомки 'Али б. Аби Талиба и дочери Пророка Фатимы, то с момента возникновения кайсанитского течения часть ши'итов признала законными права на имамат и халифат за Мухаммадом б. ал-Ханафийи (ум. в 701 г.) и его потомками. Наконец, восстание под руководством 'Абдаллаха б. Му'авийи (744 г.), который являлся правнуком брата халифа 'Али б. Аби Талиба Джа'фара б. Абу Талиба, стало возможным, благодаря признанию ши'итами Куфы законности притязаний иных представителей рода Абу Талиба. Аббасиды, используя и логически продолжив эту тенденцию, обосновали право на духовное и политическое руководство мусульманской уммой за потомками дяди Пророка ал-'Аббаса б. 'Абд ал-Мутталиба (ум. в 653 г.). Для понимания того каким образом им удалось перехватить инициативу в борьбе за власть у Талибидов, равно как и для

выяснения особенностей положения различных ши'итских групп во время правления ранних Аббасидов, необходимо обратиться к обстоятельствам прихода к власти представителей этой династии.

Как известно, аббасидская пропаганда на этапе подготовки антиумаййадского восстания и само восстание развивались под общим лозунгом «возврата власти семье Пророка». Следует отметить, что Аббасиды на деле не имели никаких преимуществ в своих притязаниях на верховную власть перед Алидами. Более того, заслуги перед исламом 'Аббаса б. 'Абд ал-Мутталиба и заслуги 'Али б. Аби Талиба, принявшего ислам «первым из людей мужеского пола» [2, с. 73] были несоизмеримы. В этих условиях Аббасиды, стремящиеся привлечь на свою сторону все настроенные против Умаййадов силы, и, прежде всего, различные группы ши'итов, нуждались в дополнительных обоснованиях своих претензий. Известно, что в 716 г., признанный группой ши'итов-кайсанитов имамом, сын Мухаммада б. ал-Ханафийи Абу Хашим по неизвестным причинам скончался в поместье правнука ал-'Аббаса б. 'Абд ал-Мутталиба Мухаммада б. 'Али. Преследуя свои цели, Аббасиды создали легенду, согласно которой, Абу Хашим передал в руки Мухаммада б. 'Али не только созданную им тайную организацию своих сторонников, но и некие тайные знания, дававшие право на имамат. Согласно легенде, эти знания были переданы Пророком 'Али б. Аби Талибу, они были записаны и содержались в некоем «желтом свитке», который 'Али б. Аби Талиб якобы оставил своему сыну Мухаммаду б. ал-Ханафийи, от которого они попали к Абу Хашиму. Умирая, Абу Хашим указал Мухаммаду б. 'Али местонахождение свитка, передав тем самым Аббасидам права на духовное и политическое руководство мусульманской общиной [3, с. 22].

Можно предполагать, что первая часть легенды, в которой фигурируют Пророк, 'Али б. Аби Талиб и Мухаммад б. ал-Ханафийа сформировалась не позднее восстания под руководством ал-Мухтара (685 г.), а вторая ее часть была создана Аббасидами в первой четверти VIII в. О том, что обладание подобным «завещанием» было серьезным аргументом в споре претендентов на верховную власть, равно как и о его легендарном характере, свидетельствует Мухаммад аш-Шахрагани: «Между приверженцами 'Абдаллаха б. Му'авии и приверженцами Мухаммада б. 'Али [было] большое разногласие относительно имамата, ибо каждый из них притязал на завещание со стороны Абу Хашима, а завещание не имело надежной основы» [4, с. 135]. Вместе с тем следует признать успешность Аббасидов в использовании, созданной ими легенды. Так, ал-Хасан б. Муса ан-Наубахти сообщает: «Приверженцы 'Абдаллаха б. Му'авийи вели спор со сторонниками Мухаммада б. 'Али из-за завещания Абу Хашима. Они избрали некоего мужа из них по прозвищу Абу Рийах, который был одним из их главарей и ученых и который свидетельствовал, что Абу Хашим 'Абдаллах б. Мухаммад б. ал-Ханафийа оставил завещание Мухаммаду б. 'Али б. ал-'Аббасу. И большая часть сторонников 'Абдаллаха б. Му'авийи обратилась к исповеданию имамата Мухаммада б. 'Али, и благодаря им усилились равандиты» [5, с. 136].

Следует отметить, что наряду с аргументом о «завещании» Абу Хашима, свое положительное для деятельности Аббасидов воздействие оказывал и избранный ими универсальный лозунг «возврат власти семье Пророка». Задекларированная в нем цель устраивала практически всех участников ши'итского движения и способствовала вовлечению их в дело Аббасидов, по крайней мере до тех пор, пока можно было не уточнять личность претендента на верховную власть. Разумеется, как видно из приведенного выше свидетельства Мухаммада аш-Шахрастани, далеко не все представители ши'итского движения оказались под обаянием аббасидской пропаганды. Одну из таких групп ши'итов составили, например, сторонники Мухаммада б. 'Абдаллаха, известного по прозвищу ан-Нафс аз-Закийя – «Чистая душа» (ум. в 762 г.). Следует отметить, что еще до начала аббасидского восстания, в 743 г. в селении ал-Абва', расположенном между Меккой и Мединой, состоялся тайный совет представителей семейства бану Хашим. Главным вопросом этого совета был вопрос о кандидатуре претендента из числа Хашимидов на халифат. В результате обсуждения большинство остановило свой выбор на представителе семейства Хасанидов Мухаммаде б. 'Абдаллахе ан-Нафс аз-Закийя. Не принял участия в аббасидском восстании и представитель дома Хусайнидов, ставший шестым имамом ши'итов-имамитов Джа'фар ас-Садик со своими приверженцами. Как показало дальнейшее развитие событий, его решение оказалось наиболее политически дальновидным.

Абу Абдаллах Джа'фар ас-Садик (около 700–765 гг.). – шестой имам ши'итов-имамитов, основоположник джа'фаритского мазхаба, носил лакаб ас-Садик, которым его наградили сторонники, что означает «достойный доверия». Джа'фар ас-Садик родился, жил и умер в Медине. Подобно своему деду и отцу, он был принципиальным противником вооруженной политической борьбы [6, с. 98]. Джа'фар ас-Садик осудил выступления своих родственников – Зайда б. 'Али в Куфе (739–740 гг.) и Мухаммада ан-Нафс аз-Закийя (762 г.) в Хиджазе. Начальный период имамата Джа'фара ас-Садики пришелся на то время, когда Аббасиды готовили восстание против Умаййадов. Источники свидетельствуют в пользу того, что Джа'фар ас-Садик неоднократно получал письма от различных групп, с предложением покинуть Медину и возглавить их политическую борьбу. Два таких письма были написаны ши'итами из Куфы, а одно поступило от аббасидского военного командира Бассама б. Ибрахима. Последовательно придерживаясь политики своего деда и отца, Джа'фар ас-Садик неизменно отвергал все подобные предложения. Еще одним примером политического квиетизма имама является его отношение к итогам совещания, созванного Хасанидом 'Абдаллахом ал-Махдом в ал-Абва', за шесть лет до падения Умаййадов. Как мы уже отметили, цель этой встречи состояла в том, чтобы добиться от представителей разных ветвей Алидов признания первенства Мухаммада ан-Нафса аз-Закийя – сына 'Абдаллаха ал-Махда – и вручить ему знамя борьбы с Умаййадами. ал-Махду удалось добиться своей цели и получить признание притязаний своего сына от лидеров Алидов. Только Джа'фар ас-Садик отказался от этого, предсказав трагическую гибель Мухаммада ан-Нафс аз-Закийя [7, с. 83–110]. Разгром многочисленных

вооруженных выступлений Алидов привел к тому, что после 763 г. Джа‘фар ас-Садик оказался единственной фигурой, способной консолидировать раздробленные ши‘итские группировки, что, несомненно, способствовало развитию ши‘итского-имамитского движения. Последнее обстоятельство в глазах ши‘итов всего мира придает фигуре Джа‘фара ас-Садики особое значение. Занимаясь богословской и законотворческой деятельностью, имам Джа‘фар ас-Садик прожил свою жизнь в Медине, где скончался в 765 г. и был похоронен на кладбище курайшитов ал-Баки.

После смерти Мухаммада б. ‘Али в 743 г. во главе аббасидского движения встал его сын Ибрахим б. Мухаммад (ум. в 748г.). Особенный успех аббасидская пропаганда имела в Хорасане, где действовала хорошо законспирированная организация. Как известно, восстание, положившее конец власти Умаййядов началось 9 июня 747 г. на территории Мервского оазиса, где ключевую роль в его организации и успехе сыграл эмиссар Ибрахима б. Мухаммада, ‘Абдаррахман б. Муслим ал-Хурасани, более известный как Абу Муслим (ум. в 755 г.). Примечательно то, что ранее Абу Муслим придерживался крайних ши‘итских взглядов и был тесно связан с ши‘итами Куфы. Восстание продлилось до 750 г., в начале которого в решающем сражении на берегу реки Большой Заб аббасидская армия одержала победу над войсками Марвана II (744–750 гг.), халиф бежал в Египет, где был схвачен и убит. Не имея намерения подробно останавливаться на ходе восстания, отметим только те события, которые имеют непосредственное отношение к интересующей нас теме. Несмотря на то, что имя аббасидского имама держалось от рядовых участников движения в тайне, в 748 г. Ибрахим б. Мухаммад был арестован. Непродолжительное время он находился в заключении в Харране, а затем был умерщвлен по приказу Марвана II. Согласно сообщениям источников, Ибрахим б. Мухаммад перед смертью завещал начатое им дело своему брату Абу-л-‘Аббасу (ум. в 754 г.).

О большом значении ши‘итского элемента в аббасидском движении свидетельствует тот факт, что, узнав о смерти Ибрахима б. Мухаммада, после прибытия в Куфу нового лидера Аббасидов Абу-л-‘Аббаса, распорядившийся в городе Абу Салама Хафс б. Сулайман ал-Халлал (ум. в 750 г.) решил передать руководство успешно развивавшегося восстания в руки Алидов. С этой целью им были написаны и отосланы соответствующие письма. Выдающийся арабомусульманский историк, географ и путешественник Абу-л-Хасан ‘Али ал-Мас‘уди (896–956 гг.) в «Золотых копиях и россыпях самоцветов» сообщает: «Когда известие об убийстве Ибрахима ал-Имама достигло Абу Саламы Хафса б. Сулаймана, он замыслил отойти от аббасидского призыва, который поддерживал, и поддержать род Абу Талиба... Когда был убит Ибрахим ал-Имам, Абу Салама испугался, что дело развалиться или извратиться, и послал Мухаммада б. ‘Абдаррахмана б. Аслама – а Аслам был маулой Посланца Аллаха, да прибудет с ним приветствие и благословение Аллаха – и дал ему два письма одного и того же содержания к Абу ‘Абдаллаху Джа‘фару б. Мухаммаду б. ‘Али б. ал-Хусайну б. ‘Али б. Аби Талибу и к Абу Мухаммаду ‘Абдаллаху б. ал-Хасану б. ал-Хусайну б. ‘Али б. Талибу – да будет доволен ими Аллах, – приглашая каждого из них явиться к нему, чтобы

призыв был в пользу установления власти одного из них и чтобы хорасанцы присягнули одному из них» [8, с. 48]. Джа‘фар ас-Садик, проявив политическую дальновидность, сжег доставленное ему послание, даже не вскрыв его. Что касается ‘Абдаллаха б. ал-Хасана, то он вначале готов был принять предложение Абу Саламы, но посоветовавшись с Джа‘фаром ас-Садиком воздержался от поспешных действий, а между тем в Куфе присягнули на верность Абу-л-‘Аббасу, который и стал первым аббасидским халифом, правившим под лакабом ас-Саффах – «проливающий кровь» (749–754 гг.). Присяга военачальников произошла без ведома Абу Саламы и ему не оставалось ничего иного, кроме как присягнуть ас-Саффаху. В свое время, анализируя эпизод с отправкой Абу Саламой упомянутых писем, Август Мюллер предположил существование определенного соглашения между Ибрахимом б. Мухаммадом и лидерами Алидов. Отметив, что о переговорах между ними ничего не известно, он, тем не менее, писал: «При этом, так по крайней мере я полагаю, было положено, чтобы ему (*Ибрахиму – И. С.*) наследовал один из Алидов. Только этим и можно объяснить, что Абу Салама... с момента смерти Ибрахима в харранской тюрьме, начинает подготавливать вручение имамата одному из Алидов» [9, с. 646]. К сожалению, приходится признать, что дошедшие до нас источники не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть данное предположение.

Как бы там ни было, но анализ обстоятельств прихода Аббасидов к власти позволяет вскрыть истоки их антиши‘итской политики. Осознание того факта, что представители рода ал-‘Аббаса б. ‘Абд ал-Мутталиба имеют гораздо меньше, по сравнению с Алидами, прав на верховную власть, вынуждало Аббасидов, с одной стороны, изобретать различные легендарные и религиозно-политические аргументы в свою пользу, а с другой, урезать права и заслуги перед уммой своих соперников. Необходимость размежевания с лидерами и представителями различных ши‘итских групп, принявших участие в деле свержения Умаййадов, для Аббасидов была тем более очевидна, чем больше был вклад ши‘итов в этом деле. Используя в борьбе с Умаййадами представителей значительной части ши‘итского движения, что называется втемную, Аббасиды не могли не понимать, того, что многие ши‘иты остались неудовлетворены результатами этой борьбы, почувствовав себя просто обманутыми, а это создавало благоприятную почву для возникновения и распространения антиаббасидских настроений. Пристального внимания со стороны представителей новой династии заслуживали как те лидеры ши‘итских течений, которые не приняли участия в борьбе с Умаййадами, так и проши‘итски настроенные вожди внутри самого аббасидского движения. Дальнейшие события показали реальность угрозы с их стороны, с которой Аббасиды не могли не считаться.

Первым, кто в полной мере испытал на себе «благодарность» Аббасидов стал Абу Салама. Несмотря на то, что после прихода к власти ас-Саффаха, он был назначен на должность вазира, халиф не забыл о его попытке передать руководство антиумаййадским движением в руки Алидов. Абу-л-Хасан ‘Али ал-Мас‘уди сообщает: «Абу-л-‘Аббас ас-Саффах держал нечто на него (*Абу Саламу – И. С.*) в душе своей, ибо он хотел отвратить власть от Аббасидов к другим» [8, с. 65]. Более

подробные сведения о деле Абу Саламы передает Мухаммад ат-Табари. Согласно ат-Табари, однажды во время вечернего разговора кто-то из окружения халифа предположил, что Абу Салама, предлагая Алидам власть, действовал по указанию Абу Муслима. Это вызвало серьезные опасения у ас-Саффаха. К Абу Муслиму, находившемуся в Мерве, был направлен гонец. Демонстрируя свою лояльность династии Аббасидов, Абу Муслим выразил согласие с тем, что кровь Абу Саламы является дозволенной для халифа. Более того, он же нашел убийцу, который зарезал Абу Саламу, когда тот возвращался домой после аудиенции у халифа. Дело было обставлено таким образом, что подозрения пали на хариджитов [10, с. 182–183]. Вслед за Абу Саламой были казнены и назначенные им наместники.

В качестве правителя восточных провинций аббасидского халифата Абу Муслим подавил первое антиаббасидское ши'итское восстание, вспыхнувшее на территории Мавераннахра в 750 г. Мухаммад ат-Табари сообщает, что под знамена Шарика б. Шайха ал-Махри, возглавившего восставших собралось более тридцати тысяч человек [10, с. 197]. Основной причиной восстания стало недовольство широких масс населения Мавераннахра налоговой политикой Аббасидов, чем не преминули воспользоваться ши'итские лидеры [11, с. 21]. Сведения о ходе восстания, как и о его ши'итском характере приводит согдийский историк Мухаммад б. Джа'фар ан-Наршахи (899–959 гг.) в своем сочинении «История Бухары»: «Был [один] человек из арабов, который жил в Бухаре и был храбрым человеком. Он принадлежал к ши'итскому мазхабу и призывал людей признать халифат потомков амира правоверных 'Али, — да будет им доволен Аллах. Он говорил: «Мы теперь избавились от несчастья Марванидов. Нам не нужно несчастье рода 'Аббаса. Потомки Пророка должны быть халифами Пророка». Великое [множество] народа собралось к нему» [12, с. 63]. Абу Муслим выслал к Бухаре десятитысячный отряд под командованием Зийада б. Салиха, а сам собрав войска двинулся следом. В конечном счете, восстание было жестоко подавлено: Бухара взята и предана огню, оставшиеся в живых лидеры восставших публично казнены. «Множество людей из [числа] жителей города были убиты. Зийад приказал, чтобы всякого, кого поймают в городе, вешали на городских воротах. В конце концов, они захватили город. Когда Зийад освободил [свое] сердце от дела Бухары, отправился в сторону Самарканда. Там он много воевал с его [жителями], а потом вернулся в Хурасан» [12, с. 65].

Несмотря на услуги, оказанные Абу Муслимом Аббасидам, судьба его оказалась незавидной. Опасаясь слишком возросшего могущества своего наместника и не чувствуя себя вполне самостоятельным правителем, пока жив Абу Муслим, пришедший к власти после смерти ас-Саффаха его брат Абу Джа'фар, правивший под лакабом ал-Мансур (Победоносный) (754–775 гг.), вызвал Абу Муслима ко двору, где он был коварно убит в 755 г. По сообщениям источников, во время аудиенции халиф хлопком ладоней подал условный сигнал своим воинам, которые изрубили Абу Муслима мечами [8, с. 88]. Следует отметить, что убийство Абу Муслима расценивается некоторыми исследователями как окончательный разрыв Аббасидов с ши'итским движением, и «поворот в сторону «джама'а», то

есть общины большинства мусульман» [11, с. 33]. По нашему мнению, эта точка зрения верна лишь отчасти: ал-Мансуру необходимо было не только избавиться от ши'итского элемента внутри аббасидского лагеря, но и выстроить в пользу своей династии взаимоотношения с лидерами Алидов, которые не приняли деятельного участия в свержении Умайядов, прежде всего, с Хасанидами. После победы Аббасидов, старший в роду Хасанидов 'Абдаллах б. Хасан, формально признал право на власть Абу-л-'Аббаса. Однако два его сына Мухаммад и Ибрахим приступили к подготовке восстания. После смерти Абу-л-'Аббаса эту проблему пришлось решать халифу ал-Мансуру. Оба брата скрылись от ал-Мансура и, как свидетельствуют источники, халиф предпринимал значительные и разнообразные усилия для розыска заговорщиков, вплоть до внедрения в их окружение своих агентов. Бесплодность этих попыток заставила ал-Мансура подвергнуть аресту отца и родственников мятежных братьев: «ал-Мансур схватил 'Абдаллаха б. Хасана б. Хасана б. 'Али, да будет доволен им Аллах, ... двоих сыновей 'Абдаллаха, и многих его родичей – это в сто сорок четвертом году (761/2 г.), когда он (*ал-Мансур – И.С.*) возвращался из хаджжа» [8, с. 94].

Мухаммад б. 'Абдаллах ан-Нафс аз-Закийя (ум. в 762 г.) являлся представителем хасанидской ветви Алидов, правнуком ал-Хасана б. 'Али б. Абу Талиба. По сообщениям источников, он и его брат Ибрахим воспитывались как будущие правители. После прихода к власти ал-Мансура (754–775 гг.) Мухаммад ан-Нафс аз-Закийя и его брат Ибрахим отказались принести присягу аббасидскому халифу и вынуждены были скрываться. Братья странствовали, переходя с место на место, приобретая новых сторонников. В своих скитаниях они достигли не только Куфы и Басры, но и Синда. Разгневанный неудачными результатами поисков Мухаммада и Ибрахима, ал-Мансур вынужден был пойти на крайние меры. В 758 г. он приказал заключить в тюрьму отца мятежных братьев, а в 762 г. таже участь постигла и других их родственников. В этих условиях братья решились открыто выступить против халифа. В ноябре 762 г. Мухаммад начал восстание в Медине, в то время как его брат Ибрахим отправился в Басру. Захватив власть в Медине, Мухаммад, оправдывая свое прозвище «ан-Нафс аз-Закийя» (чистая душа), действовал достаточно мягко. Он арестовал аббасидского наместника, выпустил из тюрьмы остальных заключенных и запретил всяческое кровопролитие. Успеху Мухаммада б. 'Абдаллаха в Медине способствовало то, что его сторону принял, пользующийся большим авторитетом в среде мусульманских ученых, Малик б. Анас (около 711 – 795 гг.) – основатель и эпоним маликитского мазхаба. Вслед за Мединой власть Мухаммада б. 'Абдаллаха распространилась на Мекку. Халиф ал-Мансур предложил Мухаммаду ан-Нафс аз-Закийя сложить оружие, обещая ему полную амнистию, но получил отказ. Против восставших был послан племянник халифа 'Иса б. Муса с четырехтысячным отрядом. Мухаммад, подражая Пророку, восстановил ров, вырытый мусульманами в 627 г., использовал его меч и боевой клич. Однако эти меры не смогли избавить восставших от поражения. Отвергнув очередное предложение о сдаче и помиловании, Мухаммад б. 'Абдаллах ан-Нафс

аз-Закийя пал в сражении с правительственными войсками в начале декабря 762 г. [13, с. 388–389].

Настойчивость, с которой ал-Мансур разыскивал и преследовал Мухаммада б. ‘Абдаллаха и его брата нуждается, как нам кажется, в дополнительном объяснении. Ключ к пониманию действий халифа, на наш взгляд, содержится в сообщении Мухаммада ат-Табари о том, каким образом сам Мухаммад б. ‘Абдаллах объяснял свой отказ от присяги Аббасидам: «Рассказывают, что Мухаммад говорил, что Абу Джа‘фар (*ал-Мансур – И. С.*) был среди тех, кто приносил ему клятву верности в ту ночь, когда бану Хашим вместе с остальными, находившимися там с ними, совещались в Мекке, кого они должны выбрать халифом. (Это было в то время, когда положение Марванидов было нестабильным)» [14, с. 86]. Данное сообщение возвращает нас к событиям 743 г. в селении ал-Абва’, когда представители рода бану Хашим избрали будущим халифом Мухаммада б. ‘Абдаллаха, вероятно, среди них находился и будущий аббасидский халиф ал-Мансур. Сказанное, по нашему мнению, косвенно свидетельствует в пользу предположения Августа Мюллера о существовавшем договоре между Аббасидами и Алидами, который был заключен за несколько лет до открытого выступления Аббасидов против Умаййадов.

Для характеристики позиции ал-Мансура по отношению к Алидам показательным является содержание речи, произнесенной им с минбара в ал-Хашимийи, после ареста ‘Абдаллаха б. Хасана и его родственников. Оно может быть сведено к нескольким тезисам. Прежде всего, ал-Мансур указывал на то, что потомки дяди пророка ал-‘Аббаса оставили халифат Алидам и «не препятствовали им ни в большом, ни в малом». Далее, ‘Али б. Аби Талиб, согласившись на третейский суд по вопросу о верховной власти, способствовал разобщению мусульманской общины. Его наследник – ал-Хасан б. ‘Али б. Аби Талиб – «не был мужчиной», так как продал Му‘авийи свое право на руководство уммой, предпочтя сибаритский образ жизни: «стал жениться сегодня на одной женщине, а завтра разводиться с другой». Ал-Хусайн б. ‘Али б. Аби Талиб, обманутый куфийцами, был убит. Та же участь постигла Зайда б. ‘Али Зайн ал-‘Абидина (в 740 г.), которого родственники ал-Мансура предупреждали о «вероломстве куфийцев», но «Зайд не внял и состоялось его восстание, и он был убит и распят на ал-Кунасе». Из-за действий Алидов пострадали и Аббасиды: «Затем набросились на нас Омейяды, надругались над честью нашей и лишили нас мощи нашей. Клянусь Аллахом, не встретили они от нас мести, которой искали, и содеялось это всецело и-за Алидов и из-за их восстания». После прихода Аббасидов к власти Алиды, исключительно из зависти «набросились на нас». Наконец, ал-Мансур, оправдывая свою антиалидскую политику, указал на то, что послал людей с деньгами в Медину и среди Алидов «не осталось ни старца, ни юноши, ни малого, ни старого, который бы не присягнул мне». Вывод из сказанного был очевиден: «И из-за этого разрешено проливать кровь их. Это стало дозволенным из-за нарушения ими присяги, мне данной, из-за их стремления к смуте и желания выступить против меня» [8, с. 97–98].

Как мы отметили, после массового ареста Хасанидов, в 762 г. Мухаммад б. 'Абдаллах ан-Нафс аз-Закиййа открыто выступил против ал-Мансура. Между тем, его брат Ибрахим поднял восстание в Басре. Его выступление было поддержано ши'итами-зайдитами. Собрав силы, Ибрахим выступил из Басры, но был встречен правительственными войсками под предводительством 'Исы б. Мусы и Са'ида б. Салма в местности, расположенной между Куфой и Васитом, приблизительно в ста километрах от Куфы. В результате состоявшегося сражения восставшие были разгромлены, а Ибрахим б. 'Абдаллах убит. «И было убито с ним из аз-зайдиййа среди его сторонников четыреста человек. И сказано: пятьсот человек» [8, с. 93].

Для понимания путей распространения ши'итского призыва, равно как и той опасности, которой подвергали себя его проповедники, важным, на наш взгляд, является сообщение 'Али ал-Мас'уди, который писал, что после смерти Мухаммада б. 'Абдаллаха ан-Нафс аз-Закиййи: «... рассеялись по странам братья Мухаммада и его сыны, которые призывали к установлению его имамата. И был среди тех, кто направился в Египет, сын его 'Али б. Мухаммад, и он был там убит. А сын его 'Абдаллах двинулся в Хорасан, потом бежал, когда стали его преследовать, в Синд, и был там убит. И двинулся сын его ал-Хасан в Йемен, был заключен в темницу и умер в заточении. Брат его Муса двинулся в ал-Джазиру, а брат его Йахйа ушел в Рей, затем в Табаристан... Ушел брат его Идрис б. 'Абдаллах в ал-Магриб. Тогда ответили его проповеди люди, и ал-Мансур послал того, кто убил его ядом в одном из захваченных им городов ал-Магриба. И занял сын его Идрис б. Идрис б. 'Абдаллах б. ал-Хасан б. ал-Хасан его место, и страна стала называться по их имени» [8, с. 92].

Действительно, следует признать, что преследования ши'итов со стороны государственной власти, при ал-Мансуре, приобрели новое качество. Подавив восстание Мухаммада ан-Нафс аз-Закиййи и его Брата Ибрахима, халиф начал систематическое уничтожение представителей рода Алидов. «Когда ал-Махди при своем вступлении на трон велел открыть переполненные сокровищницы своего покойного отца, то с изумлением увидел в одном громадном подземелье густые ряды набальзамированных трупов Алидов. Тут были старцы, возмужалые и дети; у каждого в ухе торчал ярлык с обстоятельным обозначением имени, звания и происхождения отдельного лица» [9, с. 693]. По некоторым сведениям, им было умерщвлено более тысячи человек [15, с. 240]. Подводя итог антиши'итской деятельности ал-Мансура, следует признать, что ему удалось не только разорвать всякие связи между Аббасидами и ши'итским движением, но и лишить ши'итов надежды привести к власти своего представителя в обозримом будущем. Теперь перед Аббасидами стояла новая задача: необходимо было закрепить результаты антиши'итской политики ал-Мансура на уровне официальной идеологии. Эту задачу предстояло решить его приемникам, при которых она становилась тем более актуальной, чем более в ши'итских кругах разрабатывалась доктрина имамата, закреплявшая особый статус представителей рода Алидов.

Так, хорошо известно, что имам ши'итов-имамитов Джа'фар ас-Садик собирал в Медине крупных богословов, законоведов и хадисоведов, устраивал собрания, на

которых обсуждались важнейшие проблемы ислама того времени. В результате деятельности имама началось формирование доктрины имамата ши'итов-исна'ашаритов, которой они придерживаются и сегодня. Еще раз подчеркнем, что по мнению Джа'фара ас-Садика, имамат – божественное установление, а люди постоянно нуждаются в присутствии имама. Имам является прямым доказательством существования Аллаха. Джафар ас-Садик настаивал на принципе ясного указания (ан-насс) при передаче имамата. Имамат является привилегией и одновременно обязанностью, которой Аллах наделяет достойнейшего из дома Пророка. Важным положением стало признание Джа'фаром ас-Садиком того, что имам является духовным главой общины, независимо от того, претендует он на высшую политическую власть (халифат), или нет. Имамат передается по наследству, и на Земле всегда присутствует имам, при этом важно отметить, что, с точки зрения Джа'фара ас-Садика, присутствие в мире «имама времени» не зависит от того, руководит ли он общиной на данный момент, или нет. Таким образом, впервые в мире ислама, в учении Джа'фара ас-Садика, светская и духовная власть оказались отделены друг от друга. Разрабатывая учение о передаче имамата на основе «ясного указания», имам настаивал на том, что при этом происходит передача божественного знания от предшествующего имама к последующему, а обладание этими знаниями и лежит в основе права на имамат [16, с. 210]. Нашла свое отражение в учении об имамате, доктринально оформленном Джа'фаром ас-Садиком, и концепция «божьего водительства». По его мнению, имам от рождения наделяется такими атрибутами как непогрешимость и безгрешность. Отвечая на вопрос о том, какой линии «дома Пророка» должен принадлежать имамат, Джа'фар ас-Садик навечно закрепил его за потомками младшего сына 'Али б. Аби Талиба – ал-Хусайна. При этом следует подчеркнуть, что, по мысли Джа'фара ас-Садика, одновременно в мире может присутствовать только один имам. Преданность и послушание имаму является важнейшей религиозной обязанностью каждого верующего. Показательно в этом отношении широко распространенное высказывание самого имама: «Тот, кто умирает, не познав истинного имама времени, умирает неверным» [17, с. 79].

Принято считать, что первым из аббасидских халифов, который активно использовал понятие «ересь» в своих политических интересах стал правивший вслед за ал-Мансуром халиф ал-Махди (775–785 гг.). В его правление был составлен список «еретических» сект и учреждена должность «надсмотрщика за еретиками». Надо ли говорить, что ши'иты оказались среди тех, кто был причислен к «еретикам» [18, с. 13]. С правлением ал-Махди связывают еще один принципиальный поворот в антиши'итской государственной пропаганде Аббасидов. Как сообщает ал-Хасан б. Муса ан-Наубахти: «А ал-Махди заставил их не признавать [право] на имамат за Мухаммадом б. ал-Ханафийей и его сыном Абу Хашимом, и утвердил имамат после Пророка за ал-'Аббасом б. 'Абд ал-Мутталибом, и призывал их [признать] его имамат. Он сказал, что ал-'Аббас был его (Мухаммада) дядей, наследником его и наиболее близким к нему из людей по родству, а что Абу Бакр, 'Умар, 'Усман, 'Али и те, кто стали халифами после Пророка, – захватчики, узурпаторы. И они

согласились с ним. Ал-Махди утвердил имамат за ал-‘Аббасом, после Посланника Аллаха» [5, с. 148]. Таким образом, главный аргумент ши‘итов в борьбе за лидерство – родство потомков ‘Али б. Аби Талиба с Пророком – был нивелирован. Утверждалось, что законное право на верховную власть в мусульманской общине принадлежит родственникам Мухаммада по линии его дяди, а не потомкам ‘Али б. Аби Талиба.

Выдвинув антиши‘итскую версию передачи имамата, ал-Махди, вместе с тем, предпринял определенные шаги для сближения с Алидами, не представлявшими, по его мнению, опасности для правящей династии. Так, Мухаммад ат-Табари сообщает, что вначале своего правления халиф, по совету вазиря: «приказал освободить всех, кто находился в тюрьме аль-Мансура, кроме тех, кто был обвинен в пролитии крови или убийстве, или тех, кто был известен распространением коррупции, или против кого у кого-либо были жалобы или просто претензии» [19, с. 172]. В числе амнистированных оказались и участники мятежа Мухаммада б. ‘Абдаллаха ан-Нафс аз-Закийи, которые находились в заключении, в частности, свободу получил некий Йа‘куб б. Да’уд (ум. ок. 802 г.). Согласно Мухаммаду ат-Табари, Йа‘куб заслужил доверие халифа тем, что выдал ему план побега, находившегося с ним в одной тюрьме представителя рода Хасанидов – ал-Хасана б. Ибрахима б. ‘Абдаллаха б. ал-Хасана б. ал-Хасана б. ‘Али б. Аби Талиба. Надеясь использовать связи Йа‘куба б. Да’уда в алидской среде, ал-Махди сделал его своим вазирем, обязанности которого тот исполнял с 779 по 782 гг. Следует признать, что все эти попытки успеха не имели. Алиды не пошли на контакт с властью, объявив Йа‘куба б. Да’уда предателем, а сам он был смещен и брошен в темницу, из которой его выпустил Харун ар-Рашид [11, с. 45].

О непримиримой позиции, по крайней мере, части алидских лидеров, говорит факт очередного восстания под предводительством ал-Хусайна б. ‘Али б. ал-Хасана б. ал-Хасана б. ‘Али б. Аби Талиба, которое вспыхнуло в Хиджазе в 786 г., во время краткого правления халифа ал-Хади (785–786 гг.). Непосредственным поводом к восстанию послужила сора Алидов с наместником Медины, что заставило их выступить, не завершив подготовку, которая, по всей видимости, проводилась заранее. Восставшим удалось захватить мечеть Пророка, в которой была принесена присяга ал-Хусайну б. ‘Али. Несколько дней продолжались ожесточенные стычки между восставшими и войсками аббасидского гарнизона города, однако, не получив поддержки у населения Медины, небольшой отряд ал-Хусайна выступил в направлении Мекки. Аббасиды сумели своевременно собрать вооруженные силы, состоявшие из отрядов тех знатных паломников, которые находились в Мекке и ее окрестностях. Неподалеку от Мекки состоялось сражение, завершившееся полным разгромом восставших, гибелью ал-Хусайна и его соратников. Вслед за разгромом последовали казни [20, с. 14–28]. Яркую картину гибели Алидов рисует ал-Мас‘уди: «Ал-Хусайн был убит и также большинство тех, кто был с ним. Три дня они лежали непогребенными, так что пожрали их хищные звери и птицы. Был с ним Сулайман б. ‘Абдаллах б. ал-Хасан б. ал-Хасан б. ‘Али. В тот день он был пленен, и ему беззащитному, в Мекке отрубили голову. Вместе с ним был убит ‘Абдаллах б.

Исхак б. Ибрахим б. ал-Хасан б. ал-Хасан б. ‘Али. Был пленен ал-Хасан б. Мухаммад б. ‘Абдаллах б. ал-Хасан б. ал-Хасан б. ‘Али, и ему, беззащитному, отрубили голову» [8, с. 123].

Таким образом, за время правления первых Аббасидов (от ас-Саффаха до ал-Хади), ими был осуществлены не только окончательный и, что принципиально важно, идеологически обоснованный разрыв с ши‘итским движением, но и вынужденный поворот к политике прежней династии Умаййадов в отношении ши‘итов. Теперь уже Аббасиды, подобно своим предшественникам, вынуждены были пристально следить за лидерами ши‘итов, физически устранять наиболее активных из них, подавлять многочисленные ши‘итские мятежи и восстания, а вместе с тем, предпринимать попытки, прибегая к практике подкупов и уступок, использовать, когда в этом возникала необходимость, ши‘итское движение в своих интересах.

Список использованных источников и литературы

1. Спивак И. А. Ши‘итская политика Умаййадов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2023.– Т. 9(75).– № 1.– С. 87–105.
Spivak I. A. Shi‘itskaya politika Umajjadov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2023.– Т. 9(75).– № 1.– С. 87–105.
2. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Пер. с араб. Н. А. Гайнуллин. – М.: УММА, 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie Proroaka Muhammada / Per. s arab. N. A. Gajnullin. – М.: UMMA, 2002. – 485 s.
3. История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи / Предисл. и крат. изложение содержания П. А. Грязневича. Указ. М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.– С. 45.
Istoriya halifov anonimnogo avtora XI veka. Faksimile rukopisi / Predisl. i krat. izlozhenie soderzhaniya P. A. Gryaznevicha. Ukaz. M. B. Piotrovskogo i P. A. Gryaznevicha. – М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1967.– С. 45.
4. аш-Шахрастани Мухаммад ‘Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах / Пер. с араб., введение и комментарий С. М. Прозорова. – М.: Наука, 1984. – 270 с.
ash-Shahrastani Muhammad ‘Abd al-Karim. Kniga o religiyah i sektah / Per. s arab., vvvedenie i kommentarij S. M. Prozorova. – М.: Nauka, 1984. – 270 s.
5. ан-Наубахти ал-Хасан б. Муса. Ши‘итские секты / Пер. с араб., введение и исследование С. М. Прозорова. – М.: Наука, 1973. – 255 с.
an-Naubahiti al-Hasan b. Musa. Shi‘itskie sekty / Per. s arab., vvvedenie i issledovanie S. M. Prozorova. – М.: Nauka, 1973. – 255 s.
6. Прозоров С. М. ал-Имамийа // Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.– С. 98–100.
Prozorov S. M. al-Imamija // Islam: enciklopedicheskij slovar'. – М.: Nauka, 1991.– С. 98–100.
7. Кроу Карим Дуглас. Имам Джа‘фар ас-Садик и развитие шиизма // Ши‘итский мир. Традиции и современность. – М.: Наталис, 2018. – С. 83–110.
Krou Karim Douglas. Imam Dzha‘far as-Sadik i razvitie shiizma // Shi‘itskij mir. Tradicii i sovremennost'. – М.: Natalis, 2018. – С. 83–110.
8. ‘Али ал-Мас‘уди. Золотые копии и россыпи самоцветов / Пер. с араб., примеч., коммент. и указ. Д. В. Микульского. – М.: Наталис, 2002. – 800 с.
‘Ali al-Mas‘udi. Zolotye kopi i rossypi samocvetov / Per. s arab., primech., komment. i ukaz. D. V. Mikul'skogo. – М.: Natalis, 2002. – 800 s.

9. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. – 911 с.
 Myuller A. Istoriya islama: ot doislamskoj istorii arabov do padeniya dinastii Abbasidov. – М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: «Izdatel'stvo AST», 2004. – 911 s.
10. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXVII: The 'Abbasid Revolution / Translated and annotated by John Alden Williams. – Albany: State University of New York Press, 1985. – 233 p.
11. Фильштинский И. М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). – М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999. – 384 с.
 Fil'shtinskij I. M. Istoriya arabov i Halifata (750–1517 gg.). – М.: ИД «Muravej-Gajd», 1999. – 384 s.
12. ан-Наршахи Абу Бакр Мухаммад б. Джа'фар. Та'рих-и Бухара. История Бухары / Перевод, комментарии и примечания Ш. С. Камолiddина. Археолого-топографический комментарий Е. Г. Некрасовой. — Ташкент: SMIA-SIA, 2011. – 600 с.
 an-Narshahi Abu Bakr Muhammad b. Dzha'far. Ta'rih-i Buhara. Istoriya Buhary / Pervod, komentarii i primechaniya Sh. S. Kamoliddina. Arheologo-topograficheskij kommentarij E. G. Nekrasovoj. – Tashkent: SMIA-SIA, 2011. – 600 s.
13. Buhl Fr. Muhammad b. Abd Allah // The Encyclopaedia of islam. 2 ed.: in 12 vol. –Leiden – New York: E. J. Brill, 1993. – Vol. VII. – P. 388–389.
14. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXVIII: Abbasid Authority Affirmed / Translated and annotated by Jane Dammen McAuliffe. – Albany: State University of New York Press, 1995. – 326 p.
15. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. – М.: Вост. лит., 2004. – 471 с.
 Prozorov S. M. Islam kak ideologicheskaya sistema. – М.: Vost. lit., 2004. – 471 s.
16. Прозоров С. М. Ши'итская (имамитская) доктрина верховной власти // Ислам: религия, общество, государство. – М.: Наука, 1984. – С. 204–211.
 Prozorov S. M. Shi'itskaya (imamitskaya) doktrina verhovnoj vlasti // Islam: religiya, obshchestvo, gosudarstvo. – М.: Nauka, 1984. – S. 204–211.
17. Дафтари Фархад. История ши'итского ислама. – М.: Наталис, 2017. – 352 с.
 Daftari Farhad. Istoriya shi'itskogo islama. – М.: Natalis, 2017. – 352 s.
18. Прозоров С. М. Введение. «Ортодоксальное» и «еретическое» в раннем исламе // аш-Шахрастани Мухаммад б. 'Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. Ислам. – М.: Наука, 1984. – С. 10–15.
 Prozorov S. M. Vvedenie. «Ortodoksal'noe» i «ereticheskoe» v rannem islame // ash-Shahrastani Muhammad b. 'Abd al-Karim. Kniga o religiyah i sektah. Ch. 1. Islam. – М.: Nauka, 1984. – S. 10–15.
19. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXIX: Al-Mansur and al-Mahdi A.D. 763-786/A.H. 146-169 / Translated and annotated by Hugh Kennedy. – Albany: State University of New York Press, 1990. – 281 p.
20. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXX: The 'Abbasid Caliphate in Equilibrium / Translated and annotated by C. E. Bosworth. – Albany: State University of New York Press, 1989. – 365 p.

Spivak I. A. Abbasids vs Alids

The article is devoted to the analysis of the reasons and circumstances of the formation of the anti-Shiite policy of the Abbasids, pursued by them after the first representatives of this dynasty came to power. Having used the Shi'ite movement to their advantage at the stage of the anti-Umayyad uprising, the Abbasids were subsequently forced to break with it. This was expressed not only in the suppression of open anti-Abbasid Shi'ite uprisings, as was the case, for example, with the speech of Muhammad b. 'Abd Allah an-Nafs az-Zakiyya, but also in the invention of official propaganda arguments testifying in favor of the legitimacy of the dynasty that came to power. At first, this argument was based on the legend of the "yellow scroll" containing secret knowledge, which was allegedly transmitted by the son of Muhammad b. al-Hanafiyi Abu Hashim to the great-grandson of al-'Abbas b. 'Abd al-Muttalib Muhammad b. 'Ali. Later, during the reign of Caliph al-Mahdi (775–785), the thesis was formulated about the transition of the Imamate after the death of the Prophet

not to Ali b. Abi Talib, but to Muhammad's uncle al-'Abbas b. 'Abd al-Muttalib. It is concluded that during the reign of the first Abbasids (from al-Saffah to al-Hadi), they carried out not only a final and, what is fundamentally important, ideologically justified break with the Shi'ite movement, but also a forced turn to the policy of the former Umayyad dynasty in relation to the Shi'ites.

Keywords: Abbasids, Abu 'Abdallah Ja'far al-Sadiq, Abu Muslim, Alids, al-Mansur, al-Mahdi, al-Saffah, imamat, Muhammad b. 'Abd Allah an-Nafs az-Zakiyya, caliph, shi'ites.

УДК 94 (47)902 КРЫМ, ВЕЙМАРН

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-170-185

**«НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ,
ПУСТЬ ИНОГДА И ТРУДНЫЕ ЭТАПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»:
К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)**

Юрочкин В. Ю.

*Институт археологии Крыма Российской академии наук
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru*

Исследование приурочено к юбилею известного крымского археолога-медиевиста Е. В. Веймарна (1905–1990). Охарактеризованы источники о его жизненном пути и научной деятельности. В статье рассматривается период между 1914–1947 гг. Показано, что первые навыки в области археологии он приобрёл в Севастопольском музее краеведения и в Государственном Херсонесском музее. Дальнейшее обучение в МГУ и работа в экспедиции на Эски-Кермене под руководством Н. И. Репникова в 1928–1937 гг., способствовали формированию Е. В. Веймарна как специалиста по средневековой археологии Крыма. Несмотря на многолетнюю безупречную службу в ГИМ (1928–1948), вся его исследовательская деятельность неразрывно связана с Крымом. В предвоенный период им был собран обширный материал о фортификации Эски-Керменского городища, который был положен в основу его диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук, защищённой в ИИМК в 1947 г. Период его научной деятельности в 1948–1975 гг. и роль в развитии крымской академической археологии предполагается рассмотреть в последующей статье.

Ключевые слова: Крым, Е. В. Веймарн, Эски-Кермен, Мангуп, Государственный исторический музей.

Введение

Вынесенная в название цитата из опубликованных воспоминаний о В. А. Городцове принадлежит замечательному крымскому археологу-медиевисту, кандидату исторических наук Евгению Владимировичу Веймарну (1905–1990) [22, с. 229]. Его научная судьба ярко отобразила все противоречия и перипетии эпохи становления и развития археологии Крыма советской эпохи.

Старшее поколение историков помнит его как педантичного и строгого учёного. Среднее – в юности воспитывалось на его научно-популярных очерках о «пещерных городах». Молодые археологи знают его имя только по публикациям. Именно он в середине 60-х гг. прошлого века стал инициатором регулярной практики университетских студентов-историков на археологических памятниках Юго-Западного Крыма. Особую дань памяти учёному отдают в Бахчисарае, где Е. В. Веймарн прожил многие годы, работая в тесном контакте с коллегами-музейщиками и краеведами. С 2012 г. здесь регулярно проходят конференции его памяти.

Следует указать основные группы источников, используемых в работе.

Первая из них хранится в фондах Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена при Севастопольском центре туризма, краеведения, спорта и экскурсий. В нем, помимо, фотографических материалов, переданных С. П. Бабенчиковой, представлена переписка 1980-х годов сотрудников Межшкольного музея с Е. В. Веймарном. Они касаются становления и первых лет научной деятельности начинающего учёного, связанной с Севастопольским музеем краеведения. Эти материалы подробно рассмотрены в работах В. В. Акимченкова [2; 6, с. 91–104; 7, с. 53–55].

Вторую группу составляют архивные документы, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее – ГИМ), сотрудником которого он являлся с 1928 по 1948 гг., с перерывом на службу в Красной Армии в 1941–1945 гг. Это преимущественно документы кадрового учёта, содержащие краткие, но важные биографические данные.

К третьей группе относятся материалы научного архива Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (далее – БИКАМЗ) [12]. Её основу составляют опубликованные и не опубликованные рукописи, характеризующие его научную деятельность, связанную с изучением памятников средневековья в Юго-Западном Крыму, копии полевых материалов исследований, материалы к археологической карте и т.д. [33, с. 234–239]. Учёный самолично инициировал их передачу в архив музея в 1979, 1980 и 1987 гг. [15].

Четвертая и самая объёмная группа хранится в научном архиве Института археологии Крыма РАН в личном фонде Е. В. Веймарна [28]. В нем также представлены рукописи материалов к его научным отчётам, статьям, монографиям. Кроме того, сюда была передана папка, касающаяся суда по т.н. Инкерманскому делу¹. В этом же архиве хранятся многочисленные научные отчёты Е. В. Веймарна [8, с. 390, № 12, 19, 27, 35, 68, 77, 107]. Не меньший интерес представляют протоколы заседаний и годовые отчёты 1948–1975 гг.

К числу источников следует прибавить опубликованные статьи, основанные как на данных архивов, так и на личных прижизненных контактах [16, с. 3, 4; 25, с. 362–369]. Среди них особый интерес представляет юбилейная статья киевского учёного И. С. Пиоро (1948–2005) [40]. Она написана незадолго до смерти Е. В. Веймарна и фактически является первой попыткой систематического изложения его биографии. В статье впервые приведены отрывки воспоминаний Е. В. Веймарна, касающиеся малоизвестных фактов его жизни. Большинство из них находят подтверждение среди других источников. Располагал ли автор неизвестными письменными воспоминаниями Е. В. Веймарна, или они воспроизведены по памяти на основе личного общения либо переписки, сейчас сказать трудно. Вместе с тем, наряду с подтверждёнными фактами, статья содержит ряд оценочных и субъективных суждений, поэтому к ним стоит относиться с определённой долей осторожности.

---

¹ На папке – карандашный автограф Е. В. Веймарна: «Дело № Кляузное «Инкерманский могильник» о том, как можно обливать честных людей грязью и никто автору морду не набил».

Последнюю группу составляют научно-исследовательские и научно-популярные работы учёного, опубликованные в печати [10, с. 75–77, № 864–904; 36, с. 829, № 865, 1459–1464, 5001, 5088, 5383, 7576]. Они отражают развитие научных взглядов Е. В. Веймарна, дискуссии в различные периоды деятельности.

Севастопольский музей краеведения.

Евгений Владимирович Веймарн – коренной крымчанин, родился в г. Севастополе 2 ноября 1905 г. Его отец, артиллерийский подполковник, принадлежал к старому дворянскому роду обрусевших прибалтийских немцев, представители которого многие годы служили Российской империи. Участник Первой Мировой войны, он в начале 1918 г. трагически погиб в Казани [40, с. 145]. В 1909 г. в семье Веймарнов появился младший сын – Борис¹. Мать с 1904 г. учительствовала, но после установления советской власти в городе в 1920 г. преподавание пришлось прекратить. В последующем она работала делопроизводителем и бухгалтером в советских учреждениях [37, л. 8]². В 1914 г. Е. В. Веймарн поступил в Константиновское реальное училище, которое в 1921 г. было преобразовано в советскую трудовую школу № 5 им. К. Маркса. Ещё в период учёбы шестнадцатилетним подростком он начал трудовую деятельность: в октябре 1921 г. был зачислен рассыльным в «Судоподъём Чёрного и Азовского морей» – предшественник ЭПРОН³, а с мая по ноябрь 1922 г. являлся палубным учеником (юнгой) на пароходе «Волга», Мортранса РСФСР [37, л. 8].

Своё образование Е. В. Веймарн продолжил в Общеобразовательном двухгодичном техникуме им. М.В. Ломоносова, который закончил в 1924 г. Здесь литературу и историю преподавали братья: Пётр Петрович и Владимир Петрович Бабенчиковы – замечательные знатоки полуострова и краеведы [4, с. 53–55; 5, с. 207–210; 6, с. 91–104]. Они, совместно с преподавателем Ю. П. Твердохлебовым, в 1923 г. инициировали организацию Севастопольского музея краеведения (далее – СМК) на основе кружка краеведов при техникуме [2, с. 25]. Его создание рассматривалось в качестве производственной практики гуманитарной группы, в которую входил Е.В. Веймарн [22, с. 229–230]. Так в течение весны-лета 1923 г. при участии братьев Бабенчиковых, сыгравших в дальнейшем заметную роль в археологии Крыма, решилась научная судьба двух других братьев – Веймарнов: Евгения Владимировича – будущего археолога-медиевиста и Бориса Владимировича – будущего востоковеда и историка искусства. Всю последующую жизнь они связали с древностями, интерес и уважение к которым были привиты в

¹ Борис Владимирович Веймарн (1909–1990). Доктор искусствоведения. Действительный член Академии художеств СССР.

² Следует отметить, что в документах личного учёта и автобиографиях, по крайней мере, относящихся к послевоенному периоду, Евгений Владимирович не скрывал своего дворянского происхождения. В графе национальность указывал себя русским, отмечая слабое знание немецкого и французского языков [37].

³ Экспедиции подводных работ особого назначения (с 1923 г.)

годы работы в СМК. Здесь же начинали свою научную деятельность будущие археологи: А. Н. Бернштам и С. Ф. Стржелецкий.

В музее Е. В. Веймарн трудился на общественных началах в историко-археологической группе. Здесь проявились его способности к выполнению обмеров и архитектурно-археологических чертежей. Летом 1924 г. он работал в составе Крымской и Бахчисарайской экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством А. С. Башкирова, которая проводила разведки и раскопки в окрестностях Севастополя и Бахчисарая. Е. В. Веймарном были сделаны зарисовки многих надгробных памятников [35, с. 47]. Он и другие молодые энтузиасты в 1924–1927 гг. под руководством братьев Бабенчиковых собирали материалы об археологических памятниках окрестностей Севастополя, которые стали основой «Гераклейского сборника», готовившегося впоследствии в Государственной Академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК) под руководством Н. И. Репникова [24, с. 9–15]. СМК тесно сотрудничал с Государственным Херсонесским музеем (далее – ГХМ) которым руководил К. Э. Гриневиц. В нем Е. В. Веймарн работал с 1924 г.: сначала по договорам, а с 1925 г. – зачислен в штат на должность научно-технического сотрудника, проработав на ней до ноября этого года [37, л. 3]. Здесь же состоялось знакомство с будущим известным археологом-медиевистом А. Л. Якобсоном – тогда студентом отделения археологии этнологического факультета I МГУ, проходившим в Херсонесе практику [40, с. 144]. Партнёрские творческие отношения между учёными, несмотря на различия в научных взглядах, сохранялись все годы их жизни.

Государственный исторический музей и Эски-Кермен.

Осенью 1925 г. Е. В. Веймарн получил направление ГХМ в I МГУ на этнологический факультет, где был зачислен сразу на 2-й курс отделения изящных искусств [34, л. 185, 186]. Музейную практику он проходил в Государственном музее изобразительных искусств (далее – ГМИИ), а археологическую – в экспедициях Коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуострова Института археологии РАНИОН¹ под руководством А. С. Башкирова [40, с. 144, 145]. В ней в 1926–1927 гг. работали начинающие археологи: В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, Л. П. Харко и др. [39, с. 68]. Таманским материалам посвящена первая научная публикация Е. В. Веймарна [18].

После окончания университета в 1928 г. Е. В. Веймарн получил аттестацию искусствоведа с археологическим уклоном и был распределён Главнаукой РСФСР в Государственный исторический музей (далее – ГИМ), где начал работу стажёром в Византийском отделе под руководством Н. Д. Протасова [37, л. 2]. Несмотря на основное место работы, становление Е. В. Веймарна как археолога и дельнейшая научно-исследовательская деятельность неразрывно связаны с Крымом.

---

¹ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

«НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ, ПУСТЬ ИНОГДА И ТРУДНЫЕ
ЭТАПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)

В 1926 г. в археологическую науку после долгого вынужденного перерыва возвратился Н. И. Репников – первооткрыватель готских древностей Крыма [47, с. 241–245]. Основными археологическими центрами полуострова в этот период оставались музеи, в первую очередь в Керчи и в Севастополе. Наиболее крупный из них – ГХМ, с которым была тесным образом связана научная деятельность Н. И. Репникова ещё в дореволюционный период. Директор музея К. Э. Гриневич, а также братья Бабенчиковы, ценившие его как археолога-практика, в эти годы оказали наибольшую поддержку [48, с. 321]. В тесном контакте с ними велась работа по изучению древностей Гераклеийского полуострова.

*Рис. 1. Экспедиция на Эски-Кермене. Фрагмент фото.
Справа-налево: С. Ф. Стржелецкий, Е. В. Веймарн*

Однако Н. И. Репникова привлекали, прежде всего, готские древности горной части полуострова. Ещё ранее у него сформировалось скептическое отношение к локализации Дороса – первоначального центра Крымской Готии на Мангупе [26]. Во второй половине 20-х гг. учёный выдвинул гипотезу: источники о Доросе относятся не к Мангупскому, а к соседнему Эски-Керменскому городищу. С 1928 г. начались регулярные исследования Эски-Кермена, сначала под эгидой Центральных

государственных реставрационных мастерских (И. Э. Грабарь) и Академии наук СССР (С. Ф. Платонов), а затем ГАИМК [47, с. 255–325]. С этого времени Е. В. Веймарн становится неперенным участником Крымской экспедиции вместе с другим «музеистом» – С. Ф. Стржелецким [29, с. 68–70] (рис. 1). Здесь им пригодились навыки археологических обмеров и черчения, полученные в предыдущие годы [36, с. 155, №1461]. Вскоре Е. В. Веймарн стал основным помощником Н. И. Репникова в исследованиях Юго-Западного Крыма, это и определило в дальнейшем его научную судьбу (рис. 2).

Рис. 2. Участники Гераклеийской экспедиции, 1928 г. В центре – Н. И. Репников, слева – Е. В. Веймарн; справа – Н. З. Федоров

Работая в ГИМ в 1929–1930 гг. Е. В. Веймарн состоял в должности младшего научного сотрудника Отдела исторической географии и картографии и даже принял участие в подготовке картографического материала для Большой советской энциклопедии [45, с. 198–199]. Он опубликовал в региональном литературно-краеведческом сборнике научно-популярный очерк о Балаклаве [17, с. 62–65]. Не оставил он и таманскую тематику.

В 1930 г. им и его братом Борисом Владимировичем, закончившим факультет литературы и искусства МГУ, была составлена подробная археологическая карта центральной части Таманского полуострова [39, с. 69]. В 1930–1932 гг.

«НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ, ПУСТЬ ИНОГДА И ТРУДНЫЕ ЭТАПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)

Е. В. Веймарн – старший научный сотрудник в Отделе раннего феодализма. Печально известное «Академическое дело», затронувшее ряд учёных, причастных к экспедиции на Эски-Кермен в 1929 г., Е. В. Веймарна к счастью не коснулось [47, с. 285–290]. Но события этого периода негативным образом отразились на Крымской группе ГАИМК, проводившей в том числе с 1925 г. археологические исследования на территории Генуэзской крепости в Судаке [30, с. 232–273]. Важную роль в исследовании памятника играл Н. Д. Протасов, поскольку с 1926 г. музей «Генуэзская крепость» находился в ведении ГИМ [31, с. 13]. Однако в 1930 г. он оставил работу в ГИМ, а в 1931 г. небольшие раскопки в Портовой части Судака провёл по собственной инициативе Е. В. Веймарн [30, с. 268–269]. Более к полевым исследованиям в Судаке он не возвращался, но в 1935 г. подготовил рукопись краткого путеводителя по Судакской крепости¹, снабжённого высококачественными иллюстрациями-фотоснимками фортификационных сооружений и окрестностей. Несмотря на положительные отзывы редакционного совета ГИМ, путеводитель не был опубликован [38, л. 1–11].

С 1932 г. экспедиция ГАИМК на Эски-Кермене (Ф. И. Шмит, Н. И. Репников) официально считалась совместной с ГИМ, благодаря участию в ней его сотрудника Е. В. Веймарна [46].

В период работы в ГИМ служебные обязанности сводили его с многими известными археологами довоенной Москвы. Хорошо известен фотоснимок 1931 года, на котором запечатлены работавшие с ним коллеги [9, рис. 2] (рис. 3).

¹ В соавторстве с Г. Г. Новицким.

Рис. 3. Сотрудники ГИМ, 1931 г. Слева направо: неизвестный, А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, Е. В. Веймарн, С. В. Киселев, Е. И. Крупнов, Д. А. Крайнов

Продолжая сотрудничество с Н. И. Репниковым и В. П. Бабенчиковым, Е. В. Веймарн в 1932–1934 гг. трудился над графическими материалами и археологической картой к т.н. «Гераклейскому сборнику», готовившемуся под эгидой ГАИМК, правда так и не получив за это вознаграждения [24, с. 11–12].

С 1934 г. Е. В. Веймарн стал руководителем Сектора нумизматики ГИМ. Тогда же он возглавил отдельный Бильдеранский отряд Эски-Керменской экспедиции, изучавший водопровод, связанный с городищем. В эти годы особое внимание уделялось прикладному значению научных исследований, использованию их результатов в народном хозяйстве. Одним из таких вопросов оставалась проблема водоснабжения полуострова в древности. К результатам археологических работ в регионе проявляли внимание: Институт истории науки и техники, коммунальные хозяйства и Военно-инженерное управление Рабоче-крестьянской Красной Армии [43, с. 202–208]. Публикации этих лет немногочисленны и связаны с результатами работ в экспедиции на Эски-Кермене [19–21; 23].

В 1936 г. Е. В. Веймарн подготовил обширную рукопись (более 10 п. л.) «Предварительная сводка материалов по истории военно-инженерного дела на территории Крымской АССР. Москва, 1936» [13]. Работа была выполнена по заданию ГАИМК и Военно-инженерной академии и вероятно стала продолжением сотрудничества археологов с военным ведомством страны. И хотя в целом работа была компилятивной, в ней впервые предлагалась систематизация памятников такого рода, снабжённая обширным списком литературы и источников. Это обстоятельство отмечал рецензировавший её сотрудник ГАИМК Н. И. Репников, [13, л. 1–8].

В октябре 1937 г. в составе Севастопольского музейного объединения (далее – СМО), охватывавшего все музеи г. Севастополя [3, с. 76–117], в качестве структурного подразделения был создан Музей пещерных городов (далее – МПГ). Для его размещения планировалось здание бывшего Благовещенского корпуса монастыря в Инкермене [42, с. 149]. В том же году ГАИМК была реформирована, а вместе с ней ликвидирована и прежняя Крымская экспедиция, работавшая на Эски-Кермене. В последний год работы финансирование осуществлялось по линии СМО (рук. Д. М. Анкудинов и В. П. Бабенчиков), а сама экспедиция считалась совместной. На основе ленинградского коллектива археологов создан Институт истории материальной культуры АН СССР (далее – ИИМК) [1, с. 11]. Под сокращение штатов в числе других попал и наставник Е. В. Веймарна – Н. И. Репников, фактический руководитель работ на Эски-Кермене [44, с. 736]. Однако за прошедшие годы Е. В. Веймарном были собраны обширные материалы, касающиеся фортификации и периодизации средневекового городища, достаточные для обширной научной работы [11].

Мангуп.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, Н. И. Репников и Е. В. Веймарн продолжали активное сотрудничество с СМО и МПГ в его составе [14, л. 267, 276]. Ещё накануне Н. И. Репников на берегу р. Бельбек у с. Заланкой при расширении дороги обнаружил ряд захоронений. В 1938 г. на могильнике, известном как Бельбек II, Е. В. Веймарн исследовал несколько погребений первых веков новой эры [41, с. 99].

В преобразованном ИИМК сформировалась новая экспедиция по изучению древностей Крыма, ядром которой стал сектор Восточной Европы дофеодалного периода. В нем работали М. А. Тиханова, ещё в конце 1920-х гг. критиковавшая идеи Н. И. Репникова, касающиеся Эски-Кермена и А. Л. Якобсон, так же отдававший предпочтение версии о ведущей роли Византии в создании сети «пещерных городов» Крыма. Учёные считали, что центральным из них является Мангупское городище, и именно здесь располагался древний Дорос, позднейший город Феодоро [47, с. 245, 265, 266].

В результате в науке по отношению к «пещерным городам» Крыма к этому времени образовалось два лагеря. Представители первого (Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, а также П. П. и В. П. Бабенчиковы) считали их результатом внутреннего развития местного населения. Другая группа учёных (М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон) отводила ведущую роль византийской политике укрепления границ Херсонеса, сопоставляя «пещерные города» с т.н. «длинными стенами» Прокопия Кесарийского.

Мангуп также принадлежал к числу памятников подведомственных МПГ. Поэтому СМО, как и прежде, осуществляло финансирование и формальное руководство совместной экспедицией и его руководители не планировали прерывать традиционное сотрудничество с группой Репникова-Веймарна. Предполагалось привлечь к новым раскопкам Е. В. Веймарна в качестве прораба. За научную часть должны были отвечать сотрудники ИИМК: М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон.

Ещё до начала экспедиции, 26 апреля 1938 г. Высшей квалификационной комиссией Народного комиссариата просвещения по представлению ГИМ Е. В. Веймарн был утверждён в учёном звании старшего научного сотрудника по специальности – «Археология» [37, л. 2]. 28 июня 1938 г. Учёным советом исторического факультета ЛГУ без предоставления диссертации Н. И. Репникову была присвоена учёная степень кандидата исторических наук [44, с. 736].

Несмотря на некоторые разногласия, раскопки Мангупа в 1938 г. состоялись и принесли ряд интересных результатов, указывавших на перспективность продолжения работ [32, с. 26, 27].

Планируя совместную Мангупскую экспедицию в 1939 г. СМО пригласило нового директора ИИМК М. А. Артамонова в качестве консультанта, но Открытый лист на раскопки просило выдать на имя Е. В. Веймарна при сохранении прежнего состава экспедиции [14, л. 141, 142]. Однако предложение СМО относительно Е. В. Веймарна ИИМК проигнорировал. Тогда Д. М. Анкудинов отказался

подписать договор о совместных работах [14, л. 135–137, 141]. Экспедиция оказалась под угрозой. Директор ИИМК, пытаясь спасти ситуацию, предложил взять на себя руководство экспедицией, исключив из неё М. А. Тиханову и А. Л. Якобсона, но сохранив Е. В. Веймарна и даже зачислив Н. И. Репникова. Однако Д. М. Анкудинов не пошёл на уступки и раскопки в 1939 г. не состоялись [47, с. 324–325].

В связи с приданием г. Севастополю особого статуса в начале 1940 г. СМО было расформировано, а МПГ переведён в г. Бахчисарай в качестве самостоятельного юридического лица. Экспозиция должна была разместиться в здании Ханской мечети Бахчисарайского дворца [42, с. 150, 151]. При разработке концепции и экспозиционного плана конкурировали два авторских проекта: Тихановой-Якобсона и Веймарна [14, л. 200–204, 230–231]. Последний и был принят за основу [12, л. 126, 126 об.], а ГИМ был закреплён за МПГ для методической помощи [42, с. 156].

В 1940 г. Е. В. Веймарн, получивший Открытый лист на исследование объектов в Куйбышевском районе, провёл ряд работ на могильниках в том числе в районе Мангупа. Работы осуществлялись экспедицией МПГ по теме «Крымское средневековье (XI–XV вв.)» под общим руководством Н. И. Репникова, возвращённого в штат ИИМК. Не была оставлена и идея возобновления раскопок «пещерных городов»: как Мангупа, так и Эски-Кермена. Е. В. Веймарн настаивал, чтобы в 1941 г. их возглавил Н. И. Репников [42, с. 152, 1953]. Но в конце 1940 г. учёный ушёл из жизни.

Несмотря на смерть наставника, Е. В. Веймарн продолжал подготовку кандидатской диссертации «Фортификационные сооружения Эски-Керменского городища». Защита планировалась осенью 1941 г., но помешала начавшаяся война [37, л. 8 об.].

Помимо музейной работы в ГИМ Е. В. Веймарн читал лекции на Высших Музейных курсах по теме «Фиксация архитектурных и археологических памятников» (1933–1936 гг.) и в Педагогическом институте им. К. Либкнехта (1940–1941 гг.). Активно трудился он и в местном ГИМ, а перед войной даже был его председателем [37, л. 8 об.].

В годы войны.

С первых дней Великой Отечественной войны Е. В. Веймарн добровольцем вступил в Московское ополчение, однако в скором времени был отчислен. Повторная попытка вступить в Красную Армию через Райком ВКП(б) Ленинградского района так же не принесла результатов. Возможно, сыграла роль немецкая фамилия и происхождение, хотя утверждать это – нет веских оснований. В начале осени 1941 г. он, как и ряд других сотрудников ГИМ, участвовал в строительстве оборонительных укреплений районе г. Малый Ярославец. Одновременно являлся начальником объектовой команды ПВО ГИМ. Только 1 ноября 1941 г. он был призван в ряды РККА и направлен для несения службы в 5 Запасной Стрелковый полк, дислоцировавшийся на Дальнем Востоке. Службу он

«НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ, ПУСТЬ ИНОГДА И ТРУДНЫЕ ЭТАПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)

начал в учебном батальоне. С конца марта по середину мая 1942 г. Е. В. Веймарн выполнял специальные задания командования, находясь в распоряжении Военпроекта (г. Хабаровск). Вернувшись в полк, зачислен во 2-ю роту 1 стрелкового батальона, в котором служил до осени 1942 г. После этого – направлен в штаб 27 Запасной Стрелковой бригады (базирувавшейся в г. Свободном Амурской области), где служил в качестве писаря-чертёжника и картографа до самого расформирования бригады. Здесь в феврале 1943 г. за отличную службу получил благодарность и воинское звание – ефрейтор. В июне 1944 г. он переведён в Управление штаба тыла 2-ой Краснознамённой армии Дальневосточного фронта на должность старшего писаря Санитарного Отдела, осуществлявшего секретное делопроизводство. В феврале 1945 г. ему присвоено звание – сержант. В составе Управления штаба тыла Е. В. Веймарн принял участие в походе против Японии. Награждён медалью «За боевые заслуги», медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». Окончательно был демобилизован 4 декабря 1945 года [37, л. 8 об.] (рис. 4).

Рис. 4. Е. В. Веймарн в 1945 г.

После демобилизации учёный вернулся в ГИМ на должность старшего научного сотрудника в сектор исторической географии [27, л. 5]. Здесь он продолжил подготовку к защите кандидатской диссертации, которая успешно состоялась в Учёном совете ИИМК в апреле 1947 г. [37, л.1].

Выводы.

1. Первые навыки в области археологии Е. В. Веймарн приобрёл в СМК под руководством братьев П. П. и В. П. Бабенчиковых, а затем в Государственном Херсонесском музее (1923–1925).

2. Становление Е. В. Веймарна как учёного связано, в первую очередь, с участием в экспедиции ГАИМК на Эски-Кермене, под руководством Н. И. Репникова.

3. Несмотря на многолетнюю безупречную службу в ГИМ (1928–1948), основная научно-исследовательская деятельность Е. В. Веймарна связана с проблемами средневековой археологии Крыма.

4. Невольно он стал участником конфликтной ситуации, возникшей между ГАИМК и СМО в 1938-1939 гг. вокруг возобновления раскопок Мангупа.

5. В период Великой Отечественной войны Е. В. Веймарн находился в частях, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, однако успел принять участие в походе против Японии. Командование привлекало Е. В. Веймарна к деятельности с учётом его гражданских навыков.

6. В довоенные годы им собран обширный материал, ставший основой его кандидатской диссертации, посвящённой фортификации Эски-Керменского городища, успешно защищённой в 1947 г. после его демобилизации.

Список использованных источников и литературы

1. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Ред.-сост. Е. Н. Носов. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2013. – 415 с.

Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy (ot RAIMK do IMK RAN, 1919–2014 gg.) / Red.-sost. E. N. Nosov. – SPb.: Dmitrij Bulavin, 2013. – 415 p.

2. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. – 120 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 17).

Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol'skij muzej kraevedeniya (1923–1939). – Kiev-Simferopol': Antikva, 2012. – 120 p.– (Seriya: «Bibliografiya krymovedeniya»; vyp. 17).

3. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм. Севастопольское музейное объединение (1928–1940). – Москва-Симферополь: Антиква, 2015. – 244 с.

Akimchenkov V. V. V bor'be za sovetskij patriotizm. Sevastopol'skoe muzejnoe ob"edinenie (1928–1940). – Moskva-Simferopol': Antikva, 2015. – 244 p.

4. Акимченков В. В. Историко-археологическое изучение древностей Юго-Западного Крыма в 20–30 годы XX века: Евгений Владимирович Веймарн // Гераклеийский сборник. – Вып. I («Гераклеийский сборник 1936 г.»). – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 53–55.

Akimchenkov V. V. Istoriko-arheologicheskoe izuchenie drevnostej Yugo-Zapadnogo Kryma v 20–30 gody XX veka: Evgenij Vladimirovich Vejmarn // Geraklejskij sbornik. – Vyp. I («Geraklejskij sbornik 1936 g.»). – Spb.: Aletejya, 2019. – Pp. 53–55.

«НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ, ПУСТЬ ИНОГДА И ТРУДНЫЕ ЭТАПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)

5. Акимченков В. В. Организатор краеведческого движения в Севастополе: неизвестные источники к биографии Павла Бабенчикова // *Пространство и время*. – 2015. – № 12(19–20). – С. 207–214.
- Akimchenkov V. V. Organizator kraevedcheskogo dvizheniya v Sevastopole: neizvestnyye istochniki k biografii Pavla Babenchikova // *Prostranstvo i Vremya*. – 2015. – № 1–2 (19–20). – Pp. 207–214.
6. Акимченков В. В. Патриарх крымской археологии: новые источники к биографии Владимира Петровича Бабанчикова // *Историческое наследие Крыма*. – Симферополь: Антиква, 2019. – С. 91–104.
- Akimchenkov V. V. Patriarh krymskoj arheologii: novye istochniki k biografii Vladimira Petrovicha Babanchikova // *Istoricheskoe nasledie Kryma*. – Simferopol': Antikva, 2019. – Pp. 91–104.
7. Акимченков В. В. «Старые опытные археологические разведчики»: братья Бабенчиковы // *Гераклейский сборник*. – Вып. I («Гераклейский сборник 1936 г.»). – Спб.: Алетейя, 2018. – С. 25–48.
- Akimchenkov V. V. «Starye opytnye arheologicheskie razvedchiki»: brat'ya Babenchikovy // *Geraklejskij sbornik*. – Вып. I («Geraklejskij sbornik 1936 g.»). – Spb.: Aletejya, 2018. – Pp. 25–48.
8. Архивный каталог. Отчёты и полевые материалы за 1945–2022 годы / Ред.-сост. Н. Н. Чемодуров // *История академической археологии Крыма*. – Т. 2. – Симферополь: Ариал, 2023. – 405 с.
- Arhivnyj katalog. Otchyoty i polevye materialy za 1945-2022 gody / Red.-sost. N. N. Chemodurov // *Istoriya akademicheskoj arheologii Kryma*. – Т. 2. – Simferopol': Arial, 2023. – 405 p.
9. Белозерова И. В. Александр Яковлевич Брюсов в 1930–1940 годы (по материалам Отдела письменных источников ГИМ). – Москва: ИА РАН, 2022. – С. 350–368.
- Belozerova I. V. Aleksandr Jakovlevich Brjusov v 1930-1940 gody (po materialam Otdela pis'mennyh istochnikov GIM). – Moskva: IA RAN, 2022. – Pp. 350–368.
10. Библиографический справочник. Публикации сотрудников за 1948–2022 / Ред.-сост. Н. Д. Денисенко // *История академической археологии Крыма*. – Т. 1. – Симферополь: Ариал, 2023. – 455 с.
- Bibliograficheskij spravochnik. Publikacii sotrudnikov za 1948-2022 / red.-sost. N.D. Denisenko // *Istoriya akademicheskoj arheologii Kryma*. – Т. 1. – Simferopol': Arial, 2023. – 455 p.
11. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 1–12.
ВІКАМЗ, f. 22, op.1, d. 1–12.
12. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 1–99.
ВІКАМЗ, f. 22, op.1, d. 1–99.
13. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 37, 285 л.
ВІКАМЗ, f. 22, op.1, d. 37, 285 l.
14. БИКАМЗ, ф.1, оп. 1, д. 49, 306 л.
ВІКАМЗ. F.1, op. 1, d. 49, 306 l.
15. БИКАМЗ, ф. 22, оп.1, д. 99, 62 л.
ВІКАМЗ. f. 22, op.1, d. 99. 62 l.
16. Вдовиченко И. И., Дворченко Е. П. Е. В. Веймарн и Бахчисарай // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. – Вып. 3. – Симферополь: Антиква, 2008. – С. 362–369.
- Vdovichenko I. I., Dvorchenko E. P. E. V. Vejmarn i Bahchisaraj // *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*. – Вып. 3. – Simferopol': Antikva, 2008. – Pp. 362–369.
17. Веймарн Е. В. Балаклава (экскурсионный очерк) // *Крым*. – 1929. – №2. – С. 62–65.
- Vejmarn E. V. Balaklava (ekskursionnyj ocherk) // *Krym*. – 1929. – №2. – Pp. 62–65.
18. Веймарн Е. В. О керамике Таманского полуострова // *Сборник научного археологического кружка (при И МГУ)*. – М., 1928. – №1. – С. 22–26.
- Vejmarn E. V. O keramike Tamanskogo poluoostrova // *Sbornik nauchnogo arheologicheskogo kruzha (pri I MGU)*. – М., 1928. – №1. – Pp. 22–26.
19. Веймарн Е. В. Остатки древнего водопровода в районе урочища Мустафа-бей в долине р. Кача // *ИГАИМК*. – 1935. – № 117 (Материалы Эски-Керменской экспедиции). – С. 77–80.
- Vejmarn E. V. Ostatki drevnego vodoprovoda v rajone urochishcha Mustafa-bej v doline r. Kacha // *IGAIMK*. – 1935. №117 (Materialy Eski-Kermenskoj ekspiedicii). – Pp. 77–80.

20. Веймарн Е. В. Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931–1933 гг. // ИГАИМК. – 1935. – №117 (Материалы Эски-Керменской экспедиции). – С. 47–76.
- Vejmarn E. V. Otchet o rabotah po raskopkam drevnego vodoprovoda v rajone gorodishcha Eski-Kermen v 1931–1933 gg. // IGAIMK. – 1935. – №117 (Materialy Eski-Kermenskoj ekspedicii). – Pp. 47–76.
21. Веймарн Е. В. Проблема организованной воды в Крыму и историческая наука // СГАИМК. – 1932. – №9–10. – С. 50–52.
- Vejmarn E. V. Problema organizovannoj vody v Krymu i istoricheskaya nauka // SGAIMK. – 1932. – №9–10. – Pp. 50–52.
22. Веймарн Е. В. Светлой памяти Василия Алексеевича Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. – Москва: Наука, 1991. – С. 229–231.
- Vejmarn E. V. Svetloj pamjati Vasiliya Alekseevicha Gorodcova // Problemy izucheniya drevnih kul'tur Evrazii. – Moskva: Nauka, 1991. – Pp. 229–231.
23. Веймарн Е. В., Репников Н. И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. – 1935. – №117 (Материалы Эски-Керменской экспедиции). – С. 115–125.
- Vejmarn E. V., Repnikov N. I. Syujrenskoe ukreplenie // IGAIMK. – 1935. – №117 (Materialy Eski-Kermenskoj ekspedicii). – Pp. 115–125.
24. Виноградов Ю. А. Из истории создания Гераклеийского сборника // Гераклеийский сборник. – Вып I («Гераклеийский сборник 1936 г.»). – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 9–15.
- Vinogradov Yu. A. Iz istorii sozdaniya Geraklejskogo sbornika // Geraklejskij sbornik. – Vyp I («Geraklejskij sbornik 1936 g.»). – SPb.: Aletejya, 2019. – Pp. 9–15.
25. Герцен А. Г. Вступление. Посвящается Е. В. Веймарну // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 3–4.
- Gercen A. G. Vstuplenie. Posvyashchaetsya E. V. Vejmarnu // Problemy istorii «peshchernyh gorodov» v Krymu. – Simferopol': Tavriya, 1992. – Pp. 3, 4.
26. Герцен А. Г. Н. И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2008. – № 22–23. [Памятники Крыма. Спецвыпуск. Сводный том по материалам журнала «Историческое наследие Крыма №1–21].
- Gercen A. G. N. I. Repnikov o Mangupe // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2008. – №22–23. [Pamyatniki Kryma. Specvypusk. Svodnyj tom po materialam zhurnala «Istoricheskoe nasledie Kryma №1–21].
27. ИАК РАН. НА, д. 3 (1948). 41 л.
- IAK RAN. NA, d. 3 (1948). 41 l.
28. ИАК РАН. НА, ф. «Л» 10, оп.1.
- IAK RAN. NA, f. «L» 10, op.1.
29. Колесник Е. В. Хранитель истории // Херсонесский музей: люди, подвиги, судьбы. 1941–1945. – Севастополь, 2020. – С. 68–81.
- Kolesnik E. V. Hranitel' istorii // Hersonesskij muzej: lyudi, podvigi, sud'by. 1941–1945. – Sevastopol', 2020. – Pp. 68–81.
30. Майко В. В. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 232–273.
- Majko V. V. Neizvestnye stranicy arheologicheskogo izucheniya srednevekovoj Sugdei v 1925–1931 gg. // Neizvestnye stranicy arheologii Kryma: ot neandertal'cev do genuezcev. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 232–273.
31. Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. – Симферополь, 2015. – 448 с.
- Majko V.V., Dzhanov A.V. Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym. – Simferopol', 2015. – 448 p.
32. Мангупская экспедиция: обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. // КСИИМК. – 1939. – Вып. 1. – С. 26–27.

**«НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ, ПУСТЬ ИНОГДА И ТРУДНЫЕ
ЭТАПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: К 120-ЛЕТИЮ Е. В. ВЕЙМАРНА (1905–1990)**

Mangupskaya ekspediciya: obzor polevyh arheologicheskikh issledovanij IIMK AN SSSR v 1938 g. // KSIMK. – 1939. – Вып. 1. – Рр. 26–27.

33. Могаричев Ю. М. Научный архив Е. В. Веймарна в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. – С. 234–239.

Mogarichev Yu. M. Nauchnyj arhiv E. V. Vejmarna v Bahchisarajskom istoriko-kul'turnom zapovednike // Istorija i arheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma. Simferopol', 1993. – Рр. 234–239.

34. НАО ГМЗ ХТ, д. 156. 206 л.

NAO GMZ HT., d. 156. 206 l.

35. Непомнящий А. А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4(70). – С. 40–83.

Непомнящий А. А. Aleksej Bashkirov v krymovedcheskikh kommunikacijah pervoj treti XX stoletija // Uchyonye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo. Seriya Istoricheskie nauki». 2018. – Т. 4 (70). – Рр. 40–83.

36. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 25). – 935 с.

Непомнящий А. А. Istorija i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945). – Simferopol': Antikva, 2015. (Seriya: «Bibliografiya krymovedeniya»; вып. 25). – 935 p.

37. ОПИ ГИМ, ф. «НВА», оп. 1, д. 65. 19 л.

OPI GIM, f. «NVA», op. 1, d. 65, 19 l.

38. ОПИ ГИМ, ф. «НВА», оп. 1, д. 515. 22 л.

OPI GIM. F. «NVA», op. 1, d. 515. 22 l.

39. Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове (1792–2016 гг.). – М.: ИА РАН, 2023. – 336 с.

Paromov Ya. M. Istorija arheologicheskikh issledovanij na Tamanskom poluostrove (1792–2016 gg.). – M.: IA RAN, 2023. – 336 p.

40. Піоро І. С. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. – 1990. – №4. – С. 145–149.

Pioro I. S. Skladna dolya arheologa (do 85-richchya Evgena Volodimirovicha Vejmarna) // Arheologiya. – 1990. – №4. – Рр. 145–149.

41. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II до н.э. – III в. н.э. – Симферополь, 2007. – 479 с.

Puzdrovskij A. E. Krymskaja Skifija II do n.e. – III v. n.e. – Simferopol', 2007. – 479 p.

42. Селиверстова К. Н. Обстоятельства возникновения музея «пещерных городов» в Бахчисарае // Учёные записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – Симферополь, 2017. – Т. 3 (69). – №3. – С. 147–159.

Seliverstova K. N. Obstoyatel'stva vznikeniya muzeya «peshchernyh gorodov» v Bahchisarae // Uchyonye zapiski Krymskogo Federal'nogo universiteta imeni V I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – Simferopol', 2017. – Т. 3 (69). – №3. – Рр. 147–159.

43. Сыченкова Л. А. «Памятник вскрыт интересный и ценный»: Эски-Керменские экспедиции 1930-1933 гг. Ф. И. Шмита // Материалы Эски-Керменской экспедиции. – Вып. II. – Симферополь: Антиква, 2022. – С. 197–221.

Sychenkova L. A. «Pamyatnik vskryt interesnyj i cennyj»: Eski-Kermenskie ekspedicii 1930-1933 gg. F. I. SHmita // Materialy Eski-Kermenskoj ekspedicii. – Вып. II. – Simferopol': Antikva, 2022. – Рр. 197–221.

44. Тихонов И. Л. «Ученик реакционного археолога А. А. Спицына»: к биографии Н. И. Репникова в начале 1930-х гг. // МАИЭТ. – Симферополь, 2022. – Вып. 27. – С. 724–741.

Tihonov I. L. «Uchenik reakcionnogo arheologa A.A. Spicyna»: k biografii N.I. Repnikova v nachale 1930-h gg. // MAIET. – Simferopol', 2022. – Вып. 27. – Рр. 724–741.

45. Ульянов А. А., Веймарн Е. В. Языки мира / под ред. Р. О. Шор: [карта] // БСЭ. – М.: ОГИЗ, 1929. – Т. 65. – С. 198–199.

Ul'yanov A. A., Vejmarn E. V. Yazyki mira / pod red. R. O. Shor: [karta] // BSE. – M.: OGIZ, 1929. – Т. 65. – Рр. 198–199.

46. Шмит Ф. И. Эски-Керменская экспедиция (Краткий предварительный отчёт об экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры и Гос. Исторического музея в августе 1932 г.) // СГАИМК. – 1932. – №11–12. – С. 61–65).

Shmit F.I. Eski-Kermenskaya ekspediciya (Kratkij predvaritel'nyj otchet ob ekspedicii Gos. Akademii istorii material'noj kul'tury i Gos. Istoricheskogo muzeya v avguste 1932 g.) // SGAIMK. – 1932. – №11–12. Pp. 61–65).

47. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. – Симферополь: Сонат, 2017. – 495 с.

Yurochkin V. Yu. Gotskij vopros. Simferopol': Sonat, 2017. – 495 s.

48. Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Народный учёный» – Н. И. Репников и Херсонес // Археология античного и средневекового города (сборник в честь С. Г. Рыжова). – Севастополь-Калининград, 2018. С. – 319–332.

Yurochkin V. Yu., Emel'yanova N.S. «Narodnyj uchenyj» – N.I. Repnikov i Hersoneps // Arheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda (sbornik v chest' S.G. Ryzhova). – Sevastopol'-Kaliningrad, 2018. Pp. – 319–332.

Yurochkin V. Yu. «The most bright, though sometimes difficult stages of work activity are involvently remembered». To the 120th anniversary of E. V. Weimarn (1905–1990)

The article is devoted to the anniversary of the famous Crimean Medieval archaeologist E.V. Weimarn (1905-1990). The sources about his life path and scientific activity are characterized. The article examines the period between 1923 – 1947. It is shown that he acquired his first skills in the field of archaeology at the Sevastopol Museum of Local Lore and the State Kherson Museum. Further studies at Moscow State University and work in the expedition to Eski Kermen under the leadership of N.I. Repnikov in 1928-1937 contributed to the formation of E.V. Weimarn as a specialist in medieval archaeology of the Crimea. Despite many years of impeccable service at the State Historical Museum (1928-1947), all his research work is inextricably linked with the Crimea. In the pre-war period he collected extensive material on the fortification of the Eski-Kermensk settlement, which was the basis for his dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences, defended at the Institute of the History of Material Culture in 1947. The period of his scientific activity in 1948-1975 is supposed to be considered in a subsequent article.

Keywords: Crimea, E.V., Weimarn, Eski-Kermen, Mangup, State Historical Museum, 1923–1947.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Вахонеев
Виктор
Васильевич**

кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация)

**Гаврилюк
Андрей
Николаевич**

лаборант-исследователь Отдела естественно-научных методов в археологии Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Деваев
Алексей
Сергеевич**

младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Жилин
Михаил
Геннадьевич**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник археологии каменного века Института археологии РАН, (г. Москва, Российская Федерация)

**Ивлева
Яна
Анатольевна**

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и правоведения Евпаторийского института социальных наук (филиала) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Евпатория, Российская Федерация)

**Кецко
Ростислав
Сергеевич**

лаборант-исследователь Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Кислый
Александр
Евгеньевич**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН, (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Королева
Лариса
Иосифовна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова (г. Симферополь, Российская Федерация)

- Лавров Александр Вадимович** кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории млекопитающих Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН, (г. Москва, Российская Федерация)
- Лосев Константин Викторович** доктор экономических наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Масленников Александр Александрович** доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация).
- Михайлов Вадим Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Непомнящий Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
- Петровский Василий Михайлович** кандидат исторических наук, заведующий морским учебно-исследовательским полигоном ЦКП «Центр морских исследований и технологий» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация)
- Романько Олег Валентинович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Руев Владимир Леонидович** кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
- Смекалова Татьяна Николаевна** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

Федерация); Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (г. Москва, Российская Федерация)

**Спивак
Игорь
Александрович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Фридрихсон
Сергей
Константинович**

лаборант-исследователь Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

**Юрочкин
Владислав
Юрьевич**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Вахонеев В. В., Петровский В. М.

Особенности археологического изучения шельфовой зоны
и континентального склона Черного моря..... 3

Жилин М. Г., Кислый А. Е., Лавров А. В., Рудев В. Л.

Предварительные итоги археологических исследований
в пещере Таврида в Крыму 15

Ивлева Я. А.

Секта молокан в Таврической губернии в первой половине XIX века 37

Кецко Р. С., Масленников А. А.

Боспорское сельское поселение «Полянка»
в графической реконструкции 48

Королева Л. И.

Второй займ 1928 года на индустриализацию
в Крымской АССР по документальным материалам 59

Лосев К. В., Михайлов В. В.

Из политической биографии Х. А. Паэса: конфликт боливарианской
идеологии и латиноамериканских латифундистов в 1826–1827 гг. 69

Мальшко А. А.

Опыт отмобилизования Кировской железной дороги
в условиях Советско-финляндской войны 1939–1940 годов..... 81

Непомнящий А. А.

«Работаю, сколько могу»: к биографии профессора С. П. Попова..... 93

Романько О. В.

История Крыма как «трудное прошлое»: мемориальные конфликты
и дискуссии постсоветского периода 124

Смекалова Т. Н., Деваев А. С., Фридрихсон С. К., Гаверилюк А. Н.	
Комплексные археолого-геофизические исследования поселений эпохи бронзы в балке Агар-су в Северо-Западном Крыму	137
Спивак И. А.	
Аббасиды vs Алиды	156
Юрочкин В. Ю.	
«Невольно вспоминаются наиболее яркие, пусть иногда и трудные этапы трудовой деятельности»: к 120-летию Е. В. Веймарна (1905–1990).....	170
Сведения об авторах	186